

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В СССР И ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

З. В. УДАЛЬЦОВА, Г. Г. ЛИТАВРИН

СОВЕТСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

В 1955—1960 гг.

Советские историки, выступая против ошибочной теории европеоцентризма, отказывающей народам Восточной Европы и азиатского Востока в самостоятельности исторического развития, уделяют значительное внимание изучению истории Византии, сыгравшей немаловажную роль в судьбах Восточной Европы и Ближнего Востока. За последние годы советская византистика достигла заметных успехов, особенно в области изучения социально-экономических отношений в Византии и исторических связей Византии с Русью, а также с другими славянскими народами, со странами Востока, Западной Европы и народами Кавказа. Немало исследований содано и по вопросам истории византийской культуры и искусства.

Настоящая статья представляет собой итоговый обзор исследований, выполненных советскими византистами в 1955—1960 гг. Сектор византиноведения Института истории АН СССР стремился не только возможно более полно выявить уже сделанное, но и указать те пока еще нерешенные проблемы, которые подлежат дальнейшей разработке. Статья является результатом совместных усилий сотрудников сектора. Кроме основных авторов, в сборе материалов для нее и в ее написании принимали участие К. А. Осипова, Р. А. Наследова, К. В. Хвостова, З. Г. Самодурова, А. Я. Сыркин и Н. М. Савостьянова.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ

В центре внимания советских византистов в эти годы находилось изучение своеобразия византийского феодализма, выяснение сходства и различия в развитии феодальных отношений в Византии по сравнению с другими странами Юго-Восточной Европы и Передней Азии. Признание феодального характера общественных отношений в Византии отличает византиноведение в СССР и странах народной демократии от основных направлений буржуазного византиноведения. Отрицание последним феодализма в Византии приобретает в настоящее время ярко выраженный политический смысл; оно служит одним из основных аргументов для обоснования якобы имевшего место коренного различия путей развития Восточной и Западной Европы, одним из доводов в защиту реакционной теории о непримиримой противоположности Востока и Запада. Борьба с концепциями

буржуазного византиноведения по вопросу о феодализме в Византии имеет, таким образом, серьезное политическое значение¹.

В свете сказанного особую важность приобрела в последние годы проблема перехода от рабовладельческого строя к феодализму и генезиса феодальных отношений в Византии и сопредельных с ней странах. Разработкой этой проблемы занимались чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская (Ленинград), доктора исторических наук М. Я. Сюзюмов (Свердловск), Е. Э. Липшиц (Ленинград), З. В. Удальцова (Москва), кандидаты исторических наук А. Р. Корсунский и Г. Г. Дилигенский (Москва), доктор исторических наук С. Т. Еремян (Армения), профессора С. Г. Каухчишвили (Грузия), Г. А. Меликишвили (Грузия), А. Д. Дмитрев (Ростов-на-Дону) и другие ученые.

Спорный характер и сложность проблемы потребовали от советских ученых углубленного изучения путей возникновения феодальных отношений в различных областях Византийской империи. В результате появились локальные исследования, рассматривающие специфику генезиса феодализма в ее разных провинциях.

Крушение рабовладельческого строя и начало формирования феодализма в странах Ближнего Востока составляют предмет исследований Н. В. Пигулевской.

В своих работах она рассматривает процесс перехода от рабовладельческой к феодальной формации в Иране, Южной Аравии и восточных провинциях Византии, прежде всего в Сирии². Н. В. Пигулевская считает, что для общественных отношений III в. было характерно наличие сельской общины, смягчение, по сравнению с Римской эпохой, положения рабов и начало упадка рабства; она полагает, что именно в это время на Ближнем Востоке возникает феодальная аристократия.

Разложение рабовладельческого строя и формирование феодальных отношений в Италии в период остготского, а затем византийского завоевания были рассмотрены в монографии З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI в.»³ и в ряде ее статей⁴.

Основной вывод автора состоит в том, что генезис феодализма в Италии произошел в результате синтеза общественных отношений варваров (остготов) и элементов феодального строя, развивавшихся внутри страны; византийское завоевание, приведшее к реставрации на Апеннинском полуострове рабовладельческих порядков, временно затормозило развитие феодального строя, поскольку в самой Византии формирование феодальных отношений происходило более медленными темпами, чем на Западе.

¹ См. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959.

² Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956; е е ж е. К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране. «Вестник ЛГУ», 1956, № 8; е е ж е. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «Уз Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 5—30; е е ж е. Арабы у границ Византии в IV в. М., 1960 и др.

³ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, 522 стр. См. рецензию: М. Л. Абрамзон. ВИ, 1960, № 7, стр. 168—171; М. А. Заборов. ВДИ, 1961, № 1, стр. 151—155.

⁴ З. В. Удальцова. Сельское зависимое население в Италии VI в. ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—116; е е ж е. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, IX, 1956, стр. 78—116; е е ж е. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, X, 1956, стр. 9—26; е е ж е. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, XI, 1956, стр. 29—54; е е ж е. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V века. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 39—54; е е ж е. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, 1958, 3, стр. 21—59.

Выяснив формы эксплуатации зависимого населения на землях крупных собственников, автор характеризует крупную земельную собственность, складывавшуюся в остготской Италии, как феодализирующуюся. Анализ положения различных категорий этого населения показывает, что в Италии VI в. начали выкристаллизовываться основные черты будущей феодальной зависимости.

Наряду с рабством, не потерявшим еще своего экономического значения, все большее распространение получает труд колонов, рустиков и свободных земледельцев; их доля в общей массе непосредственных производителей увеличивается, хотя рабство пока еще медленно уступает свои позиции. В то же время происходит нивелировка в положении самих этих групп трудящихся, которая приводит к превращению их в единую массу феодального, зависимого крестьянства.

Формирование феодализма в Испании в период византийского завоевания этой страны было проанализировано А. Р. Корсунским, показавшим в своих статьях⁵, что в Вестготском королевстве (так же как и в Остготском) генезис феодализма происходил на основе синтеза древнегерманских и римских общественных порядков, причем своеобразие развития Испании состояло в длительном сохранении рабства и сильной романизации государственного управления Вестготского королевства. Проблема генезиса феодализма в Северной Африке в период вандалского, а затем византийского завоевания изучалась Г. Г. Дилигенским⁶ и З. В. Удальцовой⁷, по мнению которых своеобразие развития этой провинции заключалось в явном преобладании в тот период колоната над рабством и в быстром разложении рабовладельческих порядков.

Изучением социально-экономического строя византийского Египта в IV—VI вв. в связи с проблемой генезиса феодализма и роли города в этом процессе занимается И. Ф. Фихман⁸. На основании анализа писем Синесия Киренского покойный профессор М. В. Левченко воссоздал картину разложения в конце IV — начале V в. рабовладельческого общества провинции Пентаполь, раздиравшейся классовыми и этническими противоречиями⁹. Роль городских курий и судьбы муниципальной организации в городах Сирии (прежде всего в Антиохии) в период разложения рабовладельческого строя явились предметом исследования Г. Л. Курбатова¹⁰.

Из приведенных данных мы видим, что локальная разработка проблемы падения рабовладельческого строя и генезиса феодализма проводилась главным образом на материалах некоторых западных областей (Италия, Испания, Северная Африка) и восточных провинций Византии (Сирия, Египет). К сожалению, почти вне поля зрения исследователей остались такие области, как Малая Азия и отчасти балканские провинции, которые изучались главным образом лишь в плане выяснения масштабов и последствий славянской колонизации, а не с точки зрения всестороннего исследования внутренних процессов становления феодального строя.

⁵ А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв. ВВ, XII, 1957, стр. 31—45; е г о ж е. О развитии феодальных отношений в готской Испании в V—VII вв. «Средние века», вып. X, 1957, стр. 27—57.

⁶ Г. Г. Дилигенский. Аграрные отношения в Вандалском королевстве. ВВ, XI, 1956, стр. 5—28; е г о ж е. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке. ВДИ, 1957, № 2, стр. 85—105; е г о ж е. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961.

⁷ З. В. Удальцова. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, VI, 1953, стр. 88—112.

⁸ И. Ф. Фихман. К характеристике корпораций византийского Египта. ВВ, XVII, 1960, стр. 17—27.

⁹ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синесия. ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

¹⁰ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 42—61.

Вопрос о времени перехода от рабовладения к феодализму в Византии и путях развития византийского феодализма вызвал в нашей науке широкую дискуссию, в ходе которой были высказаны в основном две точки зрения. Согласно одной из них (всего последовательнее развитой Е. Э. Липшиц¹¹), феодализм восторжествовал в Византии уже к началу IV в.; согласно другой — ее придерживается большинство исследователей (М. Я. Сюзюмов, З. В. Удальцова, А. Р. Корсунский, А. П. Каждан и др.), в IV—VI вв. в Византии еще преобладали рабовладельческие отношения, хотя уже и зарождался феодальный строй. По мнению указанных историков, рабовладельческие порядки были сокрушены в Восточной Римской империи только в VII в. в результате вторжения славян и народных движений в империи¹².

На страницах журнала «Вопросы истории» в 1958—1961 гг. была проведена дискуссия, посвященная спорным вопросам социально-экономической истории Византии. Значительное место в этой дискуссии было отведено именно проблеме разложения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Византийской империи¹³.

З. В. Удальцова и А. П. Каждан, открывшие дискуссию, считали необходимым пересмотреть традиционное представление об экономическом упадке и всеобщем закабалении населения Римской империи в IV—VI вв. Этот тезис не вызвал особых возражений. Гораздо более дискуссионным оказалось другое, связанное с ним утверждение З. В. Удальцовой и А. П. Каждана — о том, что социальная структура Византийской империи в эти столетия принципиально не отличалась от общественных отношений предшествующих веков и что, следовательно, так называемый ранневизантийский период следует рассматривать как заключительный этап развития рабовладельческого общества. Это положение, в основных чертах поддержанное М. Я. Сюзюмовым, встретило возражения Д. Ангелова и особенно Е. Э. Липшиц; правда, по мнению Д. Ангелова, в эту эпоху были налицо лишь «известные тенденции феодального способа производства», тогда как Е. Э. Липшиц характеризует данный период уже как «первый этап складывания византийского феодализма».

В подтверждение своей точки зрения названные ученые выдвигали два основных аргумента: наделение рабов пекулием рассматривалось ими как свидетельство распада рабовладельческой системы, а колонат — как начальная форма эксплуатации феодального типа. Однако М. Я. Сюзюмов уже в полемике с Е. М. Штаерман показал, что перевод рабов на пекулий представляет собой нормальное явление в условиях рабовладельческой системы хозяйства, известное классической античности¹⁴. З. В. Удальцова и А. П. Каждан со своей стороны подчеркивали генетическую близость восточноримского колоната к формам эксплуатации, существовавшим в эллинистических государствах. Если, следовательно, принять тезис о феодальном характере колоната, то придется признать и давно уже отвергнутый

¹¹ Е. Э. Л и п ш и ц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 28—54.

¹² Существо расхождений по этому вопросу изложено в III томе «Всемирной истории» (М., 1957, стр. 86).

¹³ З. В. У д а л ь ц о в а, А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96; М. Я. С ю з ю м о в. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 98—117; Д. А н г е л о в. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103; Е. Э. Л и п ш и ц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 96—111.

¹⁴ М. Я. С ю з ю м о в. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1, стр. 55 сл.

в науке вывод относительно феодальной природы зависимости земледельцев в эллинистическую эпоху. Ученые, которые отстаивают представление о ранневизантийском периоде как о первом этапе развития феодальных отношений, либо должны доказать, что колонат в восточных областях Римской империи принципиально отличался от форм эллинистической зависимости, либо признать, что византийский феодализм берет свое начало от эллинистического общества.

Рассмотрению особенностей развития колонатных отношений в Восточной Римской империи V—VI вв. посвящена специальная работа А. Р. Корсунского. Исследуя данные юридических, литературных и папирологических источников, автор приходит к заключению, что «колонат в Восточной Римской империи, несмотря на его некоторую близость к крепостническим отношениям, отнюдь не может быть отождествлен с последними. Колонат представляет собой форму производственных отношений, соответствующую переходному периоду от рабовладельческого строя к феодальному»¹⁵.

А. Р. Корсунский показал, что в положении колонов как на Востоке, так и на Западе сочетались черты нового и старого — пережитки, восходящие к временам безраздельного господства рабовладельческого строя, с новыми, феодальными формами эксплуатации непосредственных производителей. Имперское законодательство IV—VI вв. стремилось приравнять колона к рабу, объявив его собственностью господина, лишив права передвижения, ограничив имущественную правоспособность колона¹⁶. Однако основные объективные тенденции социально-экономического развития общества и субъективный фактор — активное сопротивление колонов — мешали осуществлению этих предписаний имперских законов. Фактически статус колона существенно отличался от положения раба: господин имел право лишь на труд колона, на определенные повинности, выполняемые им за пользование землей; колон вел самостоятельное хозяйство; несмотря на строгие требования законов, он мог в известной степени распоряжаться имуществом, передавать его детям по наследству и завещать любым лицам, мог в некоторых случаях судиться с господином, если тот незаконно увеличивал его оброк; колон привлекался к военной службе, имел свою законную семью¹⁷. Интересен вывод автора о том, что колон в Восточной Римской империи обладал несколько большими правами, чем его собрат на Западе, и поэтому по своему статусу был ближе к крепостному раннего средневековья, чем колон Западной Римской империи. Однако и тот и другой являлись лишь предшественниками средневековых крепостных, а отнюдь не феодально-зависимыми людьми.

К аналогичным выводам о колонате как форме эксплуатации, свойственной переходному периоду от рабовладения к феодализму, пришла и З. В. Удальцова, показывая, каким образом борьба двух тенденций общественного развития — феодальной и рабовладельческой — в Италии V—VI вв. наложила свой отпечаток на положение различных категорий колонов и обусловила эволюцию колонатных отношений: в целом она шла в сторону усиления феодальных черт в статусе колонов¹⁸. Конечно, сложность природы колоната не позволяет пока считать эту проблему разрешенной.

В ходе дискуссии на страницах «Вопросов истории» возник еще один чрезвычайно важный вопрос — о социальной сущности восточноримского (ранневизантийского) государства IV—VI вв.

¹⁵ А. Р. Корсунский и др. О колонате в Восточной Римской империи V—VI вв. ВВ, IX, 1956, стр. 177.

¹⁶ Там же, стр. 71.

¹⁷ Там же, стр. 76.

¹⁸ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1969, стр. 92 сл.

М. Я. Сюзюмов, относя возникновение Византийской империи к 324 г. (т. е. к моменту основания новой столицы), полагал, тем не менее, что на первом этапе государство оставалось рабовладельческим и только революция, имевшая место в VII в. (подчеркивается, что она не была революцией рабов и колоннов), покончила с господством рабовладельческих отношений. Напротив, Е. Э. Липшиц, исходя из своего представления о развитии феодальных порядков уже в ранней Византии, признает и государство этого времени феодальным. По ее словам, «сущность этого государства оставалась неизменной на протяжении всей последующей истории Византии».

Решение этого вопроса во многом, разумеется, зависит от выяснения первой проблемы — от того, будем ли мы считать пекулий и колонаты феодальными институтами или нет. Вместе с тем для правильного ответа на спорный вопрос многое может дать анализ законодательства и церковных постановлений того времени. Как можно понять постановления Константина, укреплявшего власть господина над рабом, решения Гангрского собора, осуждавшие отпуск рабов на волю, законы Юстиниана, приравнивавшего адскрипция к рабу, если отрицать, что государство IV—VI вв. отстаивало и укрепляло рабовладельческие формы эксплуатации? Е. Э. Липшиц, правда, выдвигает против этих соображений тот довод, что нормы рабовладельческого права сохранялись в Византии вплоть до самого конца ее существования, однако такая постановка вопроса приводит нас к новой полемике: можно ли пользоваться памятниками византийского права IV—XIV вв. как историческими источниками¹⁹.

С решением вопроса о характере общественных отношений и государства IV—VI вв. тесно связано определение исторического места VII столетия в судьбах Византии. М. Я. Сюзюмов и Д. Ангелов признают его определенной гранью в истории империи. Е. Э. Липшиц оспаривает этот тезис, стремясь доказать несостоятельность тех трех соображений, которые, по ее мнению, обычно приводятся в его пользу: 1) к VII в. относят начало славянской колонизации; 2) к этому времени Византия теряет восточные провинции; 3) тогда же возникает фемный строй.

Разумеется, убедительное решение этого вопроса предполагает серьезное монографическое изучение истории VII столетия, что чрезвычайно затруднительно в силу скудости источников. Однако и сейчас уже можно указать на известные неточности, допускаемые Е. Э. Липшиц. Она рассматривает далеко не все, и притом не самые существенные аргументы, доказывающие наличие глубокого переворота в социально-экономическом строе Византии в VII в., к тому же излагает их недостаточно полно. В действительности важнейшие доводы в пользу представления об имевшем место в VII в. перевороте, состоят в следующем: от VII до IX в. мы почти не встречаем в источниках известий о крупной земельной собственности — и наоборот, *много летописки говорят о свободных общинах*; значительная часть старых городов переживает серьезный экономический упадок. С этим связано также завершение славянских вторжений, массовое расселение армян в восточных областях империи, перестройка государственного аппарата (распад старой финансовой системы, разделение страны на несколько больших фем, правители которых фактически становятся хозяевами страны, попытки патримониального раздела империи и переноса столицы из Константинополя и т. д.). Между экзархатами VI в. и фемами VII в., вопреки мнению Е. Э. Липшиц, существует принципиальное различие, заключающееся в том, что экзархаты являлись очень немногочисленными областями в отдаленных провинциях, тогда как на фемы в VII в. была по-

¹⁹ См. дискуссию в ВВ, XIV, 1958, стр. 56—80.

делена основная территория империи — Малая Азия²⁰. Помимо указанных вопросов, мало изучена также борьба между нарождавшейся феодальной и отживавшей рабовладельческой идеологией в период перехода от рабовладения к феодализму. Решение этих проблем требует еще много усилий.

Другой кардинальной проблемой, находившейся в центре внимания советских византинистов, была проблема специфики путей развития византийского феодализма в отличие от так называемого «классического» развития феодализма во Франкском государстве Меровингов и Каролингов.

Большинство советских византинистов придает чрезвычайно большое значение в процессе формирования византийского феодализма сельской общине. Характер славяно-византийской общины был изучен Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмовым, А. П. Кажданом, З. В. Удальцовой, Г. Г. Литавриным, К. А. Осиповой, М. М. Фрейденбергом и другими учеными. В отличие от буржуазных, советские византинисты изучают общину в ее развитии. Так, З. В. Удальцова и А. П. Каждан сопоставили общину IV в., как ее охарактеризовал известный польский папиролог и историк права Р. Таубеншлаг, с общиной, известной по византийским документам VIII—X вв., и подчеркнули наличие значительных различий между ними²¹. В частности, как свидетельствует «Земледельческий закон», в VIII—IX вв. в Византии исчезли периодические переделы земли, наличие которых в позднеримское время установлено Р. Таубеншлагом²². Это дало возможность прийти к выводу, что в ходе общественного переворота VII в. и славянской колонизации Византии византийская община претерпела серьезные изменения, став исходным пунктом для развития феодализма. Эта же мысль об изменении характера византийской общины в результате славянских вторжений высказана в работах А. П. Каждана. Исчезновение периодических переделов сопровождалось, по его мнению, возникновением больше семейных отношений и развитием прав на чужую землю²³.

Иную точку зрения на характер византийской общины IV—X вв. предложил М. Я. Сюзюмов, который, не отрицая укрепления в византийских общинах родственных связей после славянских вторжений, полагал, тем не менее, что византийская община VIII в., как и позднеримская, была корпорацией частных собственников. По мнению М. Я. Сюзюмова, в поздней Римской империи и на Востоке «типичной являлась не архаическая, сохранившаяся кое-где община с переделами земли, а обыкновенная митрокомия с наследственным правом на землю и ограничением права продажи в границах селения». «Существование такой митрокомии... с частной собственностью на землю, — писал он, — непреложный факт»²⁴. На этом основании М. Я. Сюзюмов считает, что в отношении форм землевладения нельзя отметить особой разницы между порядками, существовавшими в IV—VI вв. и описанными в «Земледельческом законе»²⁵. М. Я. Сюзюмов,

²⁰ Отметим также весьма спорное утверждение Е. Э. Липшиц о том, что фемный строй якобы восторжествовал только к X в. Как показала в своем исследовании Э. Гликаци-Арвейла, в это время начинается уже распад фемного строя. См. H. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. Recherches sur l'administration de l'empire aux IX—XI siècle. Paris, 1960.

²¹ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 83.

²² Р. Таубеншлаг. Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана. ВВ, XIII, 1958, стр. 1—8.

²³ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 53; е г о ж е. Деревня и город в Византии IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, стр. 40.

²⁴ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 102.

²⁵ Там же.

таким образом, в отличие от З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, усматривает непосредственную преемственность между позднеримскими и ранне-византийскими общинными отношениями.

Этот вывод М. Я. Сюзюмова не означает отрицания им исторической роли славянских поселений на Балканах. Она заключалась, с его точки зрения, в том, что под мощными ударами славян «на большей части территории Византии было разгромлено основанное на труде рабов, адскриптиев и прикрепленных колонов крупное землевладение знати»²⁶. Не отрицается полностью М. Я. Сюзюмовым и роль славянских поселений в формировании ранневизантийской общины. Отказываясь признать тезис З. В. Удальцовой и А. П. Каждана о коренных изменениях, происшедших в общине под влиянием славянских поселений, М. Я. Сюзюмов в то же время солидаризируется с названными авторами в том, что чрезвычайная сплоченность византийской общины, отличающая ее от западной марки, есть результат воздействия обычного права славянской общины²⁷.

Отстаивая тезис о существовании в Византии VIII в. частной собственности на землю, М. Я. Сюзюмов расходится с А. П. Кажданом, считавшим, что в VIII в. процесс формирования аллода только начался: аллод окончательно сложился лишь к X в., что и означало превращение византийской общины в марку²⁸. Не признает М. Я. Сюзюмов и существования в византийской общине VIII в. особых прав на чужую землю, отличных от сервитутов времен Римской империи²⁹.

«Земледельческий закон» М. Я. Сюзюмов уподобляет цеховым уставам. Он полемизирует с Е. Э. Липшиц, считающей, что «Земледельческий закон» способствовал росту крупного землевладения внутри крестьянской общины³⁰. М. Я. Сюзюмов, напротив, полагает, что «Земледельческий закон» тем и отличался от варварских правд, что все его постановления, подобно постановлениям цеховых уставов, были направлены на то, чтобы противодействовать концентрации производства в руках более зажиточных членов и не допускать полного разорения маломощных общинников³¹.

Утверждение М. Я. Сюзюмова о наличии у крестьян в общине VI—IX вв. полной частной собственности на землю встретило возражения Е. Э. Липшиц, которая считает, что о полной победе частной собственности и сохранении общины лишь как формального объединения ее членов можно говорить не ранее X в., когда община превращается в податную единицу³². На наш взгляд, тезис М. Я. Сюзюмова о специфике византийской общины как корпорации частных собственников спорен и может быть, в частности, проверен путем сопоставления материалов о византийской общинной организации с данными источников о западноевропейской ранне-средневековой общине. Вместе с тем следует отметить большую плодотворность и важность постановки Е. Э. Липшиц вопроса о локальных особенностях развития общины в различных областях Византийской империи. Е. Э. Липшиц справедливо указывает, что тип общины, описанный в «Земледельческом законе», не был в Византии единственным; наряду с ним в горных районах Малой Азии и в Сирии имелись общины более архаического характера, с сохранением коллективной собственности на землю, да

²⁶ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1959, № 3, стр. 102.

²⁷ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. ВВ, X, 1956, стр. 34.

²⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 45.

²⁹ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии..., стр. 105.

³⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 111.

³¹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины..., стр. 30.

³² Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. ВИ, 1961, № 6, стр. 103.

и славянские общины в Македонии и Пелопоннесе, видимо, имели более ярко выраженные семейно-родовые черты³³.

Итак, мы видим, что характер и особенности ранневизантийской общины понимаются советскими византинистами по-разному. Однако при наличии расхождений по некоторым вопросам, все ученые сходятся в оценке ранневизантийской общины как результата синтеза славяно-византийских общественных отношений и в констатации ее сравнительной прочности. Учитывая, что скудость известных сейчас источников препятствует убедительному решению спорных вопросов и об эволюции общинных отношений, и о локальных особенностях их развития, нужно признать желательным создание специальной работы об истории византийской общины.

Некоторые советские ученые усматривают специфику развития византийского феодализма не столько в существовании славяно-византийской общины (хотя и не отрицают ее значения), сколько в наличии в Византии в период формирования феодализма крупных городов — центров ремесла и торговли. Так, М. Я. Сюзюмов в ряде своих исследований³⁴ выдвигает тезис о борьбе в Византии двух путей формирования феодализма — городского (по типу городов-республик Италии) и общинного (по типу Меровингского государства), причем в раннее средневековье, по его мнению, преобладающая роль принадлежала первому пути развития. С точки зрения А. П. Каждана, своеобразие византийского феодализма заключалось в существовании наряду с общиной сильной централизованной государственной власти, в наличии «государственных» крестьян и преобладании в IX—X вв. централизованной ренты. Поскольку отдельные феодалы были недостаточно сильны, чтобы подчинить своей власти общину, то, по мнению А. П. Каждана, они предприняли централизованный натиск на крестьянство, осуществлявшийся государством как органом класса феодалов; поэтому параллельно с формированием вотчины происходил процесс превращения «свободного» крестьянства в государственных зависимых людей³⁵.

Византийское крестьянство на первом этапе развития феодальных отношений, оставаясь в подавляющем большинстве «вне сферы действия вотчинной эксплуатации, тем не менее стало зависимым». Его сензором сделалось государство, взимавшее централизованную ренту в разных формах и прикрепившее на протяжении IX—X вв. к земле все основные категории зависимого населения. Система эпиболы-аллиленгия, утвердившаяся к началу X в., еще более усугубила зависимость «государственных крестьян»³⁶.

Представление о централизованной эксплуатации крестьянства в IX—X вв. разделяет К. А. Осипова. В центре ее внимания находится один «из наиболее действенных рычагов» превращения свободных общинников в государственных париков — аллиленгий в X в.³⁷

³³ Там же.

³⁴ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 55—81. Ср.: Е. Э. Ли и п. и ц. К изучению экономики пригородов Константинополя в X в. ВВ, XIV, 1958, стр. 81—84; М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, XVII, 1960, стр. 3—16.

³⁵ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 419.

³⁶ А. П. Каждан. Византийская община IX—X вв. «УЗ Великолуцкого гос. пед. ин-та», 1956, стр. 94; е г о ж е. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 53; е г о ж е. Деревня и город..., стр. 30, 189.

³⁷ К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. ВВ, XVII, 1960, стр. 31—35. Полемизируя с И. Караянопулосом, утверждавшим, что принцип коллективной податной ответственности оставался неизменным на протяжении всей истории Византии, К. А. Осипова считает, что аллиленгий как специфическая форма податной ответственности возник в X в. После 928 г. аллиленгий взимался в форме податей, вносившихся соседями за опустевшие земли односельчан. В период 928—941 гг., по-видимому, была введена особая система податных и земельных изъятий и новая форма

Тезис о наличии централизованной ренты в Византийской империи IX—X вв. встретил возражения со стороны М. Я. Сюзюмова, который считает, что лично свободные крестьяне в Византии IX—X вв. не были феодально-зависимыми, их повинности служили только выражением подданства. Под понятие «государственные крестьяне», по его мнению, можно подвести лишь «*παροικοὶ δημοσίων*» более позднего времени. Нет оснований, полагает М. Я. Сюзюмов, говорить о прикреплении к земле общинников X в. Исходным моментом ошибочного, с точки зрения М. Я. Сюзюмова, представления о централизованной ренте является высказанный Е. Э. Липшиц еще в 1945 г. взгляд, будто византийская община близка к азиатской³⁸. На самом деле, полагает он, византийская община не отличалась от западноевропейской общины-марки³⁹.

Г. Г. Литаврин в вопросе о централизованной ренте и государственном закреплении крестьян в Византии во многом солидаризируется с М. Я. Сюзюмовым, полагая, что собственность государства на землю становится феодальной только тогда, «когда сложился класс крупных собственников феодального типа и государство стало выразителем его интересов»⁴⁰. В отличие от А. П. Каждана, он считает «крестьян-налогоплательщиков государства — свободными..., а уплачиваемое ими в казну — государственными налогами, а не рентой», ибо, по мнению Г. Г. Литаврина, в этот период «налогоплательщик мог по-прежнему совершенно свободно подарить, продать, завещать, обменять свою землю»⁴¹.

При спорности отдельных положений о специфике византийского феодализма важно подчеркнуть, однако, плодотворность самой постановки этой проблемы, что коренным образом отличает советскую византиноведческую науку от буржуазной.

Изучению уровня производительных сил в Византии в X в. способствовало издание ценного источника — византийской сельскохозяйственной энциклопедии, «Геопоники», осуществленного Е. Э. Липшиц⁴². Этот памятник содержит разнообразные сведения по технике сельского хозяйства и агрикультуре.

XI—XII века в истории византийского феодализма большинством наших исследователей рассматриваются как период торжества феодальной вотчины, закрепощения общины и окончательного установления феодальных институтов (прония, экскуссия-иммунитет). Организация вотчины в Византии и феодальные институты (особенно иммунитет) были за последние годы подвергнуты анализу в работах А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина,

аллиленгия, состоявшая в том, что налоги за покинутые земли платили теперь не соседи, а вся община. Систему податных изъятий нельзя рассматривать «как простой переход к политике налоговых облегчений», с ней была связана новая форма аллиленгия. Хотя опустевший участок, согласно «Податному уставу», должен был поступать в казну, на практике нередко эта «класма» оставалась за общиной и последняя уплачивала за нее налоги по новой системе аллиленгия.

³⁸ Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация..., стр. 142.

³⁹ М. Я. С ю з ю м о в. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону, стр. 44. Г. Г. Литаврин, соглашаясь с некоторыми выводами М. Я. Сюзюмова, подвергает, однако, критике его тезис об отсутствии в Византии государственной собственности на землю. По мнению Г. Г. Литаврина, нет необходимости обязательно связывать государственную собственность на землю с азиатской формой общины, как это делает М. Я. Сюзюмов, который, употребляя выражение «государственная собственность», имеет в виду именно тип восточного феодализма, где налог есть рента. С точки же зрения Г. Г. Литаврина, право верховной собственности государства на владения своих подданных выражает иерархическую структуру феодализма (Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 40—58).

⁴⁰ Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 215; ср. стр. 57.

⁴¹ Там же, стр. 53, 54.

⁴² «Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века». Введение, перевод с греческого и комментарий Е. Э. Липшиц. М.—Л., 1960. 376 стр.

К. А. Осиповой, М. М. Фрейденберга, а применительно к XIII—XIV вв. — в статьях Б. Т. Горянова и К. В. Хвостовой. Проблема разложения общины и возникновения и развития феодальной вотчины в X—XII вв. была предметом исследования М. М. Фрейденберга, рассмотревшего пути вовлечения крестьян-общинников в сферу частновладельческой феодальной эксплуатации. По его мнению, этот процесс, связанный прежде всего с имущественным расслоением внутри общины, происходил в значительной степени и под воздействием разрушительных факторов внешнего порядка⁴³. Такими внеэкономическими факторами, подрывавшими устойчивость крестьянского хозяйства, в первую очередь являлись: обязанность крестьян отбывать военную службу, разорение, причинявшееся крестьянским хозяйствам во время передвижений войск, бегство населения от нашествия кочевых народов, всякого рода стихийные бедствия, а главное — огромный ущерб, связанный с произволом податного аппарата империи. Основным выводом М. М. Фрейденберга сводился к тому, что разложение общины, сущность которого заключалась в вовлечении отдельных крестьянских хозяйств в сферу вотчинной эксплуатации, проявлялось «в интенсивном перемещении крестьянского населения, т. е. в отрыве от своего надела в общине». Иными словами, «процессу феодализации в Византии широко предшествовал отрыв крестьянина от земли»⁴⁴. В другой своей работе автор подчеркивает, что, несмотря на интенсивный процесс оформления личной крестьянской зависимости в Византии XII в., крестьяне все же сохраняли известные владельческие права на землю⁴⁵.

Большое внимание в работах последнего времени уделялось проблеме иммунитета. Все советские византилисты, занимавшиеся этим вопросом, единодушно признают, что иммунитет — это совокупность привилегий, оформляющих внеэкономическое принуждение. Они рассматривают иммунитет в связи с развитием и особенностями феодальной собственности в Византии, вскрывая, таким образом, социально-экономическую сущность этого института. Изучение иммунитета имеет большое значение, в частности, для уяснения борьбы за крестьянскую ренту. Эта борьба разворачивается как между классом феодалов и крестьянством в целом, так и между различными группировками феодалов. Однако по некоторым спорным вопросам мнения советских византистов расходятся. Так, существуют различные точки зрения относительно этапов развития иммунитета в Византии.

Б. Т. Горянов выступил с опровержением взглядов П. А. Яковенко и К. Н. Успенского, считавших, что иммунитет в Византии начиная с XII в. сокращался⁴⁶.

Эксскуссия (податные льготы) является, по мнению Б. Т. Горянова, одним из этапов развития иммунитета. Появление эксскуссии этот исследователь относит к X—XI вв., когда процесс феодализации был в основном завершен⁴⁷. Дальнейшее развитие эксскуссии, полагает Б. Т. Горянов, происходило в XI—XII вв., когда центробежные силы, отражавшие интересы крупного землевладения, окончательно одерживают победу над византийским централизованным государством. В XIII—XV вв., в поздне-

⁴³ М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в X—XII вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1956, стр. 106.

⁴⁴ Там же, стр. 107 сл., 112.

⁴⁵ М. М. Фрейденберг. Монастырская вотчина в Византии XI—XII вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 4, вып. II, 1959, стр. 69—70.

⁴⁶ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XI, 1956, стр. 177—200; XII, 1957, стр. 97—117. Независимо от Б. Т. Горянова к выводу о расширении иммунитета в поздней Византии пришел, как известно, Г. Острогорский (см. его статью «К истории иммунитета в Византии». ВВ, XIII, 1959, стр. 55—107).

⁴⁷ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XII, 1957, стр. 112.

византийское время, экскуссия достигает кульминационной точки в своем развитии: светская экскуссия уже передается теперь по наследству. К этому же времени ученый относит развитие судебного иммунитета⁴⁸. Эволюция экскуссии связана, по мнению Б. Т. Горянова, с превращением проции в наследственное владение⁴⁹.

С точки зрения М. М. Фрейденберга, посвятившего специальное исследование византийскому иммунитету XI—XII вв., экскуссию этого времени следует рассматривать как законченный податный иммунитет. Дарование экскуссии, как правило, связано в актах XI—XII вв. с пожалованием париков, а пожалование париков обычно не производится без дарования экскуссии на них. Это показывает, что «первым значением института экскуссии становится оформление прав феодала-экскуссата на прибавочный труд зависимых крестьян»⁵⁰.

В противоположность Б. Т. Горянову, считающему, что судебный иммунитет сложился только в поздневизантийское время, и А. П. Каждану, полагающему, что хотя уже в XI—XII вв. имеются примеры законченного судебно-административного иммунитета, но они не стоят ни в какой связи с экскуссией — податной льготой, М. М. Фрейденберг утверждает, что хотя юридически экскуссия является только податной льготой, однако на практике пожалование ее означало передачу экскуссату не только прав на сбор налогов, но и всей той власти, которая необходима была для реального осуществления этих прав⁵¹. Такой же точки зрения придерживается, как известно, Г. Острогорский⁵².

Считая, что пожалование экскуссии означало в то же время передачу определенных судебно-административных прав, М. М. Фрейденберг пытается выяснить причину умолчания об этих правах в экскусионных грамотах. Она заключалась, полагает он, в том, что объем судебных прав определялся объемом переданных налоговых прав, «т. е. феодал имел право судить и наказывать прежде всего по делам, связанным с взиманием ренты»⁵³. Впрочем, размеры передаваемой ренты, добавляет М. М. Фрейденберг, в грамотах также не устанавливались. Это последнее объясняется, по его мнению, тем, что в XI—XII вв. феодалу жаловались обычно обедневшие парики, в отношении которых государство легко отказывалось от всех своих прав — как налоговых, так и судебно-административных, тщательно оберегая в то же время свои права на эксплуатацию общины. Иными словами, в экскусионных грамотах потому не говорится об объеме и передаче судебно-административных прав, а также о размерах передаваемой по экскуссии ренты, что эти права, равно как и рента, передавались во всей их полноте. С этим выводом М. М. Фрейденберга вряд ли можно согласиться. Ведь размер переданной ренты обычно не определяется и в грамотах XIV в., когда экскуссия жаловалась не только на обедневших приселившихся париков, но и на целые деревни и, следовательно, государство не так легко отказывалось от своих прав. Очень часто также ничего не говорится в этих грамотах и о судебно-административных правах экскуссата. Думается, что это объясняется самой юридической природой экскуссии, тем, что этот правовой институт означал только освобождение от налогов. М. М. Фрейденберг, по-видимому, склонен смешивать юридическую сторону вопроса с действительным положением вещей. Достоинством его работы является, однако, то, что он показывает, каким образом, не-

⁴⁸ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет, стр. 114.

⁴⁹ Там же, стр. 115.

⁵⁰ М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 3, 1958, стр. 350.

⁵¹ Там же, стр. 359.

⁵² Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии..., стр. 96 сл.

⁵³ М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв., стр. 360.

смотря на многообразное содержание термина экскуссии (ее объектом в XI в. могли являться корабль, мост, мельница, скот и т. д.), он все больше и больше приобретает значение податного иммунитета.

Иного взгляда на характер экскуссии придерживается А. П. Каждан. В противоположность Б. Т. Горянову, полагавшему, что экскуссия — один из этапов в оформлении иммунитета, и М. М. Фрейденбергу, видевшему в экскуссии податной иммунитет и определенную совокупность неизбежно связанных с ним судебно-административных прав, А. П. Каждан характеризует экскуссию как институт, совершенно отличный от иммунитета. Экскуссия, по его мнению, — это только податная льгота. Каждан рассматривает многочисленные значения этого термина, отмечая, что экскуссии подлежали различные виды имущества, а также парики⁵⁴. Последние освобождались от основных государственных налогов, взамен которых на них возлагались специальные повинности⁵⁵. Но и в тех случаях, когда экскуссия жаловалась на земельные владения, она не может быть названа иммунитетом, так как не предполагает наличия у экскуссата судебно-административных прав⁵⁶. А именно обладание ими означает, по мнению А. П. Каждана, иммунитет, ибо как раз эти права и оформляют внеэкономическое принуждение и создают экзимированность феодального поместья. Хотя иногда можно обнаружить «подлинный судебно-административный иммунитет»⁵⁷ уже в XI в., однако окончательно он сложился в Византии только к XIV в.

Вместе с тем А. П. Каждан придает большое значение экскуссии в оформлении феодальной собственности. По его мнению, «освобождение от государственных повинностей было не просто экономической льготой — оно знаменовало переход в привилегированную касту лиц, свободных от бремени податей... Только податное изъятие создавало в подлинном смысле слова феодальную собственность»⁵⁸. Другое значение системы экскуссий заключалось, по мнению А. П. Каждана, в том, что если податные изъятия распространялись за пределы собственных владений феодала, то это способствовало расширению системы вотчинной эксплуатации⁵⁹.

Вопрос о византийском иммунитете рассматривался также и в книге Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.». Автор ее полагает, что иммунитет появляется тогда, когда вотчинник или уже осуществляет на практике те права, которых добивается, или в состоянии их осуществлять. Экскуссия в Болгарии была известна с конца X — начала XI в.: «В XI в. право суда у феодалов было нередким явлением, а к концу XII в. оно уже достаточно заметно оформлялось»⁶⁰. По мнению автора, экскуссия в условиях феодальной действительности являлась не только простым освобождением от податей: «Уступка этих податей феодалу означала сужение прав верховной собственности государства, а вместе с тем и передачу функций внеэкономического принуждения, осуществляемого при взыскании централизованной ренты, в частные руки»⁶¹. Пожалование феодалу прав на взимание налогов (податной иммунитет) означало оформление внеэкономического принуждения, независимо от того, обладал ли иммунитет судебно-административными привилегиями или нет. Наличие всех этих привилегий (податных, судебных и административных) или

⁵⁴ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 183.

⁵⁵ Там же, стр. 184.

⁵⁶ Там же, стр. 186.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 187; е г о ж е. Формирование феодального поместья в Византии в X в. ВВ, XI, 1956, стр. 119.

⁵⁹ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 187.

⁶⁰ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 237—245.

⁶¹ Там же, стр. 230.

только некоторых из них свидетельствовало лишь о существовании полного или неполного иммунитета.

В рассматриваемый отрезок времени советские византилисты много труда приложили к разрешению сложного и спорного вопроса о характере и особенностях византийской пронии. Признавая ее формой условной феодальной собственности, наши историки вместе с тем расходятся в оценках особенностей пронии и в понимании путей возникновения этого института.

А. П. Каждан еще в 1952 г. высказал мнение, что прония как форма землевладения развилась из пожалования определенной суммы податей (*ποσότης, σολέμνιον*) с какой-либо местности. Прония, полагает А. П. Каждан, по крайней мере до XII в. не имела военного характера⁶². В рассматриваемый период времени «прония, называемая также *οίκονομία*, представляла собой право на строго ограниченное количество (*ποσότης*) государственных налогов, взимаемых с определенной территории»⁶³. В другой своей работе А. П. Каждан писал, что «прония юридически не составляла собственности на землю. Однако коль скоро прония получила экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности»⁶⁴.

В соответствии со своим пониманием пронии X—XII вв. как пожалования определенной суммы налогов, Каждан и усматривает условный характер этого вида феодальной собственности в определении налоговой квоты. Близко к пронии примыкает арифмос — пожалование определенного числа париков. Считая, таким образом, что «византийская условная собственность рождалась сплошь и рядом лишь в форме государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества зависимых людей»⁶⁵, А. П. Каждан полагает, что византийские прония и арифмос составляют в известном смысле параллель с мусульманской *икта*⁶⁶.

Кроме пронии и арифмоса, А. П. Каждан рассматривает такие формы условной собственности, как пожалование на срок жизни (оно являлось, по мнению исследователя, типично западной формой условной собственности) и харистикий, иногда по своему характеру приближавшийся к пронии⁶⁷.

Взгляды А. П. Каждана на характер и происхождение пронии вызвали полемику в нашей литературе. С интересной трактовкой этого вопроса выступил М. Я. Сюзюмов. Он считает, что институт пронии, окончательно сложившийся к XIII—XIV вв., возник из различного рода пожалований: земли, права ведения хозяйства на данной территории, права управления данной территорией, права на сбор налогов и на зависимых работников. Все эти права, «нивелируясь, превратились в XIII—XIV вв. в единую, специфичную для Византии форму условной феодальной собственности — пронию»⁶⁸. Соглашаясь с Г. Острогорским в том, что прония не может быть отождествлена с вотчиной, М. Я. Сюзюмов в то же время подчеркивает, что неотчуждаемость пронии — ее основное отличие от вотчины — не означала, согласно византийскому праву, абсолютного запрета передачи прониаром своих прав другому лицу. Ко времени IV крестового похода

⁶² Эти положения были развиты и в докладе А. П. Каждана на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. (А. П. Каждан. *Формы условной собственности в Византии X—XII вв.* М., 1960).

⁶³ Там же, стр. 5.

⁶⁴ А. П. Каждан. Рецензия на книгу Г. А. Острогорского «*Pour l'histoire de la féodalité byzantine*». Bruxelles, 1954. ВВ, X, 1956, стр. 228, прим. 1.

⁶⁵ А. П. Каждан. *Формы условной собственности...*, стр. 6.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стр. 3.

⁶⁸ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. ВВ, XII, 1957, стр. 60.

византийская прония по существу не отличалась от западноевропейского феода: «Византия — приморское государство, но ее военная организация, основывающаяся на системе пронии, стала строиться так, как если бы Византия была страной, находящейся в глубине континента»⁶⁹.

О пронии как условной форме землевладения военного характера писал и Б. Т. Горянов⁷⁰. Развитие пронии он ставил в связь с развитием иммунитета: «Светская эккуссия создается и развивается параллельно с возникновением и развитием пронии и является в руках крупного землевладения мощным орудием по превращению пронии в экономически, а затем и политически почти независимые от центральной государственной власти владения»⁷¹. Сходной точки зрения на характер византийской пронии придерживается К. Н. Юзбашян⁷².

Вопрос об условной феодальной собственности, и в частности о пронии на болгарских землях Византийской империи XI—XII вв., затронут в указанной выше монографии Г. Г. Литаврина. Последний разделяет точку зрения Д. Анастасиевича и Г. Острогорского, что «институт пронии как условного земельного пожалования военного характера был в конце XII в. уже «очень широким», а сословие прониаров — могущественным и этнически пестрым»⁷³. К этому времени прония приобретает характер специфически военного земельного пожалования⁷⁴. В XII в. она становится наиболее типичным условным земельным пожалованием, вытесняя все другие его виды. «Если вначале, — пишет Г. Г. Литаврин, — получаемые с пронии доходы ни по форме, ни по размерам не должны были отличаться от государственных налогов, то в середине XII в. прониар уже свободно распоряжается крестьянами своей пронии»⁷⁵.

Таким образом, мы видим, что проблема происхождения и характера пронии как формы условного землевладения в Византии плодотворно разрабатывалась в советской исторической науке. Но для ее полного разрешения потребуются еще немалые усилия ученых, поскольку данные источников нередко являются спорными и противоречивыми.

Сравнительно мало изучалось в нашей историографии последних лет развитие феодальных отношений в XIII—XV вв. Основная проблема, которую предстоит решить в данной области, такова: были ли эти столетия только временем экономического спада (такую точку зрения всего последовательнее проводит Б. Т. Горянов) или же в этот период наряду с усилением феодальной реакции имело место зарождение раннекапиталистических элементов (эти положения отстаивали З. В. Удальцова, А. П. Кайдан).

Суммируя все сказанное, мы можем констатировать, что главным направлением исследований советских византистов в 1955—1960 гг. являлась углубленная разработка широкого комплекса проблем, связанных с зарождением, развитием и специфическими особенностями феодализма в Византии. Хотя за последние годы разрешение ряда вопросов значительно продвинулось вперед, однако очень многие из них остаются спорными. Несомненно поэтому, что анализ природы византийского феодализма еще долгое время составит предмет специальных исследований советских ученых.

⁶⁹ Там же, стр. 74.

⁷⁰ Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии XIII—XIV вв. ВВ, X, 1956, стр. 114—117.

⁷¹ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, XII, 1957, стр. 113.

⁷² К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в «Повествовании» Аристаркеса Ластивертци. ВВ, XVI, 1960, стр. 14—23.

⁷³ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 154.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, стр. 158.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

Все больше внимания в советской историографии уделяется в последнее время истории византийского города. Это и понятно: изучение развития феодализма в Византии не может быть успешным без определения места города в этом процессе. Можно с полным основанием утверждать, что советские византилисты достигли в последнее время заметных успехов в разработке этой проблемы.

Основным вопросом, на решении которого были сконцентрированы усилия ученых, занимавшихся византийским городом, был вопрос о соотношении средневековых городов Византии с городами античной эпохи и времени поздней Римской империи. Иначе говоря, дебатировался вопрос о том, существовала ли непосредственная преемственность между византийскими городами IV—XII вв. и полисами предшествующей исторической эпохи или же это были города нового типа, не имевшие в целом никакого отношения к полисному строю. В центре изучения стояла, таким образом, проблема эволюции византийского города в IV—XII вв. Подавляющее большинство авторов признавало, что в социальной структуре и в самих судьбах византийского города в IV—IX вв. произошли глубокие перемены: за немногими исключениями, в V—VI вв. начинается и в VII—VIII вв. достигает высшей точки кризис античного рабовладельческого полиса; старый город погибает, и вместо него постепенно вырастает средневековый феодальный город.

В 1956 г. посмертно была опубликована статья М. В. Левченко о положении Пентаполя в IV—V вв.⁷⁶ Автор показал, что в конце IV—V в. Пентаполь, подобно другим провинциям империи, захваченный кризисом рабовладельческого строя, переживал экономический упадок; проявившийся как в основной отрасли хозяйства — земледелии, так и в экономике главных городов страны. Пентаполь имел пять прославленных в древности городов, давших название этой провинции. Ко времени, описываемому Синесием, прежняя столица Кирена захирела, уступив первенство Птолемаиде, зато торговое значение приобрел порт Кирены — Аполлония (Фикунт); другие же города — Тевхира (современная Токра) и Евгесперида-Береника (ныне Бенгази), так же как и Кирена, испытывали большие трудности, страдая от самоуправства чиновников и от постоянных набегов кочевых племен. В городах Пентаполя сокращалось ремесленное производство; наиболее ценные товары привозили теперь из Александрии и Афин. Пентаполь еще поддерживал во времена Синесия торговые связи, главным образом морем, с Фракией, Афинами, Египтом, Каиром, Сирией и другими областями империи, но и морская торговля в это время клонится к упадку. Новым является вывод М. В. Левченко о том, что курии в Киренаике и в начале V в. отнюдь не находились в таком жалком состоянии, как это было принято думать, а сохраняли свое влияние на общественные дела. Епископы (подобно Синесию) сами были выходцами из куряльской знати и действовали в контакте с куриями. Вместе с тем сведения, содержащиеся в письмах Синесия, указывают на разложение господствующего класса, и сам Синесий выступает как идеолог той части рабовладельцев, которая, будучи напугана революционным движением рабов и колонов, считала необходимым сплочение всех сил своего класса вокруг императорской власти.

Сходные проблемы находились в центре научно-исследовательских интересов Г. Л. Курбатова, изучавшего упадок экономики античного полисного строя, полисную идеологию и развитие элементов феодализации в экономической, социально-политической и духовной жизни города в период

⁷⁶ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синесия. ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

разложения рабовладельческого общества в IV—VI вв. В 1956 г. Г. Л. Курбатов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии IV—VI вв.» и с тех пор продолжал работать над этой проблемой, посвятив ей ряд статей. Опираясь главным образом на материал, относящийся к Антиохии, автор проследил основные моменты эволюции муниципальной системы в эти столетия, рассмотрев ее в тесной связи с развитием социально-экономических отношений в городе, разложением античной формы собственности на землю, упадком рабства и т. д. Г. Л. Курбатов показал, как влияли на изменение форм муниципального строя рост крупной независимой земельной собственности, упадок мелкого и среднего городского землевладения, увеличение экономического и политического влияния церкви в городе.

Результатом всего этого была и перестройка городского самоуправления в конце IV — начале V в. По мере разложения рабовладельческих отношений происходили существенные сдвиги в социальной структуре городского населения, менялось и отношение народных масс города к институтам античного полисного строя, к куриям и сословию куриалов. Автор пришел к выводу что в IV—VI вв. в крупных городах Византии увеличилась прослойка мелких свободных ремесленников. Она заняла господствующее положение в производстве. В дальнейшем именно ремесленники составили заметную часть населения византийского феодального города. Их борьба в IV—VI вв. (когда они уже не пользовались никакими привилегиями как члены полисного коллектива, а были лишь объектом эксплуатации правительства и местной верхушки), в отличие от выступлений люмпен-пролетариата, носила прогрессивный характер. Отношения *ordo plebeius* и куриалов все более обострялись. Вопреки распространенному в буржуазной историографии мнению, согласно которому куриалы разорялись под гнетом правительства якобы «на благо всего городского населения», Г. Л. Курбатов показал, что прежде, чем разориться самим, куриалы разоряли подвластное им население города, торгово-ремесленные круги и мелких земельных собственников⁷⁷.

Несомненный интерес для византиниста представляют работы Н. В. Пигулевской о положении городов Ближнего Востока, в частности Ирана, в IV—V вв. — об особенностях их социально-экономического и политического развития, их связях с Византией. Как полагает автор, это время характеризуется разложением рабовладельческого города, возникновением и развитием царских феодальных городов⁷⁸. Для доказательства этого положения привлекаются позднеавилонские, пехлевийские, сирийские, греческие и латинские источники⁷⁹, многие из которых впервые использованы при рассмотрении проблемы разложения рабовладельческого и развития феодального города в Иране. Автор уделяет большое внимание изучению основных процессов социально-экономического и политического развития Ирана в III в., их влияния на судьбы старых городов и появления новых. Центральные разделы монографии о городах Ирана посвящены городу

⁷⁷ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии IV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 42—61; е го ж е. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. «Вестник ЛГУ», 1960, № 2, стр. 47—62.

⁷⁸ Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «УЗ Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 5—30; е е ж е. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

⁷⁹ Для изучающих историю византийского города интересен опубликованный Н. В. Пигулевской русский перевод Эдесской хроники (Н. В. Пигулевская. Эдесская хроника. ПС, 4, 1959, стр. 79—96), датируемой ею примерно 540 г. См. также ее статью: «Производство шелка в Византии и Иране в IV в.» (ВВ, X, 1956, стр. 3—8).

IV—V вв. — вопросам организации ремесла и торговли, торговых товариществ, заселения и устройства царских городов, налоговой системе, проблеме влияния развития города на социально-политическую жизнь Ирана. В разделе о маздакитском движении выясняется его характер, связь с городом, объясняется, почему маздакитское движение нашло поддержку в городах Ирана.

Проблемы ранней истории городов в различных провинциях Византии и сопредельных стран были затронуты в работах Г. Г. Дилигенского, Г. Х. Саркисяна, Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьева и других.

Г. Г. Дилигенский приходит к выводу, что города Северной Африки сохраняли античный характер до конца IV в. и императоры искали опору не только среди представителей сенаторского сословия, но и среди тех слоев господствующего класса, которые были связаны с муниципальной городской организацией и с городской собственностью на землю⁸⁰. С точки зрения Г. Х. Саркисяна, города Армении начиная с IV в. вступили в полосу глубокого упадка, который продолжался около полутысячелетия⁸¹. К выводу об упадке в IV—V вв. древнего Себастополиса (на дне Сухумской бухты) пришли также, основываясь на материале, обнаруженном во время археологических работ в 1958—1959 гг., Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев⁸².

Наиболее последовательно и детально проблема упадка ранневизантийских городов, связанного с крушением рабовладельческого полиса, и становления нового, феодального города в Византии была разработана в трудах А. П. Каждана и З. В. Удальцовой. В 1958 г. эти авторы выступили с совместной статьей, положившей начало дискуссии о нерешенных вопросах процесса развития феодализма в Византии. Значительное место в статье было уделено и судьбам византийского города. Опираясь на археологический и нумизматический материал, А. П. Каждан и З. В. Удальцова пришли к выводу, что период экономического упадка византийского города наступает с конца VII в. и продолжается до конца IX в.⁸³ Высказанная в этой статье точка зрения нашла свое отражение и дальнейшее развитие в монографических исследованиях указанных авторов.

В монографии «Италия и Византия в VI в.» З. В. Удальцова показала, что процесс феодализации византийского общества глубоко отразился на экономической и социально-политической жизни городов Византии и Италии. В византийской Италии VI в. началась натурализация хозяйства, сокращение торговли и перемещение ремесленного производства из городов в поместья. Анализ источников приводит автора к выводу, что в VI в., однако, еще не наступил тот глубокий упадок городов, который стал характерным для более позднего времени: еще продолжалось развитие ремесла (как государственного, так и частного), сохранялись, а иногда даже оживлялись и торговые связи. Тем не менее в VI в. процесс разложения античного полиса, вырождение муниципальной организации и упадок курий зашли уже довольно далеко, и некоторые попытки остготского, а затем византийского правительства задержать этот процесс успеха не имели⁸⁴.

⁸⁰ Г. Г. Дилигенский. Североафриканские города в IV в. ВДИ, 1959, № 3, стр. 75—100.

⁸¹ Г. Х. Саркисян. Тигранакерт (Из истории древнеармянских городских общин). М., 1960, 168 стр.

⁸² Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Себастополиса. СА, 1960, № 3, стр. 171—179. См. также С. Каухчишвили. Один из древнейших городов мира. «Заря Востока», № 255, 31.XII 1959.

⁸³ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96.

⁸⁴ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 115—135.

Выводы А. П. Каждана и З. В. Удальцовой об упадке города в Византии (в особенности с конца VII в.) нашли подтверждение и в исследовании А. Л. Якобсоном археологических материалов средневекового Херсонеса⁸⁵.

На общевизантийском материале эту проблему рассмотрел А. П. Каждан в своей книге «Деревня и город в Византии IX—X вв.». Правда, его внимание сконцентрировано здесь не столько на вопросах упадка городской жизни в VII—VIII вв. (этот период в целом остается, естественно, за рамками монографии), сколько на проблеме подъема византийского города в последующее время (конец IX—XII в.). Тем не менее в целях выявления тенденций экономического развития города в IX—X вв. автор приводит большой материал и о городе предшествующих столетий. Археологические памятники (в особенности керамика и изделия металлургического производства), а также данные нумизматики свидетельствуют о резком падении товарного производства в Византии в конце VII в., ухудшении качества и техники изделий, об аграризации самого облика византийского города. Эти явления (как и начавшийся с конца IX в. подъем города) А. П. Каждан тесно связывает с процессом крушения рабовладельческих отношений и становления феодализма, т. е. с процессом гибели рабовладельческого полиса и развития феодального города⁸⁶.

Изложенная выше точка зрения встретила, однако, возражения ряда историков. По мнению М. Я. Сюзюмова, одна из важнейших особенностей Византии состояла в сохранении развитого товарного производства на всем протяжении ее истории. М. Я. Сюзюмов разработал теорию, согласно которой так называемые города-эмпориз, крупные ремесленные и торговые центры, сохранившиеся от античности, «в готовом виде» перешли в новый, феодальный период истории Восточного Средиземноморья. Хотя, как полагал этот ученый, города Византии также испытали перемены, однако они уже вступали в феодальную эпоху как экономически развитые центры товарного производства со сложившимся ремеслом, торговлей, установившимися веками формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, с торговыми связями и сельской округой большого радиуса⁸⁷. Эти факторы оказывали тормозящее влияние на развитие феодальных отношений; рабовладельческие порядки уступали свое место медленно и оставались господствующими до начала IX в.⁸⁸

Отстаивая, таким образом, взгляд об относительной непрерывности развития по крайней мере важнейших городов в Византии и придавая этому обстоятельству огромное значение, М. Я. Сюзюмов, однако, признает упадок и аграризацию большинства городов в Византии в VI—IX вв., только связывает его с бурными внешнеполитическими событиями VI—VII вв. (прежде всего — с нашествием «варваров») ⁸⁹. М. Я. Сюзюмов разделяет

⁸⁵ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, № 63, 1959. См. также: О. И. Домбровский, Е. А. Паршина. О раннесредневековой застройке территории античного театра. «Сообщения Херсонесского музея», I, 1960, стр. 36—42; В. В. Борисова. Археологические работы музея за 1957—1958 гг. Там же, стр. 69—72.

⁸⁶ А. П. Каждан. Деревня и город..., особенно стр. 260—274.

⁸⁷ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, VIII, 1956, стр. 26—41; е го же. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, XVII, 1960, стр. 3 сл.; е го же. Некоторые проблемы истории Византии. ВВ, 1959, 3, стр. 98—117.

⁸⁸ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 4—5.

⁸⁹ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев..., стр. 29; е го же. К вопросу об особенностях генезиса..., стр. 10; е го же. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 60. Возражая А. П. Каждану и З. В. Удальцовой по некоторым вопросам истории города, Д. Ангелов также считает необходимым подчеркнуть роль внешнего фактора в процессе упадка городской жизни в Византии (см.

лишь представление о подъеме византийских городов в XI—XII вв., происходившем «уже на основе внутреннего развития феодальной экономики провинции»⁹⁰. В другой своей работе он пишет о новом подъеме византийского города в X в. в связи с появлением «грандиозных возможностей» торговли со славянскими странами⁹¹.

Р. А. Наследова в статье о ремесле и торговле Фессалоники конца IX — начала X в. приходит к выводу о высоком развитии экономики этого города. Привлекая данные различного рода источников, она показывает также, что несмотря на имевшие место периоды спада его торгово-ремесленной деятельности, он неизменно, на всем протяжении существования Византийской империи, оставался одним из ее крупнейших торгово-ремесленных, административных, военно-стратегических и культурных центров. Фессалоника принадлежала, по мнению Р. А. Наследовой, к числу тех городов Восточноримской империи, которые сумели сохранить свое ремесленное производство и торговлю и в период кризиса рабовладельческого общества и варварских вторжений; со времени арабских завоеваний VII—VIII вв., в результате которых центр тяжести византийской торговли переместился на запад и север, Фессалоника стала расширять здесь свои торговые связи; они еще более окрепли в связи с процессом феодализации славянских и западноевропейских государств и ростом их хозяйственных потребностей⁹².

Наиболее последовательно против вывода об упадке городов в Византии начиная с конца VII в. и о возникновении феодального города к концу IX — в X в. выступила Е. Э. Липшиц. В соответствии с разработанной ею теорией возникновения феодальных отношений в Византии они стали господствующими, полагает исследовательница, уже в IV—VI вв. Е. Э. Липшиц считает, что социальная перестройка византийского города относится к гораздо более раннему времени. По ее мнению, кризис полисной системы, крушение рабовладельческого города — это исторические процессы, совершившиеся еще в III—IV вв. В V и VI вв. происходит становление феодального города в Византии, относительная слабость которого в VII—VIII вв. нашла бы, с ее точки зрения, легкое объяснение просто в том, что в эпоху феодализма деревня и экономически, и политически господствует над городом⁹³.

С критикой положений об экономическом упадке византийского города в конце VII в. выступила и И. В. Соколова. На основании изучения монетных кладов она приходит к выводу, что их отсутствие служит признаком экономической стабилизации, а отнюдь не упадка, тогда как обилие кладов свидетельствует, напротив, о неустойчивости экономического положения страны⁹⁴. К сожалению, автор не ставит вопроса о причинах незначительного количества монет конца VII—VIII в., обнаруженных во время раскопок, об упадке ремесленной техники этого времени, о явных признаках запустения городов и т. п.

Большинство советских историков, опубликовавших в рассматриваемое пятилетие свои работы о византийском городе, в том числе и многие из тех

Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. ВИ, 1960, № 2, стр. 91—103).

⁹⁰ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев..., стр. 29.

⁹¹ М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита. «Античная древность и средние века». Сб. статей по истории древнего мира и средних веков. Уральский гос. ун-т, вып. 38, ч. I. Свердловск, 1960, стр. 15.

⁹² Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Каменнаты. ВВ, VIII, 1956, стр. 61—84.

⁹³ Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1957, стр. 30 сл.

⁹⁴ И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—IX вв. ВВ, XV, 1959, стр. 50—63. Ср. А. П. Каждан. Византий-

ученых, которые отрицают глубокий упадок города в VII—VIII вв., согласны с мнением, что с конца IX в., в X и особенно в XI—XII вв. городская жизнь в Византии находилась на подъеме. Этот вывод подтверждают и результаты исследования локальных материалов, относящихся к средневековому Херсонесу и городам Кавказа. Так, Д. Л. Талис показал усиление в X в. торговых связей Херсонеса: в это время резко возрастает ввоз поливной и расписной керамики из Константинополя, переживавшего тогда подъем⁹⁵. Изучая историческое развитие средневековых городов Армении, Г. Х. Саркисян отмечает их постепенный рост с середины IX в.⁹⁶ К сходным выводам в отношении средневековых городов Азербайджана пришел и Г. М. Ахмедов⁹⁷.

На общевизантийских материалах начало данного процесса было изучено в работе А. П. Каждана «Деревня и город в Византии IX—X вв.». Этой теме посвящены три главы монографии (4, 5 и 6), из которых особенно интересна четвертая, где собран большой материал письменных и археологических источников о развитии византийского ремесла. По мнению автора, новый подъем ремесла раньше всего — еще в IX—X вв. — начался в Константинополе; в провинциальных городах он приходится на X—XII вв. В то же время в Константинополе XII в. уже можно проследить упадок ряда отраслей ремесла⁹⁸. В пятой главе автор рассматривает данные о византийской торговле и товарном обращении и приходит к сходным выводам, а именно: после упадка торговли с конца IX в. начинается ее новый подъем, особенно заметный в XI—XII вв.; с конца XII в. наступает период, когда вместо ремесленной продукции Византия начинает вывозить преимущественно сельскохозяйственные продукты⁹⁹. В шестой главе исследуется специфика византийского ремесленного цеха, которую А. П. Каждан видит в подчинении цеха государственным органам. В соответствии с этим он полагает, что подъем ремесленного производства в столице был обусловлен на первых порах тесной связью ремесла и торговли с потребностями императорского двора, армии и т. п.; впоследствии, с развитием новых форм ремесла и торговли, это же обстоятельство стало сковывать ремесленное производство¹⁰⁰.

Наименьшее внимание было уделено в советской византиноведческой литературе последних лет поздневизантийскому городу. Относительно того, что XIII—XV вв. характеризуются упадком города в Византии, в нашей историографии не существует серьезных разногласий. Общеизвестным является господство в городах этого времени феодалов и иноземцев (итальянцев). Существенные расхождения имеются, однако, в вопросе о том, начался ли в недрах византийского города до завоевания Византии турками процесс вызревания новых, капиталистических отношений или же византийскому городу были совершенно чужды какие бы то ни были элементы зарождающегося капитализма.

ские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 169; е го ж е. Деревня и город..., стр. 261 сл., где автор высказывает иную точку зрения.

⁹⁵ Д. Л. Т а л и с. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса. «Труды Гос. исторического музея», № 37, 1960. Археологический сборник, стр. 125—140.

⁹⁶ Г. Х. С а р к и с я н. Тигранакерт...; е го ж е. Рецензия на книгу: Я. А. М а н а н д я н. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей с древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Ереван, 1954.—ВДИ, 1957, 4, стр. 142—146.

⁹⁷ Г. М. А х м е д о в. Из истории некоторых городов Азербайджана IX—XIII вв. «Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР», XIII, 1958, стр. 108—132.

⁹⁸ А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 190—249.

⁹⁹ Там же, стр. 250—300. См. е го ж е. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. ВВ, VIII, 1956, стр. 85—96.

¹⁰⁰ А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 301—345.

А. П. Каждан и З. В. Удальцова в уже упоминавшейся статье высказывают мысль, что начиная с XIV в. в экономике Византии начали развиваться капиталистические отношения — только не в городе, где безраздельно господствовали феодалы и торгово-ростовщический (преимущественно иноземный) капитал, а в деревне¹⁰¹. Напротив, по мнению М. Я. Сюзюмова, в Византии в XIV в. наблюдается «снова значительный рост городов — но уже на другой основе... Начали развиваться некоторые элементы капиталистического уклада, правда, в соединении с ростом иноземного влияния». Именно поэтому, полагает ученый, в середине XIV в. в Фессалонике вспыхнуло мощное восстание городского населения «против феодальных устоев»¹⁰², именно тогда (при временщике Алексее Апокавке) начал впервые в истории Византии складываться союз центральной власти с городами¹⁰³.

Наконец, Б. Т. Горянову принадлежит статья о византийском городе XIII—XV вв., в которой, в отличие от работ предшествующих авторов, вообще не признается появление в Византии каких бы то ни было элементов капитализма. Как в экономике города, так и в экономике деревни, по мнению автора, вплоть до последних дней существования Византии не было никаких следов оживления. Засилье феодалов, конкуренция итальянских колоний и их господство в византийских городах, захваты турок-османов и нарушение традиционных торговых путей обусловили глубокий упадок византийского города, что являлось «одной из основных особенностей общественно-экономического строя Византии XIII—XV вв.»¹⁰⁴.

В отличие от изучения византийской деревни, проблемы византийского города еще только начали разрабатываться, причем именно в последние годы, и хотя общие тенденции развития города выявлены советскими историками, вопрос еще далеко не решен. Основная трудность, как это видно из сделанного обзора, заключается в том, что установление правильной периодизации развития феодального города тесно связано с определением общей периодизации истории феодализма в Византии. Помимо этого основного вопроса, имеется и много других проблем истории византийского города, которые лишь намечены, а то и вовсе не поставлены в литературе. У нас нет еще монографических исследований, посвященных экономической, социальной и политической жизни городов Византии в критический период ее истории (IV—VI вв.), когда кризис рабовладельческого строя оказал решающее влияние на развитие городской жизни. В дальнейшем конкретном изучении нуждаются также проблемы экономики и социальной структуры поздневизантийского города.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Большое внимание в рассматриваемое пятилетие советские византилисты уделили проблемам истории классовой борьбы. Они разрабатывались как в специальных статьях, так и в исследованиях, посвященных более широким темам социально-экономического характера.

Было написано немало работ о роли народных движений в период перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному, в част-

¹⁰¹ З. В. Удальцова. А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы..., стр. 93 сл.

¹⁰² М. Я. Сюзюмов. Трактат Юлиана Аскалонита, стр. 15.

¹⁰³ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма..., стр. 15.

¹⁰⁴ Б. Т. Горянов. Византийский город XIII—XIV вв. ВВ, XIII, 1958, стр. 183. Некоторые важные факты о численности населения поздневизантийских городов см. А. Д. Новичев. Население Османской империи в XV—XVI вв. «Вестник ЛГУ», № 14, 1960. Серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 28—37.

ности о соотношении революционных выступлений масс в империи с натиском на нее «варваров» извне.

Исследуя так называемые дунайские войны III в., которые в прежней историографии рассматривались лишь как столкновения римлян с «варварами», А. Д. Дмитриев пришел к выводу, что это были в то же время широкие социальные движения угнетенных римлянами народов Балканского полуострова, ускорившие разделение Римской империи на восточную и западную части¹⁰⁵. Тесная связь «варварских» вторжений с борьбой народных масс в поздней Римской Африке была выявлена и Г. Г. Дилигенским¹⁰⁶.

Острейшим проявлением кризиса рабовладения считает народные движения в Антиохии IV в. Г. Л. Курбатов. Народные волнения, как он устанавливает в своей статье, не прекращались на Востоке империи вплоть до времени массовых вторжений «варваров» и, слившись с ними, нанесли сильнейший удар по рабовладельческому строю¹⁰⁷. Эта цепь непрерывных народных движений IV в. началась с восстания Прокопия: в отличие от буржуазных историков, видевших в нем лишь бунт сословия куриалов, Г. Л. Курбатов рассматривает его как широкое, народное в своей основе движение, направленное против рабовладельческих порядков и налогового гнета государства. Однако попытка Прокопия опереться прежде всего на наиболее консервативные и приходившие в упадок социальные слои (родовая сенаторская и муниципальная аристократия) сужала его социальную базу и предопределила в конечном счете поражение восстания¹⁰⁸. В другой своей статье Г. Л. Курбатов проанализировал восстание 387 г. в Антиохии. Как выясняет автор, накануне и в момент самого восстания недовольство народных масс выразилось в распространении еретических настроений, враждебных официально церковному учению. Таким образом, выступление масс явилось не только формой социального протеста против политики правительства, но было направлено и против христианской идеологии¹⁰⁹.

Анализ народных движений VI в. и выяснение их влияния на ход исторического развития Италии и Византии в период генезиса феодализма осуществлены в монографии З. В. Удальцовой¹¹⁰. В классовой борьбе в Италии конца V—VI в. еще значительное место занимали выступления народных масс против пережитков рабовладения. Все большее значение, однако, начинают приобретать выступления народных масс против феодализировавшейся знати, как остготской, так и римской. Изменялся и состав участников народных движений: наряду с рабами все большую роль играли различные категории колонов, а поскольку развитие феодального землевладения сопровождалось одновременно ростом мелкой крестьянской собственности, в народных восстаниях участвовали и мелкие свободные (римско-италийские, а отчасти и остготские) земледельцы. В городах Италии классовая борьба иногда (как и в Византии) была связана с борьбой цирковых партий.

¹⁰⁵ А. Д. Дмитриев. Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. (236—278 гг.). ВВ, VIII, 1956, стр. 97—126.

¹⁰⁶ Г. Г. Дилигенский. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке. ВДИ, 1957, № 2, стр. 85—105.

¹⁰⁷ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 42—60.

¹⁰⁸ Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия (365—366 гг.). ВВ, XIV, 1958, стр. 3—26.

¹⁰⁹ Г. Л. Курбатов. К вопросу о богохульствующих в восстании 387 г. в Антиохии. Сб. в честь В. В. Струве. Л., 1959.

¹¹⁰ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 196—221, 339—353 и др.

Рассматривая историю византийского завоевания Италии (535—555 гг.) и политику византийского правительства в захваченных областях, З. В. Удальцова приходит к новому выводу, согласно которому в первый период этой войны — период успехов Византии — позиция народных масс, нередко принимавших участие в разгоравшейся борьбе, не была достаточно устойчивой и менялась в зависимости от конкретной обстановки. Однако самая борьба тогда не получила еще широкого размаха. Автор подробно останавливается на характеристике сложного периода правления Тотилы, показывая, с одной стороны, колебания этого остготского полководца и его стремление сблизиться с сенатом, а с другой стороны, подчеркивая, что в обстановке, создавшейся после поражения остготов, Тотила понял необходимость заключения временного союза с самыми широкими слоями италийского населения, понял, что во имя сохранения господства остготской знати нужно пойти им на некоторые уступки. Он использовал развернувшееся в Италии народное движение, вызванное реакционными юридическими и экономическими нововведениями, которые были установлены византийцами в завоеванных ими областях Италии. Это и послужило, по мнению автора, причиной последующих успехов Тотилы в его борьбе с Византией в 543—550 гг. Не помышляя об искоренении рабовладения, Тотила все же содействовал оформлению происходивших в эти годы социально-экономических изменений (широкое перемещение земельной собственности, освобождение части колонов и рабов), делая уступки массам преимущественно за счет римской аристократии. Конечное поражение готов было обусловлено, как полагает З. В. Удальцова, неизбежным обострением противоречий в социально неоднородном лагере противников империи. Углубление этих противоречий привело в 50-х годах VI в. к новому соотношению сил в стране: оно сложилось в пользу византийцев.

Как и в предшествующие годы, продолжалось изучение крупнейшего антифеодального еретического движения в Византии — павликианства. Используя не только византийские, но также армянские и сирийские источники, К. Н. Юзбашян и Р. М. Бартикян доказали, что павликианская ересь, которой придерживались армяне Великой Армении, была не только социальным, но и народно-освободительным движением, направленным против Византии и Арабского халифата: этим объясняются гонения на павликиан как в той, так и в другой стране¹¹¹. Исследовав армянские источники и сравнив содержащиеся в них данные о павликианах со сведениями, имеющимися в византийских памятниках, Р. М. Бартикян и К. Н. Юзбашян пополнили наши знания об этом широком народном движении¹¹².

К. Н. Юзбашян показал связи византийских павликиан с армянскими тондракитами, отметив также и существенное различие между обоими ере-

¹¹¹ К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения в Византии в IX в. «Вопросы истории религии и атеизма», IV, 1956, стр. 246—279; Р. М. Бартикян. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. ВВ, VIII, 1956, стр. 127—131.

¹¹² К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения...; Р. М. Бартикян. Источники для изучения истории павликианского движения. Автореферат канд. дисс. Л., 1958; его же. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. ВВ, VIII, 1956; его же. Легендарное происхождение павликиан по одной древнеболгарской рукописи. «Известия АН Арм. ССР», серия обществ. наук, 1957, № 1; его же. Армянские источники для изучения истории павликианского движения. ПС, 4, 1959; его же. К оценке некоторых источников о павликианском движении. «Известия АН Арм. ССР», серия обществ. наук, 1957, № 6; его же. К вопросу об организации павликианской общины. «Историко-филологический журнал», 1958, № 3, стр. 183—187 (на арм. яз.).

тическими учениями: тондракиты, в отличие от дуалистов-павликиан, были монистами¹¹³.

Проблеме социальных противоречий и классовой борьбы в византийском обществе посвящена последняя, самая большая по объему глава книги А. П. Каждана¹¹⁴. Проследившая ход классовых битв на протяжении IX—X вв., автор пришел к выводу, что в IX в., когда деревня еще не была вовлечена в зависимость от феодалов-вотчинников и подвергалась централизованной эксплуатации со стороны государства, восстания крестьянства носили общеимперский характер. Иначе говоря, централизованному натиску господствующего класса соответствовал широкий, в масштабах всего государства отпор эксплуатируемого населения (восстание Фомы Славянина, павликианство). Напротив, в X в., когда сложилась вотчинная система эксплуатации, крестьянские волнения приобрели узкий, локальный характер.

Вопрос о социальной борьбе в византийском городе рассматривает Р. А. Наследова. В одной из глав своей кандидатской диссертации, посвященной изучению социальной структуры и политического устройства Фессалоники конца IX — начала X в., Р. А. Наследова показывает, что фессалоникское общество этого времени, состоявшее из резко отличавшихся друг от друга социальных групп, раздирали острые классовые противоречия. Именно в этом заключаются, по мнению автора, основные причины того, что Фессалоника — второй по величине и значению город империи — была захвачена в 904 г. арабами в очень короткий срок, не сумев оказать сколько-нибудь значительного сопротивления врагу¹¹⁵.

Народные движения XI—XII вв. на территории империи, заселенной славянами (прежде всего болгарами), были изучены в монографии Г. Г. Литаврина¹¹⁶. В отличие от буржуазных исследователей (главным образом болгарских), автор рассматривает восстания 1040—1041, 1072—1073, конца XI — начала XII в., 1185—1187 гг. не только как народно-освободительные, но и как антифеодальные движения. Г. Г. Литаврин исследует социальный состав участников движения, ход восстаний, причины их поражений и условия победы в 1185 г. Антифеодальные тенденции восстаний 1040 и 1072 гг. определили, как показывает автор, предательскую политику болгарской феодальной знати, немедленно или в ходе восстания переходившей на сторону византийцев. По мнению Г. Г. Литаврина, наиболее активными и решительными участниками восстаний были свободные крестьяне: вовлекаемые в феодальную зависимость, они остро реагировали на ухудшение своего материального и социального положения. Перемещение центра народно-освободительного и антифеодального движения из Западной Болгарии в Центральную, а затем — в Северо-Восточную может быть объяснено, по мнению автора, разницей в уровне развития феодальных отношений в этих двух районах Болгарии. Наиболее интенсивными и упорными восстания были там, где сохранялся значительный слой свободного крестьянства: к концу XII в. такое положение было характерно для Северо-Восточной Болгарии. В специальной статье Г. Г. Литаврин подверг анализу историю восстания болгар и влахов в Фессалии в 1066 г.¹¹⁷ Автор пришел к выводу, что целью восставших, которые выступив из

¹¹³ К. Н. Юзбашьян. Тондракитское движение в Армении и павликиане. «Известия АН Арм. ССР», серия обществ. наук, 1956, № 9, стр. 31—44.

¹¹⁴ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 346—349.

¹¹⁵ Р. А. Наследова. Город Фессалоники и македонские славяне (по данным Иоанна Камениаты). Канд. дисс. (рукопись). Л., 1954, стр. 200—248.

¹¹⁶ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 376—465.

¹¹⁷ Г. Г. Литаврин. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. ВВ, XI, 1956, стр. 123—134. Одновременно в Болгарии вышла статья Г. Цанковой-Петро-

городов Фессалии, двинулись на север, было соединение с населением Болгарии для совместной борьбы против византийского господства. Таким образом, это восстание рассматривается не в качестве какого-то изолированного эпизода, а как этап народно-освободительного движения болгар и влахов, к которому примкнула также часть угнетенного греческого населения.

Социальному составу участников богомильского движения в Болгарии была посвящена статья В. Ф. Храпченко, по мнению которого богомилство в основном исходило из деревни, хотя, как доказывает автор, в нем принимали участие и городские слои населения¹¹⁸.

За последние годы советские византилисты неоднократно обращались к изучению периода правления Андроника I Комнина. Это время было ознаменовано острой классовой борьбой и сильными политическими потрясениями. Вслед за Н. П. Соколовым¹¹⁹ и М. М. Фрейденбергом¹²⁰ данного периода касались Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов и К. Н. Юзбашян. Г. Г. Литаврин¹²¹ поддержал высказанное М. М. Фрейденбергом мнение, что реформы Андроника I были уступкой народным массам, сделанной в условиях нараставшей борьбы угнетенных против феодалов и государства. Он выдвинул предположение, что Андроник пытался опереться на мелких и средних феодалов, а также на свободное крестьянство, главным образом в европейских фемах империи. К. Н. Юзбашян попытался обосновать тезис о том, что внутренняя слабость Византии в конце XII в., обусловившая ее падение в 1204 г. под ударами крестоносцев, объясняется непрерывной и напряженной классовой и политической борьбой в империи¹²².

Иначе трактовалась политика Андроника I и определялись причины слабости Византии в работе М. Я. Сюзюмова¹²³. По его мнению, Андроник I пытался превратить Византию в централизованную монархию, но, имея для этого достаточной социальной базы, действовал с помощью террора, чем в конце концов вызвал против себя общее возмущение. Причины дальнейшего ослабления империи М. Я. Сюзюмов видит в событиях, последовавших вскоре свержения Андроника.

А. С. Тверитинова и А. Д. Новичев посвятили свои исследования крестьянским восстаниям начала XV в. в Турции. Опираясь на византийские и турецкие источники, они показали, как социальные противоречия оказались сильнее противоречий этнических и вероисповедных и угнетенное турецкое и греческое население объединилось в общем выступлении против феодалов и турецкого государства¹²⁴.

вой («Югозападные болгарски земи през XIв. според „Стратегикона“ на Кекавмен». ИИБИ, VI, 1956), которая в оценке восстания 1066 г. пришла к сходным выводам.

¹¹⁸ В. Ф. Храпченко. О социальном составе участников богомильского движения в Болгарии. «УЗ Псковского гос. пед. ин-та», VI, 1958, стр. 321—334.

¹¹⁹ Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185). ВВ, V, 1952, стр. 139—151.

¹²⁰ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1954, стр. 47—49.

¹²¹ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 92—99.

¹²² К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957, стр. 65—69. См. рецензии М. А. Заборова и М. М. Фрейденберга (ВВ, XV, 1959, стр. 203—214).

¹²³ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. ВВ, XII, 1957, стр. 58—74.

¹²⁴ А. С. Тверитинова. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции. ВВ, XI, 1956, стр. 200—224; А. Д. Новичев. Крестьянское восстание в Турции в начале XV века. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 67—81.

Не все проблемы, связанные с изучением классовой борьбы в Византии, достаточно разработаны в советской историографии. Так, мало изучен социальный характер кризиса VII в. и социальная направленность народного движения в начале этого века; недостаточно исследованы также еретические движения в ранней Византии (IV—VI вв.), павликианство и его связи с другими ересями Востока, классовая борьба в империи накануне латинского завоевания и в период Латинской империи, наконец, восстание зилотов (XIV в.).

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Одной из тем, пользующихся особым вниманием советских византинистов, являются русско-византийские отношения: ведь Киевская Русь, равно как и Тмутараканское и Галицко-Волынское княжества (а затем и Московская Русь), была тесно связана с Византией и в экономическом, и в государственном, и в культурном плане. Важнейшие сведения письменных источников о древней Руси имеют византийское происхождение. Без всемерного изучения проблемы русско-византийских отношений не может быть успешной разработки истории древней Руси вообще. Кроме того, именно эта тема подвергается особенно грубой фальсификации в буржуазной историографии. Поэтому разработка проблем русско-византийских отношений была и останется впредь одной из важнейших задач советского византиноведения.

Итоги изучения взаимоотношений Руси с Византией в советской историографии до 1953—1954 гг. были подведены М. В. Левченко в монографии «Очерки по истории русско-византийских отношений», вышедшей посмертно под редакцией академика М. Н. Тихомирова¹²⁵. Заслугой автора является не только пересмотр и систематизация огромного материала, накопленного в науке более чем за полвека, истекшие после работ В. Г. Васильевского, но и критический разбор сочинений буржуазных историков; М. В. Левченко показал полную несостоятельность имеющей хождение за рубежом теории о неравноправии Руси в ее сношениях с Византией, о подчинении ее авторитету империи и о политической зависимости от Византии.

Советские византилисты и слависты, историки, лингвисты и литературоведы уделяли в последнее время много внимания вопросам взаимосвязей и взаимовлияний византийской и греческой литературы. На материале конкретных исследований было установлено большое значение русских переводных и оригинальных памятников для изучения истории и культуры не только Руси, но и Византии, ибо нередко древнерусские переводы византийских памятников сохранили гораздо более полные и близкие к оригиналу тексты, чем их византийские прототипы, дошедшие в поздних, фрагментарных, неисправных списках¹²⁶.

¹²⁵ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

¹²⁶ См. М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII вв. на рукописях Чудова монастыря. «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960, стр. 11—36; е г о ж е. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. ВИ, 1959, № 4, стр. 98—105; е г о ж е. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 69—73; Н. К. Гудзий. Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке. «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, XIX, 1960, вып. 2, стр. 116—127; е г о ж е. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., 1960, стр. 7—61; е г о ж е. У истоков великой славянской литературы. «Русская литература». 1958, № 3, стр. 40—56.

Переводные (с греческого) русские памятники свидетельствуют о большом искусстве перевода на Русь, в течение нескольких веков поддерживавшей с Византией и южными славянами оживленные и плодотворные культурные связи¹²⁷. В нескольких специальных работах были выяснены отдельные вопросы влияния греческого литературного языка на лексический состав и грамматический строй оригинальных древнерусских памятников письменности¹²⁸.

Некоторые русские памятники, как показали советские исследователи, имеют первостепенное значение для уяснения обстоятельств взятия Константинополя в 1204 г. крестоносцами¹²⁹ и в 1453 г. турками¹³⁰. Особенно большое впечатление произвело на Русь падение Византии под ударами турок. Глубоко сочувственное отношение к грекам не ослабевало на Руси в течение многих столетий. «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера, рассказывающая о последних днях Константинополя и написанная русским по происхождению и по симпатиям воином султанской гвардии янычаров, была широко известна на Руси. Ее читали и изучали еще в XVII в.¹³¹

Существенному пересмотру были подвергнуты в последние годы некоторые установившиеся взгляды на характер политических отношений Ви-

¹²⁷ Н. А. Мещерский. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». ПС, 2, 1956, стр. 58—68; ег о ж е. К вопросу об источниках «Повести временных лет». ТОДРЛ, 13, 1957, стр. 57—65; ег о ж е. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода. «УЗ Карело-финского пед. ин-та», серия общественных наук, 2, вып. 1, 1955—1956, стр. 198—219; ег о ж е. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». ТОДРЛ, 14, 1958, стр. 43—48; ег о ж е. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». «УЗ Ленинградского гос. ун-та», № 194, серия филологических наук, 24, 1956, стр. 18—43; ег о ж е. Искусство перевода Киевской Руси. ТОДРЛ, 15, 1958, стр. 54—72. См. также «Сборник ответов на вопросы по литературоведению». IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 295; Н. А. Мещерский. Два неизвестных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. ВВ, XI, 1956, стр. 279—284; ег о ж е. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261; ег о ж е. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. ВВ, XVII, 1960, стр. 57—69; М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. ВВ, XII, 1957, стр. 232—241; ег о ж е. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы. ВВ, XVI, 1959, стр. 82—91; ег о ж е. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов. ВВ, XVII, 1960, стр. 85—92; М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

¹²⁸ С. В. Фролова. История притяжательно-сравнительных прилагательных с суффиксами /ъ/и по древнерусским письменным памятникам XI—XVII вв. «УЗ Куйбышевского пед. ин-та», 27, 1959, стр. 183—338; ег о ж е. Притяжательные прилагательные в ранних переводах с греческого языка. «Научные доклады высшей школы». Филологические науки, 1959, № 4, стр. 95—106; А. Н. Мирославская. Из истории развития русских имен. «УЗ Калининградского пед. ин-та», VI, 1959, стр. 363—385; П. С. Кузнецов. О форме слова БИБЛИОТЕКА. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I, под ред. проф. П. С. Кузнецова. Изд. МГУ, 1960, стр. 39—45; А. Н. Соколовская. Сложные существительные со значением лица в русской оригинальной письменности XI—XIV вв. «Труды Одесского гос. ун-та», 149, 1959, серия филологических наук, вып. 9, стр. 189—197; В. Л. Богородский. Об одном морском термине из «Повести временных лет». «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 173, 1958, стр. 146—147; ег о ж е. У кормила правления (из истории метафорического словосочетания). «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 170, 1958, стр. 283—301; С. Д. Ледеяева. К вопросу о словообразовании в системе древнерусской военной лексики XI—XIII вв. «УЗ Кишиневского гос. пед. ин-та им. И. Криянгэ», 8, 1957, стр. 69—84; В. К. Чичагов. Вопросы русской исторической ономастики. «Вопросы языкознания», 1957, № 6, стр. 64—80.

¹²⁹ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фригями как источник по истории Византии. ВВ, IX, 1956, стр. 170—186.

¹³⁰ М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв. ТОДРЛ, XII, 1956, стр. 188—226.

¹³¹ Е. В. Чистякова. А. И. Лызлов и его «Скифская история». «Проблемы историографии». Воронеж, 1960, стр. 52—55.

зантии и Руси в X в.; новое освещение было дано и отдельным византийским источникам по истории Руси этого времени¹³².

Исследования последних лет показали, что наши представления об экономических и культурных связях Византии и Руси не всегда соответствовали действительности. Эти связи были гораздо более интенсивными и глубокими, чем было принято думать; однако осуществлялись они — особенно в области политической — как взаимоотношения двух независимых держав, связанных давними культурными традициями. В частности, в торговлю с Византией были вовлечены в XII в. не только приднепровские районы, но и далекие северные области, как это показали недавние археологические раскопки на Белоозере¹³³, в Белоруссии¹³⁴ и далекой Перми¹³⁵. Проследившая эволюцию монетной и весовой систем на Руси, ученые приходят к выводу о серьезном влиянии торговых связей с Византией на формирование русских эталонов в монетном деле и в торговле¹³⁶. В своих двух монографиях М. Н. Тихомиров уделил специальное внимание проблеме торговых и культурных связей Киевской, а затем Московской Руси с Византией. Впервые в историографии на основе источников, в первую очередь «хождений» русских паломников, автор дал подробную характеристику торговых путей из Москвы в Константинополь¹³⁷.

В статье о греческой надписи 1078 г. из Тмутарокани Е. Ч. Скржинская высказала предположение, что этот эпиграфический памятник свидетельствует о наличии русско-византийских культурных связей в период существования Тмутароканского княжества, в пору деятельности там летописца Николая¹³⁸.

Русские активно воспринимали достижения византийской культуры и техники, быстро осваивая у себя на родине производство изделий, ранее им неизвестных. Воздействие Византии сказывалось и в военном деле. Есть некоторые основания полагать, что русские уже в XII в. имели так называемый «греческий огонь», секрет изготовления которого византийцы так ревностно оберегали¹³⁹.

¹³² П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 39—51; М. Ю. Брайчевский. По поводу одного места из Константина Багрянородного. ВВ, XVII, 1960, стр. 144—154. См. также И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, 253 стр.

¹³³ Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—323; М. Н. Тихомиров. Великий Новгород в истории мировой культуры. ВИ, 1960, № 1, стр. 42—52; А. Н. Кирпичников. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. КСИИМК, 73, 1959, стр. 21—31.

¹³⁴ Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. КСИИМК, 77, 1959, стр. 70—76.

¹³⁵ См. «Путеводитель по залам I—VII, А, Б, В Государственного исторического музея». М., 1960, 152 стр.; Л. Н. Казанова. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. «Труды Гос. истор. музея», 26. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 70—76.

¹³⁶ Л. Бала. Київські гривні з нумізматичної колекції Одеського державного археологічного музею. «Матеріали з археології Північного Причорномор'я», III, 1960, стр. 253—259; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М., 1960, 123 стр.; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, 65, 1959, стр. 223—261; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд. МГУ, 1956, 207 стр.; см. рецензию: А. Л. Монгайт. ВИ, 1958, № 3, стр. 183—188.

¹³⁷ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, 2-е изд. М., 1956; е го же. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957.

¹³⁸ Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутарокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 74—84.

¹³⁹ В. Б. Вилинбахов. К истории огневого оружия в древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 284—288. См. также А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия древней Руси. (Из истории средневекового оружия XI—XV вв.). МИА, 77, 1958, стр. 7—51.

Культурные заимствования из Византии особенно сильно затронули такие области древнерусского искусства, как архитектура и живопись (в особенности церковная). Советские ученые, пользуясь новыми техническими методами исследования предметов материальной культуры, а также архитектурных памятников и произведений живописи, добились значительных результатов в определении подлинных границ византийского культурного влияния на Русь и в выявлении оригинальных черт самобытного русского искусства. Большинство исследователей приходит к выводу, что положительное культурное воздействие Византии сочеталось на Руси с творческой переработкой и дальнейшим развитием вывезенных образцов и усвоенных методов работы в соответствии с местными традициями, потребностями и навыками¹⁴⁰.

Весьма примечательно, что вместе с официальной церковной идеологией и с богослужебной и исторической литературой на Русь проникали также византийские «отреченные», «тайные» книги. Русское общество было обычно осведомлено не только об идейно-политической борьбе в Византии и о богословских контрверзах; оно знало также о еретических учениях, которые находили приверженцев и последователей и в русских землях¹⁴¹.

Значительно продвинулось в рассматриваемые годы изучение основных путей связей Руси с Византией в течение X—XV вв. Установлено, что, помимо обычного пути по Днепру и затем по Черному морю, существовало несколько других сухопутных дорог, ведущих к Тмутарокани и к устью Дуная, а затем в Византию. Значение Херсона в осуществлении этих связей было, как оказалось, несколько преувеличено в старой историографии; в XI—XIII вв., после разгрома Херсона Владимиром и упадка

¹⁴⁰ В. Н. Л а з а р е в. Этюды о Феофане Греке, ч. II. Феофан Грек и московская школа миниатюры 90-х годов XIV в. ВВ, VIII, 1956, стр. 143—165; е г о ж е. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. ВВ, X, 1956, стр. 161—177; е г о ж е. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет Ярослава. ВВ, XV, 1959, стр. 148—169; е г о ж е. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. ВВ, XVII, 1960, стр. 93—104; В. И. Л е в и ц к а я. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской. ВВ, XV, 1959, стр. 170—184; Б. А. Ш е л к о в н и к о в. Стекло Киевской Руси X—XIII вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 114—126; Р. А. К а ц н е л ь с о н. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. ВВ, XII, 1957, стр. 242—262; Б. А. Р ы б а к о в. Проблемы истории Древней Руси в свете новейших археологических исследований. «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 27—32; Н. Г. П о р ф и р и д о в. О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 36—49; М. В. А л п а т о в. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. ТОДРЛ, XII, 1956, стр. 292—310; М. К. К а р г е р. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города, т. I. М.—Л., 1958, 579 стр.; т. II. М.—Л., 1961, 661 стр.; В. И. А н т о н о в а. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 569—572; Ю. Л. Щ а ц о в а. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия Древней Руси. СА, 1960, № 1, стр. 91—101; В. В. К р о п о т к и н. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, 68, 1957, стр. 35—44; М. А. И л ь и н. Изображение Иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора (К вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева). ВВ, XVII, 1960, стр. 105—113; О. А. Б е л о б р о в а. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. ВВ, XVII, 1960, стр. 114—123.

¹⁴¹ См. А. И. К л и б а н о в. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; е г о ж е. К изучению генезиса еретических движений в России. ВИРА, 7, 1959, стр. 186—127; И. У. Б у д о в н и ц. Русское духовенство в первое столетие монголо-татарского ига. ВИРА, 7, 1959, стр. 284—302; И. И. Б у р е й ч е н к о. К истории основания Троице-Сергиева монастыря. «Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника», III, 1960, стр. 5—40; О. А. Б е л о б р о в а. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому. Там же, II, 1958, стр. 12—18.

города, сношения Руси с Константинополем осуществлялись вообще помимо Херсона¹⁴².

Следует сказать, что именно в последнее время были достигнуты большие успехи в изучении истории Херсона. Используя новые археологические материалы, советские археологи и историки выяснили важнейшие этапы экономического и культурного развития Херсона и характер его политических и торговых отношений с соседними государствами и народами, и прежде всего с Русью¹⁴³. Изучались и другие византийские колонии в Крыму¹⁴⁴.

¹⁴² А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсона. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 229—244; е г о ж е. К истории русско-корсунских связей XI—XIV вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 116—129; «Труды Волго-Донской археологической экспедиции». МИА, 75, т. II, 1959, 416 стр.; Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси (По материалам медного литья). ВВ, XIV, 1958, стр. 129—138; А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, т. II, 1959, стр. 333—339.

¹⁴³ А. И. Артамонов. Хазарская крепость Саркел. «Acta Archeologica Academiae Scient. Hungariae», 7, 1956, p. 321—341; Д. Р. Берейм. О пути греков через Черное море. СА, 1958, № 3, стр. 201—203; Б. Л. Богородский. Об одном морском термине из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 130, 1957, стр. 149—173; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. МИА, 63, 1959, стр. 364; А. В. Банк. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных. ВВ, IX, 1956, стр. 186—192; Д. Л. Талис. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 103—116; См. также Г. Г. Литвин. Записка греческого топарха. Сб. «Из истории средневековой Европы». Изд. МГУ, 1957, стр. 114—130; Н. Я. Половой. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа. ВВ, XIV, 1958, стр. 139—147; е г о ж е. Две ошибки древнейшего русского хрониста. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 139—143; Н. К. Нефедова. Куда ездили древние русы — в Андалузию или Анатолию? СВ, № 4, 1958, стр. 113—115; Б. А. Рыбаков. Русь и страна «Андаля» в IX—X вв. СВ, № 4, 1958, стр. 116—118; Е. Ч. Скрябинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958; М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова. Существовала ли «внешняя Русь». ВВ, XIV, 1958, стр. 97—98; М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова. Из комментария к «Записке греческого топарха». ВВ, XIV, 1958, стр. 99—102; В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958, 31 стр.; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 452—457; Н. Я. Половой. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 105—111; А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1960 г. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 191—205; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического, III. Южная и западная линии обороны. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 75—114; И. В. Пятшева. Отчет о раскопках Государственного исторического музея в Фанагории, 1939. «Труды Гос. ист. музея», 37, 1960, стр. 111—124; О. И. Домбровский. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 г. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 207—227; Г. Д. Белов. Шиферная икона из Херсонеса. СА, 1960, № 2, стр. 257—263; А. М. Гилевич. Нумизматическое собрание музея. «Сообщения Херсонесского музея», I, М., 1960, стр. 57—62; е г о ж е. Золотые византийские монеты из Херсонеса. СА, 1959, № 1, стр. 267—268; Ю. С. Крушкoл. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 г. «Труды Гос. ист. музея», 24. Нумизматический сборник, 2, 1957; стр. 61—69.

¹⁴⁴ В. П. Бабенчиков. Средневековая гончарная печь в Мисхоре. КСИИ УССР, 7, 1957, стр. 111—112; Е. В. Веймарн. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 г. СА, 1958, № 1, стр. 71—80; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, стр. 154—238; С. А. Секиринский, Л. И. Блахина. Достижения советской науки в изучении древнего и средневекового Крыма. «Известия Крымского пед. ин-та». XXVIII, 1957, стр. 232—256; В. И. Абаев. Из истории слов. Древнерусское «кърчий» и топоним Керчь. «Вопросы языкознания», 1959, № 1, стр. 69—99; В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218; А. Л. Якобсон. Средневековые поселения в Байдарской долине. КСИИМК, 76, 1959, стр. 90—102; е г о ж е. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, 1958, стр. 102; е г о ж е. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108—113.

Несколько статей советские ученые специально посвятили опровержению идеалистических концепций и утверждений, касающихся ранней истории Руси и ее отношений с Византией и норманнами, а также связей Византии с Московским государством¹⁴⁵.

Несмотря на успехи, достигнутые в разработке проблем русско-византийских отношений, в дальнейшем изучении нуждаются, например, идеологические связи официальной Руси с Византией, с одной стороны, и взаимные влияния антицерковных еретических учений в обеих странах — с другой; слабо изучено влияние Византии на ход идейно-политической борьбы на Руси в XIV—XV вв. и значение Византии в развитии русского государственного и церковного аппарата управления; едва только начатым следует считать исследование русских памятников XIV—XVII вв. с точки зрения их ценности для изучения византийской истории и т. д.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВИЗАНТИИ СО СТРАНАМИ И НАРОДАМИ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Значительное место в работе советских византистов занимает проблема взаимоотношений Византии со странами и народами средневекового Кавказа (прежде всего с Грузией и Арменией, в течение нескольких веков входивших в пределы Византии). Особенно много занимаются этой проблемой грузинские и армянские историки, а также ученые Азербайджана, Дагестана, Краснодарского края, Абхазии. Изучение грузино-византийских отношений сосредоточено в настоящее время в созданном в 1960 г. при Институте истории АН Грузинской ССР секторе византиноведения. Н. Н. Кечакмадзе опубликовала в XV томе «Византийского временника» (1959 г.) обзор более 70 работ византистов Грузии (доведен до 1957 г.). Среди названных там работ 1956—1957 гг. четыре крупные монографии посвящены вопросам взаимного влияния древнегрузинского и византийского ремесла, а также литературы, архитектуры и искусства. Грузинские и абхазские археологи тщательно изучают остатки византийской материальной культуры на территории Грузии, а также ареал распространения

¹⁴⁵ Б. Д. Греков. История древних славян и Руси в работах академика В. Г. Васильевского. «Избранные труды», т. III. М., 1960, стр. 449—462; его же. Удар по антипатриотическим тенденциям в исторической науке (Отзыв на книгу Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси»). Там же, стр. 467—470; Б. А. Рыбаков. Спорные вопросы образования Киевской Руси. ВИ, 1960, № 9, стр. 18—27; М. В. Левченко. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. ВВ, VIII, 1956, стр. 7—25; Я. С. Лурье. Возникновение теории «Москва — третий Рим». ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 626—633; ср. А. А. Зимин. Русская летопись и хронографы конца XV—XVI в. М., 1960, 33 стр.; Г. Г. Литаврин. Вопросы образования Древнерусского государства. Рец. на кн.: А. Стендер-Петерсен. Проблема древнейших византийско-русско-норманских отношений. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 386—395; И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. «История СССР», 1960, № 1, стр. 223—236; С. М. Каштанов. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. ВВ, XI, 1956, стр. 308—323; его же. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографиях. ВВ, XIV, 1958, стр. 284—295; В. Д. Кузьмина, А. Л. Хорошкевич. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках». «История СССР», 1958, № 1, стр. 202—213; А. И. Клянов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. ВВ, XIV, 1958, стр. 148—174; В. П. Шущарин. О сущности и формах современного норманизма. ВИ, 1960, № 8, стр. 65—93; В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958, 31 стр.; П. Ф. Крапivin. Походные названия «Русь», «Белая Русь», «Черная Русь», «Чырвоная Русь». «Вестн АН Белар. ССР». Сер. грамадскіх наук, 1956, стр. 53—56.

византийских монет, свидетельствующий о длительных торговых связях Византии с Грузией и Абхазией¹⁴⁶.

Византийско-грузинские отношения были устойчивыми и плодотворными. Произведения византийской литературы стали рано переводиться на грузинский язык, изучались, подвергались переработке, использовались в работах грузинских авторов; образованные грузины — как представители духовенства, так и светские лица — поддерживали тесные связи с византийскими учеными и богословами, бывали в Византии и подолгу жили в ее пределах, преимущественно в Сирии и Палестине, где существовал грузинский монастырь, основанный Петром Ивером¹⁴⁷.

Как удалось установить посредством анализа текстов сочинений Шота Руставели, Ефрема Мцире и Георгия Мтацминдели, константинопольская юридическая школа XI в. оказала существенное влияние на мировоззрение грузинских писателей, философов и юристов¹⁴⁸.

Изучается в Грузии и проблема политических отношений Грузии с Византией — как в период независимого существования Грузии, так и в период ее подчинения Византии¹⁴⁹.

Некоторые проблемы грузино-византийских связей разрабатываются грузинскими историками в контакте с учеными Болгарии. В IX—XI вв. жили в Болгарии армянские и грузинские поселенцы, а отдельные представители грузинской знати были видными полководцами империи (Григорий Бакуриани), получавшими богатые поместья в болгарских владениях Византии¹⁵⁰.

Значительных успехов достигло византиноведение и в Армянской ССР. Археологический и нумизматический материал Армении свидетельствует об интенсивных и длительных экономических связях с Византией и о ее культурном влиянии¹⁵¹. Интересные работы выполнены армянскими

¹⁴⁶ Д. Г. Капанадзе. Новый тип монеты Давида Строителя. ВВ, VIII, 1956, стр. 338—343; е г о ж е. Неизвестный вариант грузинской монеты XI в. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории». XXX, 1959, стр. 101—104; е г о ж е. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1948 и 1951 гг. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I. Тбилиси, 1957, стр. 16—41; Т. Я. Абрамишвили. Находки византийских золотых монет в Гурджаани. ВВ, XIII, 1958, стр. 282—285; Г. К. Бокучава. Обзор нумизматических фондов Гос. музея Абхазии. «Труды Абхазского гос. музея», II, 1957, стр. 187—197; е г о ж е. Нумизматические приобретения Абхазского государственного музея за 1957 г. «Труды Абхазского гос. музея», III, 1958, стр. 109—118; М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории», XXX, 1959, стр. 121—157; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, 306 стр.

¹⁴⁷ Ш. Нуцубидзе. История грузинской философии. Тбилиси, 1960, 591 стр.; Т. Чхониya. Слово Евсевия Александрийского «О неделе (воскресения) и бесчинно играющих». «Известия Ин-та рукописей АН Груз. ССР», II, 1960, стр. 181—223; И. В. Абуладзе. Древнегрузинский перевод «Мученичества Рипсиме и ее сподвижниц» из истории Агафангела. Там же, стр. 145—180; Г. В. Церетели. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси, 1960, 94 стр. (на груз. яз.); К. Кекелидзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита. «Труды тбилисс. ун-та т. 63, стр. 421—431; С. И. Дanelia. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита. ВВ, VIII, 1956, стр. 377—385; С. Каухчишвили. Эпиграфические новости из Грузии. ВДИ, 1958, № 4, стр. 129—133.

¹⁴⁸ Д. К. Бакарадзе. Вопросы правового мировоззрения Шота Руставели. «Сообщения АН Груз. ССР», XXIV, 1960, № 2, стр. 245—252.

¹⁴⁹ Г. С. Атанелишвили. Сванетский вопрос в византийско-иранских дипломатических взаимоотношениях 562—590 гг. Тбилиси, 1959, 96 стр. (на груз. яз.); Ш. Чхетиya. Тбилиси на заре своей истории. «Труды Тбилисского пед. ин-та», 13, 1959, стр. 125—139 (автор этой работы, кстати говоря, устанавливает, что осаду Тбилиси Маврикием следует относить не к 627 г., как это было принято, а к 626 г.).

¹⁵⁰ А. Шанидзе. Страница из историята на грузино-българските културни взаимоотношения. ИП, № 24, 1958, стр. 98—104.

¹⁵¹ К. Г. Кафадарян. Раскопки города Двина. «XXV Международный съезд востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 7 стр.; Х. Мушегян.

историками в области источниковедения и публикации источников. В частности, Р. М. Бартикян дал новое, убедительное толкование вызывавшей много споров среди ученых так называемой «Записи монаха Феодула», что позволяет лучше представить характер отношений византийской и армянской знати в XI в.¹⁵²

Издан сборник армянских документов о взятии Константинополя турками в 1453 г., представляющий значительный интерес для византинистов¹⁵³, а также другие источники, имеющие большое значение для изучения истории Византии и стран Ближнего Востока¹⁵⁴.

К. Н. Юзбашян и Р. М. Бартикян¹⁵⁵ изучают вопросы классовой борьбы в Византии и Армении в VIII—XII вв., а также вопросы армяновизантийских экономических и политических отношений¹⁵⁶.

Проблемы культурных связей Армении, Грузии и Византии разрабатываются в трудах Л. М. Меликсет-Бека¹⁵⁷ и В. К. Чалояна¹⁵⁸.

Богатые перспективы открывает изучение рукописных богатств армянского государственного хранилища, древних рукописей — Матенадарана, начатое армянскими византинистами¹⁵⁹.

В отличие от Грузии и Армении, где интерес к истории Византии и византийско-кавказским отношениям зародился давно, подобная тематика в работах ученых Азербайджана¹⁶⁰, Центрального¹⁶¹ и Северного Кавка-

К истории денежного обращения Двина по монетным находкам. «Известия АН Арм. ССР», общественные науки, 1956, 2, стр. 81—96; е го же. Монетные находки из раскопок Двина. КСИИМК, 66, 1956, стр. 89—92; В. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Аш. Ереван, 1957, 69 стр. См. рецензию: А. Л. Якобсон. СА, 1959, № 1, стр. 324—327.

¹⁵² Р. М. Бартикян. Относится ли прозвище Парадобази; к магистру Василию в памятной записи монаха Феодула? «Известия АН Арм. ССР», общественные науки, 1959, 8, стр. 80—86.

¹⁵³ А. С. Анасян. Армянские источники о падении Византии. Ереван, 1957.

¹⁵⁴ Л. Т. Гуляян. Неизданные надписи Байбуртской цитадели. ВВ, VIII, 1956, стр. 306—331.

¹⁵⁵ См. выше, стр. 26.

¹⁵⁶ К. Н. Юзбашян. «Варяги» и «прония» в «Повествовании» Аристанеса Ластивертци. ВВ, XVI, 1959, стр. 14—29; Р. М. Бартикян. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в. ВВ, XVII, 1960, стр. 52—57.

¹⁵⁷ Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о датировке Псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе. ВВ, VIII, 1956, стр. 208—223; е го же. Graeco-Vuzantina в древнеармянском Liber epistolarum. ВВ, XII, 1957, стр. 263—270; е го же. Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческих гомилий, связываемых с именем Иоанна Златоуста. ВВ, XVII, 1960, стр. 70—77. Полная библиография работ по армяноведению, грузиноведению и кавказоведению вообще издана Л. М. Меликсет-Бекем (Тбилиси, 1959, 89 стр.).

¹⁵⁸ В. К. Чалоян. Естественные-научные воззрения Анания Ширакаци. ВВ, XII, 1957, стр. 156—172.

¹⁵⁹ А. Г. Абрамян. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван, 1959, 106 стр.

¹⁶⁰ Г. М. Ахмедов. Из истории некоторых городов Азербайджана IX—XIII вв. «Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР», 13, 1958, стр. 108—129; Е. А. Пахомов. Роль нумизматического материала в деле изучения истории. Материалы по истории Азербайджана. «Труды музея истории Азербайджана», III, 1960, стр. 129—137; «Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции», I, отв. ред. А. А. Иессен. МИА, 67, 1959, 454 стр.; А. А. Иессен. Работы азербайджанской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, 78, 1960, стр. 99—106; Р. Гусейнов. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960, 181 стр.; Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, VIII. Баку, 1959, 129 стр.; К. В. Тревер. Черки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.—Л., 1959, 392 стр. См. рецензии: В. В. Струве. ВДИ, 1960, 3, стр. 174—183; Р. А. Беляевская. Там же, стр. 183—187; Н. Ю. Ломоур. Там же, стр. 187—191.

¹⁶¹ П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспию по го-

за¹⁶², за немногими исключениями, — новое явление, точнее говоря — явление последнего десятилетия. В результате новейших археологических исследований, масштабы которых все более возрастают, обнаружено довольно значительное количество византийских предметов и монет (или изделий с явными следами византийского влияния) в разных областях Кавказа. Прибрежные византийские города на Черноморском побережье Кавказа (например Севастополь) вели торговлю с народами, населявшими Северный и Центральный Кавказ, — торговлю, которой не могли воспрепятствовать трудности передвижения по горной стране. Через Кавказ осуществлялись также торговые связи Руси с Византией и Ираном, а затем — и с Арабским халифатом. Данные археологии свидетельствуют о гораздо более широкой сфере распространения византийской культуры, чем это было принято думать. Новые археологические открытия привлекли внимание историков, которые, используя также материал письменных источников, разработали отдельные аспекты кавказских связей Византии за пределами Армении и Грузии. Например, по-новому была освещена проблема связей хуррамитов с Византией в 833—837 гг. во время восстания Бабека, был изучен также вопрос о расселении хуррамитов во главе с Феофобом на землях Византии¹⁶³.

Археологические материалы свидетельствуют о связях Византии и с народами Средней Азии: среди найденных в Самарканде и других местах Средней Азии монет и вещей встречаются монеты и изделия византийского происхождения, а также предметы, обнаруживающие следы византийского и даже коптского влияния¹⁶⁴.

В последние годы наибольшее внимание среднеазиатских ученых привлекла, однако, проблема политических отношений Византии и Средней Азии при Тимуре, в начале XV в. Сохранилось письмо (в итальянском переводе) Тимура Иоанну Палеологу (регенту во время путешествия императора Мануила Палеолога на Запад) от 15 мая 1402 г. Анализ этого документа и сопоставлению его с данными византийских авторов было посвящено несколько работ И. И. Умнякова¹⁶⁵.

рам Центрального Кавказа. «УЗ Кабардино-Балкарского научно-исслед. ин-та», XVI, 1959, стр. 197—219; Ш. Б. Н о г м о в. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958, 239 стр. (см. предисловие); Д. М. А т а е в. Христианские древности Аварии. «УЗ Дагестанского филиала АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы», 4, 1958, стр. 161—182; З. Н. В а н е е в. Средневековая Алания, 1959, 184 стр.

¹⁶² Е. И. К р у п н о в. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, 78, 1960, стр. 107—118; В. А. К у з н е ц о в. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 97—118; Е. Г. П ч е л и н а. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960, стр. 298—302.

¹⁶³ М. Б у н и я т о в. Бабек и Византия. «Доклады АН Азерб. ССР», XV, 1959, № 7, стр. 613—616.

¹⁶⁴ В. А. Ш и ш к и н. К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М. — Л., 1959, стр. 20—27; Б. Я. С т а в и с с к и й. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 108—118; е г о ж е. «Ампула св. Мины» из Самарканда. КСИИМК, 80, 1960, стр. 101—102.

¹⁶⁵ И. И. У м н я к о в. Международные отношения Средней Азии в начале XV в. Сношения Тимура с Византией и Францией. «Труды Узбекского гос. ун-та им. Алишера Навои», новая серия, 61, 1956, стр. 179—200; е г о ж е. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в. «Известия АН Узб. ССР», серия обществ. наук, 1960, № 1, стр. 27—33; е г о ж е. Из истории международных отношений Средней Азии и Западной Европы в начале XV в. «XV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 11 стр.; е г о ж е. Малоизвестный французский источник о Тимуре. «Труды Самаркандского ун-та», 101, 1960, 1, стр. 179—199.

Следует заметить, что изучению отношений Византии с народами Кавказа и Средней Азии еще не уделяется того внимания, какого они заслуживают. Исследования последних лет показали, что роль Кавказа в отношениях Руси с Византией и странами Востока была гораздо более значительной, чем это признавалось в науке до сего времени. Совместные усилия византинистов кавказских республик и византиноведов Российской Федерации и Украины могли бы привести к значительным успехам в выяснении важнейших явлений и событий истории Руси и других народов нашей Родины в IV—XV вв.

СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Одной из важнейших проблем, разрабатываемых советскими византинистами, являются византийско-славянские отношения. Подавляющее большинство письменных источников о восточных и южных славянах имеет византийское происхождение, и изучение истории славян до X в. во многом представляет собой изучение византийско-славянских отношений.

В течение последних десятилетий в науке было накоплено много новых фактов, огромный археологический, нумизматический и эпиграфический материал, обнаружены новые письменные свидетельства, введены в научный оборот забытые и малоизученные памятники. Обобщение этого материала и оценка его на новой стадии развития исторической науки стали настоятельной необходимостью.

В 1956—1960 гг. вышло значительное количество работ советских ученых, посвященных в той или иной мере указанной теме. Работы, опубликованные в 1956—1957 гг., вошли в обзор, написанный К. В. Хвостовой¹⁶⁶, а также в обзор В. Т. Сиротенко, доведенный до 1958 г.¹⁶⁷, и отчасти — в обзор В. Д. Королюка и И. А. Хренова¹⁶⁸. Упомянем некоторые из них. В 1956 г. была опубликована критическая статья З. В. Удальцовой¹⁶⁹, посвященная анализу и оценке послевоенной болгарской историографии. Статья касалась принципиальных вопросов становления болгарской марксистской медиевистики.

В статье об антах и склавенах в VI в.¹⁷⁰ Е. Ч. Скржинская подвергла анализу ранние сообщения о них Иордана, Прокопия, Менаандра и других авторов, дав новое освещение вопроса о границах расселения обоих племен, об их проникновении на территорию империи и об антском племенном союзе близ Нижнего Днепра (под предводительством вождя Божа).

Ряд статей был посвящен разбору и сопоставлению письменных, преимущественно византийских, свидетельств о восточных славянах с новейшими данными археологии¹⁷¹.

¹⁶⁶ К. В. Х в о с т о в а. История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе. 1950—1957 гг. ВВ, XV, 1959, стр. 185—195.

¹⁶⁷ В. Т. С и р о т е н к о. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке. «УЗ Пермского гос. ун-та», XII, 4, 1959, стр. 98—111.

¹⁶⁸ В. Д. К о р о л ю к, И. А. Х р е н о в. Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945—1959). ВИ, 1960, № 6, стр. 117—135.

¹⁶⁹ З. В. У д а л ь ц о в а. Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953). ВВ, VIII, 1956, стр. 344—365.

¹⁷⁰ Е. Ч. С к р ж и н с к а я. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне. ВВ, XII, 1957, стр. 3—30.

¹⁷¹ А. М. Р е м е н н и к о в. Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 266—275; И. И. Л я п у ш к и н. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА, 74, 1958, 328 стр.; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 3, стр. 114—129; «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ, 1957

В статье о македонских славянах конца IX — начала X в. Р. А. Наследова установила, что сагудаты, другувиты и стримонцы — славянские племена, расселившиеся еще в VI в. в окрестностях Фессалоники, сохранили известную автономию и самостоятельность в отношении с византийскими властями. Славянское население прилегающих к городу районов представляло собой значительную воинскую силу: из него составлялись многочисленные отряды искусных стрелков-лучников. Трудом этих славянских поселенцев жители Фессалоники обеспечивались хлебом; славяне же поставляли сырье для городского ремесла (обработки металлов), а также содействовали фессалоникийско-болгарской торговле¹⁷².

Г. Г. Литаврин исследовал налоговую политику в завоеванной Византией Болгарии между 1018 и 1185 гг. Он показал, что изменения в налоговой политике были тесно связаны с переменами в экономических и политических условиях жизни империи, а также с важнейшими событиями классовой борьбы¹⁷³.

П. О. Карышковский изучал восстание Ивайла в Болгарии в 1277—1280 гг. Автору удалось доказать, что это восстание носило характер крестьянской антифеодальной войны, которую можно сравнить лишь с такими народными движениями, как восстание Дольчино, Уота Тайлера и Жакерия. Византийская политика в отношении Болгарии носила в этот период, как показывает автор, захватнический, агрессивный характер, что объективно ослабляло положение и Болгарии и самой Византии в эпоху татарского нашествия на Балканы¹⁷⁴.

Аграрные отношения в Сербии XIII—XIV вв. рассматривались в работах С. П. Бобровой¹⁷⁵ и Л. А. Шаферовой¹⁷⁶. Исследуя проблемы феодальной собственности в Сербии, положение различных категорий зависимого крестьянства, уровень сельскохозяйственной техники, особенности условного землевладения и свободной сельской общины, авторы отметили сходство некоторых сербских институтов с византийскими.

Из работ, посвященных истории Болгарии VI—X вв., следует назвать статью А. П. Каждана¹⁷⁷. Изучив послания константинопольского патриарха болгарскому царю Симеону и «Житие Василия Нового», он уточнил дату начала второй войны Болгарии с Византией, отнеся ее к концу 912 г.

Специально византийско-славянские отношения рассматриваются в «Очерках по истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина (изданных в помощь учителю в 1958 г.)¹⁷⁸.

первые главы); Б. А. Рыбаков. Славяне и Византия в VI в. «Очерки истории СССР. III—IX вв.» М., 1958, стр. 99—111.

¹⁷² Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. ВВ, XI, 1956, стр. 82—97.

¹⁷³ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 81—110.

¹⁷⁴ П. О. Карышковский. Восстание Ивайла. ВВ, XIII, 1958, стр. 107—135.

¹⁷⁵ С. П. Боброва. Феодальное землевладение в Сербии в XII — первой половине XIV в. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1956, 17 стр.; е е ж е. К вопросу об условном землевладении в Сербии. «Славянский сборник», I. Выпуск исторический. Воронеж, 1958, стр. 13—22.

¹⁷⁶ Л. А. Шаферова. Сербское крестьянство в XIII в. и в первой половине XIV в. «УЗ Красноярского пед. ин-та», 9, вып. I, 1957, стр. 215—236.

¹⁷⁷ П. А. Каждан. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне. «Славянский архив». М., 1959, стр. 23—29.

¹⁷⁸ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки по истории Византии и южных славян. Учпедгиз, 1958, 325 стр. См. рецензии: М. А. Заборов. «Вестник мировой культуры» 1959, № 3; его же. РСИС, 32, 1961; Г. Кроунц. «Studii revistă de istorie», anue XII, № 3, 1959; Д. Ангелов. ВВ, XVII, 1960; Э. Франчес. С. А. BS, vol. 22, 2, 1961. См. также: «История южных и западных славян». Под ред. С. А. Никитина. М., 1957; «Очерки истории южных и западных славян». Пособие для учителей, под ред. С. М. Стецкевича. Л., 1957.

Социально-экономический и политический строй города Сплита и отдельные эпизоды классовой борьбы в нем рассматривались в нескольких статьях А. Е. Москаленко¹⁷⁹. Аграрные отношения в Хорватии в XV—XVI вв. явились предметом исследований Ю. В. Бромлея¹⁸⁰.

Болгарско-византийские отношения XI—XII вв. были подвергнуты всестороннему изучению в монографии Г. Г. Литаврина¹⁸¹. В первой главе («Аграрные отношения в Болгарии XI—XII вв.»)¹⁸², привлекая почти исчерпывающий материал источников и литературы, автор исследует такие вопросы, как уровень развития производительных сил в Болгарии, положение свободного общинного крестьянства, рост крупного феодального землевладения (церковно-монастырского и светского, местного — болгарского и иноземного — византийского), структура и особенности феодальной вотчины XI—XII вв., категории зависимого населения, виды и размеры феодальной ренты, формы внеэкономического принуждения. Автор приходит к выводу о неравномерности развития Западной и Северо-Восточной Болгарии: до конца XI в. вторая по своему социально-экономическому уровню опережала первую; в конце XI—XII в. в Западной Болгарии получило большое развитие крупное землевладение византийских феодалов; с этого времени ее социально-экономический уровень становится выше, чем в Северо-Восточной Болгарии. Г. Г. Литаврин пытается также проследить, как эти особенности экономической жизни Болгарии отражались на ходе ее политической истории в XI—XII вв. В целом, по мнению автора, господство византийских феодалов оказало замедляющее влияние на темпы развития экономики завоеванной страны.

Во второй главе¹⁸³ исследуется до сих пор привлекавшая мало внимания проблема организации светской и церковной власти в период иноземного господства. Автор рассматривает систему управления, административное деление Болгарии, структуру византийского чиновничьего аппарата, компетенцию должностных лиц (военных и гражданских), виды византийских налогов и повинностей, а также организацию церкви в Болгарии, состав духовенства, его доходы и отношения с местным населением. По мнению Г. Г. Литаврина, Болгария была лишена каких бы то ни было прав автономии и являлась византийской провинцией, где налоговый гнет и произвол чиновничества приобрел особенно уродливые формы, а господство иноземных феодалов и духовенства отрицательно сказалось на уровне культурного развития населения.

Третья глава¹⁸⁴ посвящена народно-освободительной и антифеодальной борьбе болгарского народа.

В последние годы в советском византиноведении слабо разрабатывались проблемы отношений Византии с Сербией, Хорватией и Боснией. Почти не затрагивался вопрос о болгаро-византийских связях до X в.; совсем не изучались византийско-славянские и византийско-албанские отношения X—XV вв. Недостаточно внимания уделялось совместной борьбе греческого, славянского и албанского народов против турецкого завоевания.

¹⁷⁹ А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. (Из истории средневековых городов Далмации). Автореферат. КСИС, 19, 1956; е г о ж е. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. ВВ, XIII 1958, стр. 136—164; е г о ж е. Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в. «Славянский сборник», I. Выпуск исторический. Воронеж. 1958, стр. 31—41.

¹⁸⁰ Ю. В. Бромлей. Из истории аграрных отношений в Хорватии второй половины XV — XVI в. ВВ, XI, 1956, стр. 225—246; ВВ, XII, 1957, стр. 117—133.

¹⁸¹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, 465 стр.

¹⁸² Там же, стр. 11—248.

¹⁸³ Там же, стр. 249—375.

¹⁸⁴ Там же, стр. 376—465.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВИЗАНТИИ С ЗАПАДОМ

Изучение этой проблемы в советском византиноведении концентрируется преимущественно вокруг трех хронологически достаточно четко ограниченных периодов: эпоха варварских вторжений и попыток Византии вернуть утраченные земли, упрочить там свое господство (V—VI вв.); время крестовых походов; период Латинской империи.

Исключение составляет большая коллективная статья А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина и З. В. Удальцовой, направленная против буржуазных теорий, касающихся отношений Византии и Запада в целом: она трактует вопросы истории Византии на протяжении тысячелетия¹⁸⁵. Авторы на материале источников опровергают реакционную теорию извечной «противоположности консервативного Востока прогрессивному Западу», показывая политическую направленность этой теории, усиленно развиваемой в реакционном западном византиноведении.

Острой критике в советской историографии были подвергнуты также доклады западных византинистов на тему «Византия и Запад», прочитанные на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г.¹⁸⁶

Борьбе Восточноримской империи с «варварами» посвящены преимущественно статьи З. В. Удальцовой¹⁸⁷ и вторая часть ее монографии «Италия и Византия в VI в.»¹⁸⁸, в которых рассмотрены отношения Византии и населявших Италию народов (прежде всего остготов и римлян).

Со времени начала войн Юстиниана и завоевания им Италии в Остготском королевстве, как показывает З. В. Удальцова, чрезвычайно осложнилась политическая борьба внутри господствующего класса. Успехи византийцев в первый период войны в значительной степени объяснялись помощью византийским войскам со стороны римской и итальянской аристократии, а также высшего католического духовенства. Немалую роль сыграло и наличие острых противоречий между остготской военной знатью, отстаивавшей независимость королевства, и партией сторонников сближения с римской аристократией и Византийской империей. Завоеватели-византийцы, явившиеся в Италию в качестве ее «освободителей», оказались не менее жестокими угнетателями народных масс, чем остготы Теодориха. Более того, гнет империи вскоре стал еще более тяжелым, чем тот, который население испытывало до завоевания. Реставрация рабовладельческих порядков, реакционная политика Юстиниана, наступление на мелкое крестьянское хозяйство — все это замедляло развитие феодализма в Италии, ухудшало положение трудового населения и мешало политическому объединению страны.

¹⁸⁵ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 381—447.

¹⁸⁶ Р. А. Наследова, М. А. Заборов. Византия и Запад в «Трудах» X Международного конгресса историков в Риме. ВВ, XI, 1956, стр. 330—339; М. А. Заборов. История крестовых походов в «Докладах» X Международного конгресса историков в Риме. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 396—404.

¹⁸⁷ З. В. Удальцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, IX, 1956, стр. 78—116; е е ж е. К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, XI, 1956, стр. 29—54; е е ж е. Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы. ВВ, XIII, 1958, стр. 9—27; е е ж е. Политический строй и политическая борьба в Италии в конце V — начале VI в. ВВ, XV, 1959, стр. 3—32; е е ж е. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, № 3, 1958, стр. 21—59; е е ж е. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 39—54; е е ж е. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии. СА, XXVIII, 1958, стр. 317—332.

¹⁸⁸ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 236—522.

Период «варварских» нашествий в Европу исследовала Е. Ч. Скржинская в своих статьях и в комментарии к сочинениям Олимпиодора¹⁸⁹ и Иордана¹⁹⁰. Изучая «Историю» Олимпиодора, она рассмотрела ранний период борьбы между «варварами» и империей, в частности вопрос о варваризации ее армии и о столкновениях проримской и проварварской «партий». Анализируя же произведения Иордана «Гетика» и параллельно с этим труды других авторов V—VI вв., Е. Ч. Скржинская рассмотрела в целом «эпоху переселения народов» и связанные с нею общественные сдвиги. Во вступительной статье к «Гетике» она исследовала историческую обстановку, создавшуюся в Остготском королевстве накануне византийского завоевания Италии, когда Иордан в 534 г. — вероятнее всего, в Равенне — и написал свой труд. Как показала исследовательница, по своему материалу эта работа базировалась на сочинении Кассиодора, но была проникнута новой политической тенденцией, носителями которой являлись представители италийской знати и готы, придерживавшиеся провизантийской ориентации.

Византийским завоеваниям в Испании посвящена статья А. Р. Корсунского¹⁹¹.

О втором, «крестоносном», периоде византийско-западных отношений писали в истекшее пятилетие Б. Т. Горянов, О. Г. Чайковская, Н. П. Соколов и особенно М. А. Заборов. Проблемы этого периода разрабатывались на Западе в тенденциозном, «антивизантийском» направлении. Поэтому работы советских историков на данную тему носят особенно острый polemический характер.

О. Г. Чайковская, исследуя вопрос о причинах возвышения папства в XI в., отметила антивизантийскую направленность деятельности папы Льва IX, указав, что это была общая тенденция политики папства, определившейся к середине столетия¹⁹².

Б. Т. Горянов посвятил свою статью¹⁹³ изучению общественно-политического строя Латинской империи. Автор попытался выявить сходство и различие византийских и западных институтов и учреждений на завоеванных крестоносцами землях Византии.

Возвышение Венеции и историю ее торгового и политического преобладания в пределах бывших византийских владений проследил Н. П. Соколов¹⁹⁴.

Об экономической жизни и политическом положении итальянских колоний в Причерноморье писали И. А. Гольдшмидт¹⁹⁵, В. Л. Богород-

¹⁸⁹ Е. Ч. Скржинская. «История» Олимпиодора. ВВ, VIII, 1956, стр. 223—276.

¹⁹⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинский. «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». М., 1960, 435 стр.

¹⁹¹ А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв. ВВ, XII, 1957, стр. 31—46.

¹⁹² О. Г. Чайковская. Проблемы возвышения папства в XI в. (К вопросу о консолидации антинародных сил в Италии). «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 47—74.

¹⁹³ Б. Т. Горянов. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи. ВВ, XIV, 1958, стр. 85—97.

¹⁹⁴ Н. П. Соколов. Венеция и Византия при первых Палеологах. ВВ, XII, 1957, стр. 75—96; е го ж е. Возникновение «адриатического вопроса». «УЗ Горьковского гос. ун-та», 43, 1957, стр. 89—108; е го ж е. Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными итальянскими республиками в XII и XIII вв. «УЗ Горьковского гос. ун-та», 46, серия историко-филологическая, 1959, стр. 53—81; е го ж е. Народное-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества. Там же, стр. 31—51.

¹⁹⁵ И. А. Гольдшмидт. Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв. «Средние века», вып. X, 1957, стр. 195—205.

ский¹⁹⁶, А. М. Чиперис¹⁹⁷, Е. Ч. Скржинская¹⁹⁸ и М. К. Старокадомская¹⁹⁹.

Аграрные отношения в Южной Италии в IX—XI вв. продолжала изучать М. Л. Абрамсон²⁰⁰.

С. М. Стам рассматривает в своей работе учение Иоахима Калабрийского как одно из наиболее ранних проявлений крестьянско-плебейской ереси. Господство Византии в Южной Италии, по мнению С. М. Стама, тормозило развитие феодальных отношений²⁰¹.

Особенно острой в политическом отношении темой являются в настоящее время крестовые походы, историей которых занимается М. А. Заборов, издавший много статей и две книги, посвященные этой теме²⁰². Крестовые походы были, по его мнению, следствием целого комплекса причин, обусловленных особенностями социально-экономического и политического развития средневековой Европы. М. А. Заборов показал, каким образом идея крестовых походов вызревала в разных слоях западноевропейского общества и почему именно папство с самого начала выступило инициатором и вдохновителем этих агрессивных предприятий. Автор считает глубоко ошибочным представление о якобы цивилизующей роли крестовых походов: сами по себе они отнюдь не являлись средством культурного обмена между Востоком и Западом, а скорее напротив — служили препятствием на пути этого обмена. Автор раскрыл грабительский, захватнический характер крестовых походов, выявил реакционную, своекорыстную роль католической церкви, показал тяжелые последствия рыцарских предприятий для широких народных масс как Востока, так и Запада. Вместе с тем М. А. Заборов разоблачил ту фальсификацию, которой подвергаются события крестоносного движения в реакционной буржуазной историографии Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Надо, впрочем, сказать, что проблема культурных и политических отношений Византии и Запада разрабатывается еще недостаточно. Мало

¹⁹⁶ В. Л. Богородский. Термин «мачта» и его синонимы. «УЗ Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 144, 1958, стр. 191—220.

¹⁹⁷ А. М. Чиперис. Борьба народов юго-востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50—70-х годах XV в. «УЗ Турименского гос. ун-та», XVII, 1960, стр. 131—155.

¹⁹⁸ Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175.

¹⁹⁹ М. К. Старокадомская. Русское торговое население генуэзской Каффы. Там же, стр. 147—154.

²⁰⁰ М. Л. Абрамсон. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.). «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 3—46.

²⁰¹ С. М. Стам. Учение Иоахима Калабрийского. ВИА, 7, 1959, стр. 328—360.

²⁰² М. А. Заборов. В. Николаев. Хроника на Жофродо Вилардуен. Завладяването на Цариград. София, 1947. КСИС, 19, 1956, стр. 102—112; е го ж е. Некоторые вопросы истории Четвертого крестового похода и международных отношений на Балканах начала XIII в. в работах болгарского историка Б. Примова. «Средние века», вып. XI, 1958, стр. 151—161; е го ж е. Византийская политика папства и начало крестовых походов. «Средние века», вып. XIV, 1959, стр. 27—48; е го ж е. Рецензия на кн.: Günther von Paris. Die Geschichte der Eroberung von Konstantinopel. Weimar, 1956. ВВ, XIII, 1958, стр. 300—302; е го ж е. Новое в изучении крестовых походов в зарубежной историографии. ВВ, XIV, 1958, стр. 298—313; е го ж е. Рецензия на кн.: A History of the Crusades, vol. I. Philadelphia, 1955. ВВ, XVII, 1960, стр. 263—273; е го ж е. Крестовые походы. М., 1956, 278 стр. (Рецензии: О. Г. Чайковская. ВВ, XIV, 1959, стр. 262—271; М. М. Фрейденберг. «Преподавание истории в школе», 1959, № 2, стр. 116—120; С. А. Асиновская. «Средние века», вып. XII, 1958, стр. 113—117; см. также «Rassegna Sovietica». Roma, 1958, № 5, p. 96—97; «Wojskowy przeglad historyczny». Warszawa, 1958, t. 3, № 2, str. 396); е го ж е. Папство и крестовые походы. М., 1960, 264 стр. (см. рец.: G. L. Huda. «Kwartalnik historyczny», 1962, № 1, str. 94—98; Г. Г. Литаврин. ВИ, 1962, № 12, стр. 142—144).

исследуются взаимоотношения католической и православной церквей, византийская политика папства на всем протяжении истории империи, а также взаимосвязи и взаимовлияния итальянского и византийского гуманизма.

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК

Существенное место в работе византинистов занимают вопросы взаимоотношений Византии со странами и народами Востока, прежде всего — с арабами, Ираном, Египтом, турками и т. д. За рассматриваемое пятилетие вышли в свет статьи Н. В. Пигулевской, а также ряда других авторов²⁰³, посвященные этим сюжетам (мы не касаемся здесь работ об отношениях Византии с Арменией и Грузией, о чем было сказано выше). Внимательное изучение источников восточного происхождения позволяет значительно расширить и уточнить наши представления о роли восточных связей и влияний в истории Византии. Интерес византинистов к восточновизантийским связям в настоящее время углубляется. Восточные черты в структуре и культуре византийского общества выявляются в исследованиях специалистов все более отчетливо.

В августе 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов на заседаниях секции византиноведения и смежных дисциплин советские византинисты прочитали несколько докладов, посвященных отношениям Византии со странами и народами Востока. Н. В. Пигулевская рассмотрела некоторые аспекты византийско-арабских отношений в IV в. В основу своего исследования она положила малоизученный памятник — арабскую надпись-эпитафию (из Немеры), написанную набатейским алфавитом. Автор подверг этот памятник всестороннему анализу и пришел к выводам, представляющим интерес не только для византинистов, но и для арабистов и иранистов. По мнению Н. В. Пигулевской, арабские племена в IV в. служили своеобразным буфером между Восточноримской империей и Ираном, причем каждая из сторон старалась усилить свое влияние на арабов.

²⁰³ Н. В. Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. «УЗ Ин-та востоковедения», т. XVI, 1958, стр. 5—30; е е ж е. История Мар Ябалахи и Саумы. ПС, 2, 1956, стр. 97—108; е е ж е. Каталог сирийских рукописей. ПС, 6, 1960, 230 стр.; е е ж е. Сирийская легенда об Александре Македонском. ПС, 3, 1958, стр. 75—97; е е ж е. Археология сирийской деревни. Там же, стр. 220—223; е е ж е. Эдесская хроника. ПС, 4, 1959, стр. 79—98; е е ж е. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. ВВ, X, 1956, стр. 3—8; «История стран зарубежного Востока в средние века», под ред. Ф. М. Ацамба, Е. А. Беляева, И. М. Рейснера, Л. В. Симоновской. Изд. МГУ, 1957, 372 стр.; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Я. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до XVIII в. Л., 1958, 390 стр.; Г. Г. Дилгенский. Аграрные отношения в Вандальском королевстве. ВВ, XI, 1956, стр. 5—28; И. П. Петрушевский. Виноградарство и виноделие в Иране в XIII—XV вв. ВВ, XI, 1956, стр. 163—176; П. В. Эрнстедт. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах. ВВ, XII, 1957, стр. 218—231; А. Л. Вильчевский. Хронограммы Хакани. «Эпиграфика Востока», XIII, 1960, стр. 59—68; С. А. Кауфман. Арабы в Сирии до ислама. ВДИ, 1958, № 2, стр. 209—221; е е ж е. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии. ВДИ, 1960, № 4, стр. 170—183; Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 9. См. также И. Ю. Крачковский. Избранные произведения, т. I—VI. М.—Л., 1955—1960; В. В. Матвеев. Н. А. Медников и изучение договора Омара ибн-ал-Хаттаба с христианами Палестины и Сирии. ПС, 4, 1959, стр. 186—195; Ю. А. Солодухо. К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э. «УЗ Ин-та востоковедения», т. XIV, 1956, стр. 31—90; М. Чурakov. Завоевание Северной Африки арабами. ПС, 3, 1958, стр. 107—125; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, 492 стр.

В IV в., как полагает автор, лишь намечаются основные линии политики Византийской и Персидской империй по отношению к арабам — политики, осуществленной в V и VI вв.²⁰⁴

На одном из заседаний секции с докладом «Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма» выступила Е. Э. Липшиц²⁰⁵. Изучение законодательства VI—VIII вв., по ее мнению, показывает, что, хотя основой его оставалось Юстинианово право, законодательные положения VI—VIII вв. отразили «отчетливо выступающий в юридических нормах восточный характер» византийского феодализма на раннем этапе его истории. В дальнейшем эти восточные черты, закрепленные в праве, не только сохранились, но и получили свое развитие в Эклоге, где (например в титулах об эмфитевсисе и рабстве) ясно проявилось взаимодействие римского и восточного права. Развитие феодализма в Византии после VI в. осуществлялось, по мнению Е. Э. Липшиц, в формах, сходных с теми, которые сложились в странах Востока, что нашло выражение прежде всего в сохранении методов централизованной эксплуатации крестьянства, подавляющее большинство которого жило в это время номинально «свободными» сельскими общинами.

Вопросам сходства византийских и восточных форм феодализма был посвящен доклад А. П. Каждана²⁰⁶. Исходя из того, что развитие феодальных отношений в Византии началось и сделало решающие успехи задолго до появления крестоносцев в Византии и независимо от них, т. е. представляло собой процесс внутреннего характера, автор говорит о своеобразии форм феодальной собственности в Византии и их отличии от западных. Автор рассматривает четыре основные формы условной собственности в Византии: пожалование на срок жизни, харистикий, прония и арифмос. Вывод автора: условная собственность в Византии имела форму государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества людей, при этом государство стремилось строго контролировать самые условия передачи. Эта особенность византийской условной собственности, в разной степени присущая всем четырем ее формам, но прежде всего пронии и арифмосу, сближает ее с мусульманской икта.

С докладом о некоторых вопросах происхождения димов на конгрессе выступил Г. Л. Курбатов²⁰⁷. Он отрицает преемственность византийских димов и античных демов, считая димы V—VI вв. явлением, возникшим в результате развития социальной и политической жизни восточноримского города в IV в. Опираясь на данные Либания, Г. Л. Курбатов показывает, что термин «демос» употреблялся этим автором только в значении народонаселения города в целом и лишь в конце IV в., когда это единство исчезло, появляются *δημοί* группировки-партии, на которые распался ранее политически целостный *δήμος*.

Доклад Р. М. Бартикяна был посвящен анализу завещания Евстафия Воилы²⁰⁸. Автор внес некоторые поправки к изданному тексту памятника

²⁰⁴ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в., стр. 1—9.

²⁰⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 16 стр.

²⁰⁶ А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии X—XII вв. Там же, 9 стр.

²⁰⁷ Г. Л. Курбатов. Термин *δημος* в произведениях Либания и вопрос о происхождении византийских димов. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 11 стр.

²⁰⁸ Р. М. Бартикян. О значении завещания Евстафия Воилы (1059) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI в.). Там же, 10 стр.

и локализовал упоминаемые в нем поселения в области Тайк и Клардия в Армении (ранее их помещали в Каппадокии). В связи с новой локализацией памятника и уточнением его текста автор сделал ряд свежих наблюдений относительно политики Византии в ее восточных владениях, о взаимоотношениях местных и византийских феодалов, об отношениях с туземным населением и т. д.

Большой интерес вызвал доклад А. В. Банк²⁰⁹, на новых материалах и в широком плане поставившей проблему соотношения византийского и восточного искусства. Вопреки установившемуся мнению, что в период так называемого «македонского возрождения» процесс «ориентализации» византийского искусства отражал вкусы придворных кругов Константинополя, А. В. Банк на основе опубликованных ею серебряных изделий из собрания Эрмитажа показала, что этот процесс был связан с изменением художественных вкусов широких социальных слоев. А. В. Банк поставила вопрос о постоянном «сосуществовании византийских и восточных элементов» в искусстве византийских провинций; была высказана мысль о том, что в результате «ориентализации» предметов массового производства произошло слияние восточных элементов с византийской основой, что и обусловило «восточный характер» как искусства, так и всех явлений социально-экономической, политической и культурной жизни Византии.

Интересные наблюдения, касающиеся усвоения турками в завоеванных областях империи византийских аграрных институтов и — соответственно — обозначающих их терминов, сделала А. С. Тверитинова²¹⁰.

Особо следует отметить статью В. Д. Кузьминой о значении некоторых русских древних памятников для изучения истории арабов и арабской культуры²¹¹.

Наконец, крупным вкладом в советское востоковедение является публикация П. В. Ериштедта, издавшего коптские тексты Гос. музея изобразительных искусств²¹² и Гос. Эрмитажа²¹³; публикации снабжены переводом и комментарием.

Таким образом, проблемы связей Византии и Востока привлекали к себе в последние пять лет пристальное внимание специалистов. Слабо разработана, однако, тема о взаимодействии византийской и арабской культуры, о взаимном влиянии восточного и византийского права. Почти совсем не изучается вопрос о судьбах населения тех районов Византии, завоевание которых турками началось в XI в. и продолжалось до XV в.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Одним из важных разделов византиноведческой науки являются история византийской литературы и тесно связанные с ней исследования по среднегреческой филологии. За последние годы и в этой специальной от-

²⁰⁹ А. В. Банк. Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI—XII вв. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, 9 стр.

²¹⁰ А. С. Тверитинова. К вопросу о домициальном землевладении феодалов-леников в Османской империи в XV—XVI вв. КСИВ; XXXVIII, 1960, стр. 26—29. См. также ее же. Обзор журнала турецкого исторического общества «Belleten», т. XX—XXI, вып. 77—84, 1956—1957. СВ, 1958, № 6, стр. 128—140.

²¹¹ В. Д. Кузьмина. Сведения об арабской культуре в Палестине в начале 12 в. по «Хождению» игумена Даниила. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6, стр. 82—87.

²¹² П. В. Ериштедт. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.—Л., 1959, 215 стр.

²¹³ П. В. Ериштедт. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1959, 191 стр. См. его же. Два административных коптских письма арабского времени. ПС. 4, 1959, стр. 5—11.

расли знания наметились положительные сдвиги, хотя необходимо признать, что перед советскими специалистами по византийской литературе и среднегреческой филологии стоит еще немало нерешенных проблем: до сего времени еще не создан сводный обобщающий курс истории византийской литературы, содержащий анализ основных этапов ее развития в связи с эволюцией общественных отношений и политических идей в Византийской империи на всем протяжении ее существования. Вопросы византийской литературы и источниковедения пока были лишь вкратце затронуты в отдельных общих курсах по истории литературы, созданных советскими литературоведами. Отметим здесь III том «Истории греческой литературы», где дается удачная характеристика греческой ораторской прозы и поэзии V в., а также приводятся краткие сведения о византийской эпиграмме²¹⁴. Краткий обзор ранневизантийской литературы содержится в книге С. И. Радцига; правда, отдельные характеристики там (например Синесия, Василия Кесарийского) нуждаются в уточнениях²¹⁵. Еще более сжато характеризуется литература V—VI вв. в книге И. М. Тронского²¹⁶. Переводы отрывков из некоторых греческих авторов IV в. содержатся в недавно вышедшей антологии; здесь же, во вступительной статье (С. В. Поляковой), дана их краткая характеристика²¹⁷.

Написанные Е. Э. Гранстрем главы об источниках по истории Византии в книге А. Д. Люблинской²¹⁸ представляют собой первый опыт подобного рода в русском и советском византиноведении. Несмотря на то, что автор был весьма ограничен объемом, ему удалось достаточно полно охарактеризовать важнейшие письменные источники — исторические произведения, документы, памятники законодательства, агиографии, различные трактаты, словари, письма, художественную литературу. Особое внимание уделено сведениям византийских авторов о славянских народах; специально выделяются данные источников о классовой борьбе. Несмотря на отдельные неточности, труд Е. Э. Гранстрем представляет значительный интерес для всех изучающих историю Византии.

Из других общих курсов, в том или ином аспекте касающихся византийской литературы, назовем «Историю древней русской литературы» Н. К. Гудзия²¹⁹ и «Историю русской литературы» в трех томах²²⁰, где затрагиваются преимущественно проблемы русско-византийских литературных связей.

В апреле 1957 г. на Берлинской конференции по вопросам византийской и новогреческой литературы был прочитан доклад З. В. Удальцовой «Основные проблемы изучения византийской литературы в советской исторической науке и задачи сборника „Византийский временник“». В докладе были намечены главные этапы изучения в нашей науке византийской литературы, а также охарактеризованы наиболее значительные труды советских ученых в этой области²²¹. Несколько больше сделано советскими

²¹⁴ «История греческой литературы», т. III. М., 1960, гл. VI, VIII, XIV (авторы — Ф. А. Петровский и М. Е. Грабарь-Пассек).

²¹⁵ С. И. Радциг. История древнегреческой литературы. Изд. 2-е. М., 1959, гл. XX.

²¹⁶ И. М. Тронский. История античной литературы. Изд. 3-е. Л., 1957, стр. 207, 468 сл.

²¹⁷ «Поздняя греческая проза». М., 1960, 695 стр.

²¹⁸ А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, гл. I, VI, XVIII.

²¹⁹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. 6-е изд. М., 1956, стр. 511.

²²⁰ «История русской литературы в трех томах», т. I. М.—Л., 1958, гл. I (автор — Д. С. Лихачев).

²²¹ Z. V. Udalzo va. Das Studium der byzantinischen Literaturgeschichte in der UdSSR. «Berliner byzantinistische Arbeiten», Bd. XIV, 1959, S. 3—20.

учеными в сфере монографического исследования жизни и творчества отдельных наиболее выдающихся представителей византийской литературы.

В последние годы советские ученые опубликовали работы, посвященные анализу различных памятников византийской литературы. Большинству этих исследований свойствен источниковедческий характер: подходу к изучению того или иного текста, подчас давно уже введенного в научный оборот, советские византилисты пытаются выявить все то новое, что даёт этот текст для лучшего понимания социальной, политической и культурной жизни византийского общества, для характеристики мировоззрения его автора, выявления той социальной среды, в которой было создано то или иное произведение.

На материале «Лавсаика» Палладия и произведений Василия Великого С. В. Полякова показала наиболее характерные особенности ранневизантийской церковной идеологии IV в. Памятники эти, в частности, дают представление об отрицательном отношении монахов к производительному труду, живо рисуют картину паразитической жизни византийского монашества того времени²²².

Работа покойного профессора М. В. Левченко является непосредственным продолжением его исследования трудов византийского ритора и политического деятеля конца IV — начала V в. Синесия Киренского²²³. На основании детального знакомства с обширной перепиской Синесия, относящейся к различным периодам его жизни и деятельности, автор рисует положение окраинной провинции Восточной Римской империи Пентаполя в период кризиса рабовладельческой системы и борьбы с постоянными набегами варваров. Заслугой М. В. Левченко было то, что он из груды разнообразного бытового, биографического, культурно-исторического материала, которым изобилуют письма Синесия, сумел извлечь наиболее важные для историка сведения, характеризующие жизнь не только высшей пентапольской знати, к которой принадлежал Синесий, но и драгоценные известия об экономике, социально-политической борьбе и положении народных масс этой провинции (см. выше). Это исследование вносит ряд новых моментов в оценку мировоззрения Синесия и его политической деятельности как представителя высшей рабовладельческой знати — курiales Пентаполя. Отказавшись от идеализации Синесия, свойственной буржуазной историографии, М. В. Левченко убедительно показывает социальную направленность его произведений.

Изучением «Дигениса Акрита» как источника по истории Византии занимался А. Я. Сыркин. Им опубликован русский перевод Гротта-Ферратской версии эпоса, а также сопроводительные статьи и комментарии к этому переводу²²⁴. Создание первоначальной редакции памятника А. Я. Сыркин относит к 970—1020 гг. «Дигенис Акрит» представляет собой, по его мнению, народный в своей основе эпос, отразивший, однако, в известных нам версиях отдельные черты феодальной идеологии, в частности идеологии провинциальной военной знати, стремившейся к независимости от центральной власти. В статье об исторической идентификации действующих лиц поэмы автор выявляет реальный исторический фон, на ко-

²²² С. В. Полякова. Ἐγὼ διὰ τὸν χριστὸν τοὺς τοιχοὺς τέρω. (О некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта согласно «Лавсаику» Палладия и сочинениям Василия Великого). ВВ, XIV, 1958, стр. 185—189.

²²³ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синесия. ВВ, IX, 1956, стр. 3—44.

²²⁴ «Дигенис Акрит». Перевод, статьи и комментариев А. Я. Сыркина. М., 1960, стр. 218.

тором протекает действие эпоса²²⁵. А. Я. Сыркину принадлежит также обзор истории научного изучения «Дигениса Акрита»²²⁶.

В. С. Шандровская исследовала анонимное стихотворное произведение, написанное на среднегреческом языке, — византийскую басню XIV в. «Рассказ о четвероногих» (по рукописи 202 Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Ею подробно описана эта рукопись, показано, что она дает для выяснения первоначального текста памятника, отмечены лучшие чтения данной рукописи сравнительно с другими. В. С. Шандровская опубликовала также комментированный перевод «Рассказа о четвероногих» на русский язык²²⁷. В другой статье²²⁸ автор останавливается на особенностях стиля и языка басни, выделяя в ее лексике слова, употребляющиеся в современном греческом разговорном языке и, по-видимому, свидетельствующие о популярности басни в широких кругах читателей. Отмечены некоторые особенности басни, характеризующие ее как сатиру на католическую церковь, порожденную антиуниатскими настроениями и отрицательным отношением к западной церкви представителей так называемого православного направления среди духовенства и византийской интеллигенции XIV в. Одной из причин, вызвавших антилатинские настроения, была, как полагает В. С. Шандровская, постоянная конкуренция торгово-ремесленных кругов Византии с купечеством итальянских торговых республик — Венеции и Генуи; это также могло послужить почвой для возникновения сатиры на католическую церковь, адептами которой были ненавистные для греков венецианцы и генуэзцы. Относительно места создания басни В. С. Шандровская polemизирует с С. Ксантудидисом, настаивавшим на критском происхождении «Рассказа о четвероногих», и полагает, что басня эта сложилась в Византии.

На Берлинской конференции по вопросам византийской и новогреческой литературы (1957 г.) В. С. Шандровская прочитала доклад «Византийские басни в рукописных фондах Ленинграда». На материале басен «Рассказ о фруктах», «Рассказ о птицах», «Рассказ о четвероногих» было показано значение басенной литературы для изучения социальных отношений, классовой борьбы и культуры Византии XIII—XIV вв.

Специальное исследование В. С. Шандровской посвящено характеристике византийской басни как источника для изучения истории ремесла XIV в.²²⁹ Автор выявил в «Рассказе о четвероногих» сведения о кожевенном деле, об изготовлении изделий из шерсти и других видах ремесленного производства в поздней Византии.

В работах Е. Б. Веселаго исследуется важный источник XV в. — «История» Лаоника Халкокондила. Автор показал ценность свидетельств Халкокондила для изучения истории албанского народа, до сих пор совершенно недостаточно разработанной²³⁰. Исследовательница дала литературную характеристику этого памятника, охарактеризовала рукописи «Истории» и отметила ее композиционные и стилистические

²²⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1961, стр. 124—149.

²²⁶ А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960, стр. 203—226. См. также его рецензию на кн.: Digenes Akrites, ed. by Mavrogordato. Oxford, 1956, ВВ, XII, 1957, стр. 340—347.

²²⁷ В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). ВВ, IX, 1956, стр. 211—249.

²²⁸ В. С. Шандровская. Византийская басня «Рассказ о четвероногих» (XIV в.). Художественные особенности и язык памятника. ВВ, X, 1956, стр. 181—194.

²²⁹ В. С. Шандровская. Сведения о ремесле в византийском басенном эпосе XIII—XIV вв. «Исследования по истории культуры народов Востока». М. — Л., 1960, стр. 504—510.

²³⁰ Е. Б. Веселаго. Известия Лаоника Халкокондила об албанцах. ВВ, X, 1956, стр. 133—160.

особенности²³¹. В другой статье Е. Б. Веселаго выдвигает ряд соображений, касающихся биографии Лаоника Халкокондила: так, полемизируя с некоторыми учеными, она ставит под сомнение эмиграцию Халкокондила после турецкого завоевания Византии²³². Совершенно по-новому оценивает Е. Б. Веселаго мировоззрение греческого историка. Категорически выступая против приписываемого ему иногда туркофильства, исследовательница считает Халкокондила греческим патриотом, одним из талантливых представителей византийского гуманизма. Патриотизм Халкокондила, как указывает автор, уживался с резкой критикой правящих кругов Византии, особенно последних Палеологов²³³. В работе Е. Б. Веселаго пересматривается вопрос об отдельных конъектурах текста «Истории» Халкокондила.

Мировоззрение другого византийского историка XV в. — Кривоула — рассматривается в исследовании З. В. Удальцовой²³⁴. Автор показывает, что во взглядах Кривоула отразились противоречия социально-политических отношений того времени. Будучи явным туркофилом и враждебно относясь к венецианцам, он одновременно в какой-то мере сохранил сочувствие к гибнущему византийскому государству и греческой культуре.

Работа Я. Н. Любарского посвящена анализу творчества критского поэта Стефана Сахликиса²³⁵. Автор датирует творчество поэта второй половиной XV — началом XVI в. Он характеризует композицию, стиль, язык стихотворений Сахликиса. Я. Н. Любарский приходит к выводу, что Сахликис в целом дает реалистическое изображение жизни Крита того времени; стихи его, в частности, свидетельствуют о значительной имущественной дифференциации критского общества, о коррупции чиновничества на Крите. Такие особенности творчества Сахликиса, как грубая реалистичность, дидактико-сатирическая направленность, высмеивание духовенства, следование фольклорным традициям, позволяют, по мнению исследователя, сопоставить эти стихи с отдельными памятниками европейской предренессансной литературы.

Как уже указывалось, значительное место в исследованиях советских ученых отводится взаимосвязям древнерусской и византийской литературы. Изучение этого вопроса неизбежно приводит специалистов к рассмотрению отдельных византийских литературных памятников.

В. Д. Кузьмина сделала интересные наблюдения, касающиеся сравнительной стилистики «Дигениса Акрита» и «Девгениева деяния»²³⁶. Наблюдения эти свидетельствуют, по ее мнению, об известной самостоятельности русского переводчика.

Н. А. Мещерский посвятил одну из своих статей русской повести «О взятии Царьграда от фряг»²³⁷. Повесть эта, написанная русским очевидцем событий 1204 г., представляет собой, как показывает исследователь, вполне самобытное произведение и является одновременно ценным источником как по истории Византии начала XIII в., так и по истории

²³¹ Е. Б. Веселаго. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (опыт литературной характеристики). ВВ, XII, 1957, стр. 203—217.

²³² Е. Б. Веселаго. Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде. ВВ, XIV, 1958, стр. 190—199.

²³³ Е. Б. Веселаго. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV века Лаоника Халкокондила. «Вестник МГУ», историч. науки, 1960, № 1, стр. 43—49.

²³⁴ З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Кривоула. ВВ, XII, 1957, стр. 172—197.

²³⁵ Я. Н. Любарский. Критский поэт Стефан Сахликис. ВВ, XVI, 1959, стр. 65—81.

²³⁶ В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния». ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 73—77.

²³⁷ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. ВВ, IX, 1956, стр. 170—185.

Четвертого крестового похода. Вместе с тем эта повесть — свидетельство живого и неиссякаемого интереса, с которым воспринимались на Руси известия о судьбах Византии, связанной с русским государством тесными экономическими, политическими и культурными отношениями. Известие о взятии Царьграда крестоносцами способствовало накануне нашествия монголов развитию патриотизма в передовых слоях русского общества и чувства гордости за свою оставшуюся независимой родину. Сравнительное изучение различных списков повести, сделанное автором, позволило ему не только уточнить ее первоначальный текст, но и прийти к заключению, что повесть «О взятии Царьграда от фряг» — выдающееся произведение древнерусской литературы — была написана в Константинополе современником событий и лишь позднее включена в Новгородскую летопись и в «Еллинский летописец».

Другие исследования Н. А. Мещерского затрагивают вопросы сравнительного анализа греческих и славянских памятников. Опубликовав два до сих пор неизданных фрагмента из славянского перевода Малалы, Н. А. Мещерский показал необходимость тщательного критического переиздания этого перевода, важного, по-видимому, для восстановления первоначального греческого оригинала «Хроники» Малалы²³⁸. Вопрос о русско-византийских литературных связях затронут Н. А. Мещерским и в его исследовании об искусстве перевода в Киевской Руси²³⁹. В этой же связи можно отметить его статью, посвященную древнерусской повести «О Козарине и о жене его»²⁴⁰.

Вопроса о влиянии византийской литературы на древнерусскую неоднократно касался и советский литературовед Н. К. Гудзий. Упомянем здесь его доклад на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г., где докладчик, признавая византийское влияние, отмечал самобытные черты древнерусской культуры²⁴¹.

Ряд исследований наших ученых затрагивает вопросы взаимодействия византийской литературы с литературой восточных соседей Византии, в первую очередь армян, грузин и т. д. Ш. И. Нуцубидзе выдвинул гипотезу, согласно которой автором ряда известных философских трактатов V в. («Об именах божьих», «О мистической теологии» и др.), по традиции приписывавшихся Псевдо-Дионисию Ареопагиту, был грузинский царевич Мурван (424—492), он же — майумский епископ Петр Ивер²⁴². Эта гипотеза вызвала возражения С. И. Данелиа, считающего, что она лишена оснований, не подтверждается ни греческими, ни грузинскими источниками и построена на весьма искусственных соображениях²⁴³.

²³⁸ Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. ВВ, XI, 1956, стр. 179—284.

²³⁹ Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 54—72.

²⁴⁰ Н. А. Мещерский. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. ВВ, XVII, 1960, стр. 57—69.

²⁴¹ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. «IV Международный съезд славистов. Доклады». М., 1958, 66 стр.; ср. его же. Сравнительное изучение литератур в русской дореволюционной и советской науке. «Известия АН СССР. Отд. литературы и яз.», XIX, 1960, вып. 2, стр. 116—127.

²⁴² Ш. И. Нуцубидзе. Петр Ивер и проблемы ареопагитики (после Эрнста Хонигмана). Тбилиси, 1957, 63 стр. Основные положения Ш. И. Нуцубидзе повторены им в его недавно вышедшем капитальном труде «История грузинской философии» (Тбилиси, 1960, 591 стр.).

²⁴³ С. И. Данелиа. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита. ВВ, VIII, 1956, стр. 377—384. Ср. также К. С. Кекелидзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинении Псевдо-Дионисия Ареопагита. «Труды Тбилисского гос. ун-та», 63, 1956, стр. 231—245 (резюме на русском языке).

Ш. И. Нуцубидзе занимался также изучением романа «Варлаам и Иоасаф». По его мнению, роман этот — грузинского происхождения, автором его был грузин Иоанн Мосх (= Месх); он категорически отвергает взгляд Ф. Дэльгера, приписывающего авторство Иоанну Дамаскину²⁴⁴.

Работы Л. М. Меликсет-бека посвящены датировке памятников древнеармянской и древнегрузинской церковной литературы — так называемых Псевдо-Исааковых памфлетов (не позже IX в.)²⁴⁵, «Книге посланий» — важному источнику по истории армяно-византийских отношений в V—VII и IX—X вв., и других²⁴⁶.

В. К. Чалоян в своей статье рассматривает мировоззрение известного древнеармянского ученого Анакия Ширакаци. Автор приходит к выводу, что это был один из прогрессивнейших ученых VII в., оказавший большое влияние на представителей средневековой армянской и византийской науки²⁴⁷.

Изучая христианские литературные памятники раннего средневековья, Г. Ю. Алиев попытался проследить в них истоки распространенной в восточных литературах легенды о Хосрове и Ширин²⁴⁸. По наблюдениям исследователя, известия о Ширин содержатся, в частности, у Феофилакта Симокатты, Евагрия Схоластика и Феофана, называющих Ширин христианкой.

Характерной чертой работ советских исследователей по среднегреческой филологии является интерес к проблемам взаимоотношения среднегреческого языка с языками других народов.

Так, П. В. Ернштедт в своих исследованиях разбирает некоторые коптские²⁴⁹ и персидские²⁵⁰ заимствования в греческом языке. Значительную ценность представляют выполненные П. В. Ернштедтом публикация и комментированный русский перевод коптских текстов. Автор опубликовал 77 коптских папирусов, хранящихся в Государственном Эрмитаже²⁵¹, и 103 коптских текста на папирусе, пергамене, бумаге, черепках и камне из собрания Московского государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина²⁵². По своему содержанию это — правовые документы, личные и деловые письма, распоряжения местной администрации, счетно-хозяйственные записи, тексты религиозно-литературного содержания, фольклорные памятники.

²⁴⁴ Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956, 246 стр.; его же. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф» (Обзор критических замечаний). ВВ, XVII, 1960, стр. 250—257.

²⁴⁵ Л. М. Меликсет-бек. К вопросу о датировке Псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе. ВВ, VIII, 1956, стр. 208—222.

²⁴⁶ Л. М. Меликсет-бек. Graeco-Byzantina в древнеармянском Liber epistoliarum. ВВ, XII, 1957, стр. 263—269; см. его же. Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческих гомилий, связываемых с именем Иоанна Златоуста. ВВ, XVII, 1960, стр. 70—77.

²⁴⁷ В. К. Чалоян. Естественно-научные воззрения Анакия Ширакаци. ВВ, XII, 1957, стр. 156—171.

²⁴⁸ Г. Ю. Алиев. Ранние христианские источники легенды о Хосрове и Ширин. СВ, 1957, № 6, стр. 87—96; ср. его же. Легенда о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока. М., 1960, 170 стр.

²⁴⁹ П. В. Ернштедт. Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе. ВВ, IX, 1956, стр. 154—158; его же. К коптскому тексту романа об Александре. ВВ, X, 1956, стр. 178—180.

²⁵⁰ П. В. Ернштедт. Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах. ВВ, XII, 1957, стр. 218—231.

²⁵¹ П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1959, 192 стр.

²⁵² П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.—Л., 1959, 215 стр.

П. В. Ернштедт дал также описание и публикацию текста двух копто-фаюмских папирусов времени сасанидской оккупации Египта (около 627 г.), хранящихся в ГМИИ. На основании обследования этих папирусов автор пришел к выводу, что пехлевийские папирусы ГМИИ, возможно, также имеют отношение к Фаому, поскольку в коллекции, приобретенной В. С. Голенищевым, оказались греческий и коптский папирусы фаюмского происхождения, относящиеся к периоду персидского господства в Египте. Перу П. В. Ернштедта принадлежит также краткое исследование о греческом происхождении славянского слова «гайтан» — «шнур»²⁵³.

Исследования М. М. Копыленко посвящены языку славянских переводов в сравнении с языком их греческих оригиналов. Наиболее важная статья этой серии представляет результат анализа синтаксиса древнерусского языка по материалам перевода «Хроники» Георгия Амартола. На основании исследования текстов оригинала и славянского перевода автор приходит к выводу о самостоятельном развитии старославянского гипотаксиса. Многочисленные факты, отмечает М. М. Копыленко, дают возможность оценить высокую языковую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника, используя своеобразные средства старославянского синтаксиса²⁵⁴. В другой статье того же автора содержится анализ гипотактических конструкций славяно-русского перевода известного памятника византийской литературы «Александрии» (конец XI — начало XII в.). Автор утверждает, что в области гипотактических конструкций переводчик «Александрии» был менее зависим от греческого оригинала, чем переводчик византийских хроник²⁵⁵. Чисто филологическими изысканиями занимается и Н. А. Мещерский; так, например, в одной из своих статей он останавливается на некоторых греческих заимствованиях, вошедших в словарный состав древнерусского языка²⁵⁶.

За последние годы усилиями ряда советских ученых были опубликованы и переведены наиболее важные византийские источники и сделан их источниковедческий анализ. Первостепенная роль в этом деле принадлежит выходящей с 1957 г. под редакцией академика М. Н. Тихомирова серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы».

Первая публикация этой серии познакомила читателей с ценным источником по истории Византии и славянских племен Балканского полуострова в VI—VII вв. — «Историей» Феофилакта Симокатты (перевод С. П. Кондратьева, примечания К. А. Осиповой)^{257—258}. Во вступительной статье (автор ее — Н. В. Пигулевская) Феофилакт Симокатта рисуется как представитель византийской аристократии, пришедшей к власти в правление императора Ираклия. Большое внимание здесь уделяется выяснению источников произведения Феофилакта Симокатты: ими Н. В. Пигулевская считает труды Менандра, Иоанна Лиды, Евагрия и фрагменты утраченного сочинения Иоанна Епифанийского. Н. В. Пигулевская высоко оценивает

²⁵³ П. В. Ернштедт. О греческом предшественнике слова «гайтан». Сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956, стр. 131—136.

²⁵⁴ М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. ВВ, XII, 1957, стр. 232—241.

²⁵⁵ М. М. Копыленко. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы. ВВ, XVI, 1959, стр. 82—91. См. также относящуюся к этой же серии исследований статью: М. М. Копыленко. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов. ВВ, XVII, 1960, стр. 85—92.

²⁵⁶ Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261.

^{257—258} Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, 224 стр. (см. рецензию: Я. Н. Лубарский. ВВ, XVI, 1959, стр. 244—250).

историческую достоверность «Истории» Феофилакта Симокатты, особенно важной для понимания социально-политической борьбы в Византии конца VI — начала VII в. и взаимоотношений Византии со славянскими народами и Ираном.

Второй том серии включает анонимную Псамафийскую хронику (= Vita Euthymii) и «Взятие Фессалоники» Иоанна Камениаты — памятники первой половины X в.²⁵⁹ Предисловие, перевод и комментарий к Псамафийской хронике, содержащей подробный рассказ о политической и церковной борьбе в Константинополе, главным образом в правление Льва VI и Александра (рубеж IX—X вв.), выполнены А. П. Кажданом; предисловие и комментарий к сочинению Иоанна Камениаты, которое представляет собой описание осады и разграбления Фессалоники в 904 г. арабами и ценно в особенности сообщаемыми автором сведениями о ремесле и торговле Фессалоники, а также о живущих в окрестностях города славянских племенах, сделаны Р. А. Наследовой. Перевод последнего принадлежит С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. В предисловии к «Псамафийской хронике» А. П. Каждан пытается определить характер памятника и социальную принадлежность ее анонимного автора; в предисловии к сочинению Иоанна Камениаты Р. А. Наследова определяет время написания его труда, выясняет социальное положение автора, его мировоззрение, степень его образованности, литературные достоинства сочинения. С. В. Поляковой для этого издания написана также статья «О некоторых художественных особенностях „Взятия Фессалоники“ Иоанна Камениаты». Итак, источники охарактеризованы в сопроводительных статьях как с исторической, так и с литературно-филологической точки зрения. Книга снабжена весьма детальным комментарием, иллюстрациями, картами, хронологической таблицей.

Критическое издание исторического труда готского историка VI в. Иордана — «Гетики» вместе с русским переводом и комментарием, выполненными Е. Ч. Скржинской, составляет третий том серии «Памятников»²⁶⁰. Е. Ч. Скржинская приходит к новым выводам относительно личности Иордана и его исторического труда. По ее мнению, Иордан был по происхождению остготом, а не аланом, как полагали некоторые ученые. Poleмизируя с исследователями, считавшими Иордана монахом, Е. Ч. Скржинская показала, что Иордан не принадлежал к монашескому сословию и что знаменитое «обращение» (conversio) Иордана являлось не переходом в иную веру, а принятием вместо арианства ортодоксальной религии. В комментарии к «Getica» разъясняется содержание и отчасти филологические особенности источника.

Очередной выходящий из печати том серии «Памятников» — интереснейший законодательный источник X в. «Книга Эпарха»²⁶¹. Перевод его, а также предисловие и комментарий выполнены М. Я. Сюзюмовым. Им же опубликованы переводы из трактата Юлиана Аскалонита «О законе и об обычаях Палестины» (VI в.) — ценного источника по византийскому градостроительству²⁶². Переводам предпослана статья, где, в частности, отдельные данные трактата сопоставляются со свидетельствами «Книги Эпарха».

²⁵⁹ «Две византийские хроники X века». М., 1959, 264 стр. (см. рецензии: Я. Н. Любарский, А. Я. Сыркин. ВВ, XIX, 1961, стр. 307—314; Р. М. Бартикан. Там же, стр. 315—319).

²⁶⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). М., 1960, 436 стр.

²⁶¹ «Книга Эпарха». М., 1961.

²⁶² М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскалонита, I. Вводная статья и переводы. «Античная древность и средние века», вып. 38, ч. 1. Свердловск, 1960, стр. 3—34.

Из переводов византийских источников, опубликованных вне серии «Памятников», следует прежде всего отметить издание Е. Э. Липшиц «Геопоник»²⁶³. Это — первый перевод составленного при Константине VII сборника высказываний древних авторитетов по вопросам сельского хозяйства. Во введении Е. Э. Липшиц показывает, что «Геопоники» отражают реальное состояние византийского сельского хозяйства в X в. Книга снабжена обширным комментарием и таблицами.

С. В. Полякова и И. В. Феленковская перевели Псевдо-Лукианов диалог «Патриот, или слушающий поучение», представляющий собой, по всей видимости, яркий антимонашеский памфлет X в.²⁶⁴

Выше упоминалось уже об издании перевода «Дигениса Акрита». Несколько народных песен, восходящих к средневековому греческому фольклору, в том числе и песен о Дигенисе, было переведено В. Нейштадтом²⁶⁵.

Значительный интерес для изучения социальной и бытовой истории Армении и соседних с нею стран, в том числе и Византии, представляют собой средневековые армянские басни, перевод которых издан И. А. Орбели²⁶⁶.

Л. С. Хачикян издал на армянском языке чрезвычайно ценный и оригинальный источник по истории Армении и сопредельных с ней стран — так называемые «Памятные записи армянских рукописей XV в.»²⁶⁷. Это — подлинные документы своего времени; их авторы — люди из народа; они записывали факты, касавшиеся его жизни, отмечали все то, что наносило материальный и духовный ущерб крестьянам, ремесленникам и вообще трудовым элементам. Памятные записи восполняют пробелы хроник и иных исторических документов, составлявшихся в соответствии с требованиями господствующих классов. Оценка событий в памятных записях часто дается сквозь призму средневекового, религиозного мышления, но приводится немало оценок и вполне реалистических, пронизанных ненавистью к эксплуататорам и захватчикам. Том, содержащий записи первой половины XV в., интересен и для историков Византии.

Переводы византийских источников публиковались также на страницах «Византийского временника». Перевод известного географического трактата IV в. *Expositio totius mundi* был издан С. В. Поляковой и И. В. Феленковской²⁶⁸. Е. Ч. Скржинская перевела сохранившиеся у Фотия отрывки из ценного источника начала V в. — «Истории» Олимпиодора²⁶⁹. Р. М. Бартикяном осуществлен перевод важного источника по истории павликианского движения — «Полезной истории» Петра Сицилийского²⁷⁰. В сопроводительной статье переводчик дает источниковедческий анализ памятника, выясняя, в частности, взаимоотношение между

²⁶³ «Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века». Введение, перевод с греческого и комментарий Е. Э. Липшиц. М.—Л., 1960, 376 стр.

²⁶⁴ Лукиан. Избранные атеистические произведения. М., 1955, стр. 275—286; ср. комментарий А. П. Каждана (стр. 315—316).

²⁶⁵ «Греческие народные песни». Выбрал и перевел В. Нейштадт. М., 1957, 303 стр.

²⁶⁶ И. Орбели. Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956, 180 стр. (см. рецензию: И. К. Кусикьян. ВВ, XIV, 1958, стр. 245—247).

²⁶⁷ «Памятные записи армянских рукописей XV в., ч. I (1401—1450 гг.)». Составил Л. С. Хачикян. «Материалы по истории армянского народа», VI. Ереван, 1955, XVI + 820 стр. См. рецензию: И. К. Кусикьян. ВВ, XII, 1957, стр. 289—291.

²⁶⁸ С. В. Полякова и И. В. Феленковская. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». ВВ, VIII, 1956, стр. 277—305.

²⁶⁹ Е. Ч. Скржинская. «История» Олимпиодора. ВВ, VIII, 1956, стр. 223—276.

²⁷⁰ Р. М. Бартикян. Петр Сицилийский и его «История павликиан». ВВ, XVIII, 1961, стр. 323—358.

«Полезной историей» и сочинением Фотия «Против манихеев». На страницах «Византийского временника» был помещен также перевод византийской сатиры начала XV в. «Пребывание Мазариса в подземном царстве»²⁷¹. В предисловии к этому переводу Т. М. Соколова показала, что основная ценность этой сатиры — в обличительном изображении византийского общества накануне падения империи.

ГРЕЧЕСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Занятия греческой палеографией, имеющие давние традиции в нашей стране, стимулируются наличием в отечественных книгохранилищах замечательных сокровищ греческой письменности. Общее число греческих рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах разных городов Советского Союза (Москва, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси, Казани, Пскова, Еревана), достигает двух тысяч. Наиболее богатыми и многочисленными являются собрания греческих рукописей (средневековых и в меньшем числе — новогреческих) Москвы и Ленинграда. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Отделе рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде и в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР хранится около 1300 рукописей²⁷².

Помимо произведений классической греческой литературы, в книгохранилищах СССР имеется значительное число ценнейших памятников византийского периода. Заслуживает внимания Хроника Михаила Глики в списке XIII в., содержащая интересные разночтения по сравнению с текстом Боннского корпуса. В позднем списке XVII—XVIII вв. имеется греческий текст арабской «Всемирной хроники» патриарха Евтихия Александрийского. Значительный научный интерес представляют рукописи «Церковной истории» Евсевия Памфила, отрывков из «Церковной истории» Феодорита, византийских историков Симеона Логофета, Георгия Сфрандзи. Кроме сочинений исторического содержания, наши собрания распролагают и другими произведениями византийской письменности, как-то: словари, грамматические сочинения, произведения народной литературы, отрывки житий святых, бесед и поучений. В библиотеках Советского Союза, кроме того, хранится немало рукописей XVI—XIX вв., в том числе таких, которые могут представить интерес для изучения истории греческого народа под властью турок и освободительной борьбы греков против турецкого владычества, а также истории новогреческой литературы и языка.

Среди рукописных сокровищ отечественных архивов особое место принадлежит памятникам юридического характера и актовым материалам. Одним из наиболее ценных памятников этого рода является сборник, известный под названием «Вазелонских актов». Два подлинных документа

²⁷¹ «Пребывание Мазариса в подземном царстве». Перевод С. П. Кондратьева, предисловие и комментарий Т. М. Соколовой. ВВ, XIV, 1958, стр. 348—357.

²⁷² В Москве самыми крупными собраниями греческих рукописей являются коллекции Государственного исторического музея и Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Отдельные рукописи хранятся в библиотеке Московского государственного университета, Государственной публичной библиотеке Украинской ССР в Киеве, Институте рукописей АН Грузинской ССР в Тбилиси, хранилище древних рукописей — Матенадаране — в Ереване, Центральном государственном архиве древних актов в Москве, Одесской государственной научной библиотеке, Псковском областном краеведческом музее, Ярославском областном архиве, научной библиотеке Харьковского государственного университета им. А. М. Горького и в некоторых других городах.

хранятся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки в Ленинграде: один из них — купчая на участок земли, датированная 1246 г., другой — межевая запись XIII в. на земельный участок. Имеются также памятники канонического права, чрезвычайно важные для изучения произведений древнего русского права — «кормчих», и рукописи, содержащие новеллы византийских императоров (так, в ЦГАДА хранится пергаменная рукопись X в., в состав которой входят новеллы византийских императоров Македонской династии).

Уникальный характер и большая научная ценность греческих средневековых рукописей, хранящихся в библиотеках и архивах СССР, ставят перед советскими учеными неотложные и важные задачи в деле научной обработки, описания, каталогизирования и публикации этих сокровищ. Центром всей научной работы, проводимой в Советском Союзе по изучению памятников древней письменности, является Археографическая комиссия при Отделении исторических наук Академии наук СССР, возглавляемая крупнейшим знатоком древнеславянской письменности академиком М. Н. Тихомировым. В 1960 г. в составе Археографической комиссии были созданы две новые секции — по средневековой греческой и латинской палеографии; их задачей является координация исследований в области изучения памятников византийской и западноевропейской средневековой письменности.

Принимая во внимание интенсивность русско-византийских связей XIV—XV вв., М. Н. Тихомиров считает несомненным существование в XVI в. библиотеки московских царей, содержавшей греческие, латинские и еврейские рукописи. Он полагает, что «сокровища царской библиотеки лежат еще в подземельях Кремля»²⁷³. В другой своей работе М. Н. Тихомиров показывает, что даже во второй половине XIII в., во времена «злой татарщины», продолжался процесс развития и восстановления культурных ценностей прошлого, который подспудно развернулся во всех русских землях спустя три-четыре десятилетия после «Батыевой рати» 1237—1240 гг.²⁷⁴ Уже в этот период, таким образом, подготовлялся будущий расцвет культуры Русского государства XIV—XV вв.

Большую работу по выявлению греческих рукописных фондов Советского Союза ведет Е. Э. Гранстрем. Ею опубликованы обзоры рукописных богатств библиотек Ленинграда²⁷⁵, Еревана²⁷⁶, Калинин, Иванова, Моск-

²⁷³ М. Н. Тихомиров. О библиотеке московских царей. «Новый мир» 1960, № 1, стр. 196—202.

²⁷⁴ М. Н. Тихомиров. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3, стр. 3—13.

²⁷⁵ Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. ВВ, VIII, 1956, стр. 192—207; е е же. Греческие рукописи Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Труды Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», 2(V), 1957, стр. 211—237; е е же. Греческие рукописи Академии наук СССР. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. XIX—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 272—284. В статье дано описание 277 греческих рукописей, хранящихся в этой библиотеке, в их числе и хроника Михаила Глики. Ряд рукописей интересен с точки зрения палеографии, например евангелие 891 г., написанное писцом Василием (Собрание Русского археологического ин-та, № 74). Из лицевых рукописей наиболее примечателен пергаменный литургический свиток XII в. (Собрание Русского археологического ин-та, № 1). См. о нем: Б. В. Фармаковский. Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами. ИРАИК, VI, 1900—1901, стр. 1—108.

²⁷⁶ Е. Э. Гранстрем. Огрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 619—628; е е же. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза. ВВ, XII, 1956, стр. 285—291.

вы, Одессы, Пскова, Харькова, Ярославля, Тбилиси²⁷⁷. В этих обзорах дана краткая история и охарактеризован состав собраний греческих рукописей, выделены наиболее замечательные памятники. Е. Э. Гранстрем подготовила также сводный каталог греческих рукописей Ленинграда, первые выпуски которого напечатаны в «Византийском временнике»²⁷⁸. Этот каталог является частью общего сводного каталога греческих рукописей собраний Советского Союза. Е. Э. Гранстрем ведет большую работу и в области теории греческой палеографии (возникновение византийского минускула²⁷⁹, связь славянской и греческой письменности, происхождение глаголической азбуки).

Проблема происхождения глаголицы — одна из самых запутанных в истории славяно-русской письменности. В своей работе²⁸⁰, основанной на изучении источников и многообразной литературы, Е. Э. Гранстрем приходит к выводу, что хотя источником глаголицы и послужило средневековое греческое письмо, однако то был не византийский минускул, как полагали ранее некоторые исследователи: глаголица, по мнению Е. Э. Гранстрем, была изобретена Кириллом, а кириллица являлась исторически сложившимся письмом. Формы глаголических букв в большинстве своем заимствованы из специфических систем греческой письменности (тахиграфии, криптографии и т. д.), незнакомой даже рядовому грамотному византийцу. Эта искусственно составленная азбука никоим образом не могла соперничать с кириллицей, сложившейся на основе византийского унциального письма, которое постепенно проникало в славянские земли. Унциальные буквы можно было видеть на монетах, церковной утвари, на иконах, в многочисленных надписях. Ко времени создания глаголицы у славян уже вошел в употребление византийский устав, правда, еще «без устройства»: он и применялся в качестве «славянского письма», тогда как глаголица была непонятна и славянам, и греческому духовенству. Нежизненность глаголической азбуки объясняется, таким образом, нежизненностью и искусственностью ее источника.

В работах Е. Э. Гранстрем исследуются и другие специальные вопросы: о составе рукописей, их назначении, оформлении, различающемся в зависимости от содержания и целей рукописи, что позволяет выяснить требования, предъявлявшиеся разными слоями общества к труду писца. Исследуя типы письма (литургический унциал, различные разновидности минускула), Е. Э. Гранстрем ставит вопрос об отличии книги, переписанной писцом-профессионалом, от сборника, составленного владельцем его для своих нужд²⁸¹.

Многое сделано Е. Э. Гранстрем и по изучению и изданию отдельных рукописей. Ею опубликован, в частности, отрывок медицинского трактата известного византийского медика VI в. Аэция из Амиды²⁸²; отрывок принадлежит к числу светских произведений, которых сохранилось очень

²⁷⁷ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. музея Грузии им. акад. Джанашиа. «Вестник Государственного музея Грузии», XX-V, 1959, стр. 191—194.

²⁷⁸ Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, 1. Рукописи IV—IX вв. ВВ, XVI, 1959, стр. 216—248.; 2. Рукописи X в. ВВ, XVIII, 1961, стр. 254—274.; 3. Рукописи XI в. ВВ, XIX, 1961, стр. 194—239.

²⁷⁹ Е. Э. Гранстрем. К вопросу о византийском минускуле. ВВ, XIII, 1958, стр. 222—245.

²⁸⁰ Е. Э. Гранстрем. О происхождении глаголической азбуки. ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 300—313.

²⁸¹ Е. Э. Гранстрем. О некоторых приемах оформления византийских рукописей. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 16.

²⁸² Е. Э. Гранстрем. Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды. ВВ, IX, 1956, стр. 159—169.

мало от византийского периода (рукопись обнаружена в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Палеографические данные позволяют датировать рукопись рубежом X—XI вв.; она написана беглым минускулом курсивного характера, предназначена для ученых занятий и поэтому почти лишена украшений. По мнению Е. Э. Гранстрем, этот отрывок из трактата Аэция был записан на слух, по объяснениям преподавателя в аудитории, писцом же являлось лицо, изучавшее медицину и уже достаточно сведущее в медицинской терминологии, которая употребляется в рукописи почти без ошибок.

Вслед за академиком М. Н. Тихомировым и другими советскими учеными Е. Э. Гранстрем выступила с предложением о создании сводного печатного каталога не только греческих, но и славянских рукописей²⁸³.

Краткая характеристика литературного наследства Исидора Пелусиота, в связи с использованием трудов этого автора в Изборнике Святослава 1073 года, дана в статье В. В. Данилова. По мнению автора, Исидору Пелусиоту принадлежат не все приписываемые ему письма; некоторые из них представляют собой продукт коллективной мысли; все они отличаются высокой культурой языка и сохранением древнегреческих литературно-философских традиций, чем и объясняется их широкое использование на Руси²⁸⁴.

Краткий обзор рукописных и книжных богатств Государственного исторического музея дан в книге М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой «Сокровища древней письменности и старой печати». Описание составлено по отдельным собраниям, хранящимся в Историческом музее, фонды которого наряду с русскими и славянскими рукописями включают и греческие рукописи бывшей Синодальной (патриаршей) библиотеки, переданной музею в 1920 г. В книге содержится краткая история составления этого собрания и дается описание наиболее замечательных рукописей; авторы предполагают, что греческие рукописи, привезенные с Афона Арсением Сухановым, предназначались не столько для исправления богослужебных книг (как думали ранее), сколько для нужд греко-латинской академии, которая открылась в Москве в 1654 г.²⁸⁵

Среди рукописей, хранящихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, особое место занимает рукописное собрание А. С. Норова. Описание этого собрания, состоящего из рукописных книг, коллекции автографов и архивных материалов, сделано И. М. Кудрявцевым²⁸⁶. По мнению автора, наиболее ценной частью собрания являются рукописные книги на греческом языке, всего 14 рукописей, из них 7 — на пергамене, а 7 — на бумаге. Три пергаменные византийские рукописи относятся к X в. Значительный научный интерес имеет хронограф 1607 г.

В собрании греческих рукописей, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов СССР, внимание палеографа привлекает византийское пергаменное евангелие XI в.²⁸⁷

Греческие рукописи, хранящиеся в областных музеях и архивах,

²⁸³ Е. Э. Гранстрем. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Л., 1958, стр. 30. В приложении к этой работе приведена библиография некоторых собраний славянских рукописей и список славянских рукописей XI—начала XII в.

²⁸⁴ В. В. Данилов. Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 г. ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 335—341.

²⁸⁵ М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, стр. 85.

²⁸⁶ И. М. Кудрявцев. Рукописное собрание А. С. Норова. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», 18, 1956, стр. 48—64.

²⁸⁷ Г. А. Дремина и А. В. Чернов. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР. М., 1960, стр. 16.

описаны (наряду со славяно-русскими рукописями) В. И. Мальшевым²⁸⁸, О. П. Бугаевой²⁸⁹, И. Ф. Голубевым²⁹⁰, Л. А. Дмитриевым²⁹¹.

Большая работа по изучению и публикации древних рукописей ведется в республиках Закавказья. Особенно плодотворны исследования армянских ученых, работающих в Матенадаране. Его древнеармянские рукописи важны для изучения византийской культуры, так как произведения некоторых греческих и византийских авторов сохранились только в армянском переводе. В числе других к ним относятся: сочинение Филона Александрийского (I в.), Ириней (II в.), речи Севериана (IV в.), труды Тимофея Элура (V в.), «Хроника Евсевия Кесарийского» (IV в.)²⁹². О древних и средневековых армянских рукописях, хранящихся в Матенадаране и являющихся уникалами мировой литературы, рассказывается в книге А. Г. Абрамяна²⁹³. В ней приводятся краткая история Матенадарана, начиная с V в. до наших дней, а также общие сведения о «гречах» (переписчиках рукописей) и рукописных школах. В отдельных главах описаны ценнейшие рукописи Матенадарана по определенным отраслям науки — истории, праву, литературе, географии, медицине, точным наукам и т. д. Внимание византиниста привлекают прежде всего рукописи исторического содержания («История» Агафангела, «История Армении» Фавста Бузанда, которой, по мнению А. Г. Абрамяна, пользовался Прокопий Кесарийский, сочинения Мовсеса Хоренаци, Себеоса, Асахика и других авторов, сообщающих сведения и по истории Византии), а из юридических памятников — «Сироромейский судебник», «Византийский судебник», носящий в армянском переводе заглавие: «Краткий сборник гражданских законов мудрых царей Константина и Левона, которые обновил, указал их порядок великий Юстиниан» (?), армянский перевод Антиохийских ассиз и др. Очень важны также сочинения Анания Ширакаци. В заключительной главе книги характеризуются методы хранения и изучения первоисточников Матенадарана.

Краткое описание замечательных рукописных сокровищ Матенадарана содержится также в статье А. Аршаруни²⁹⁴.

Е. Э. Гранстрем, специально занимаясь греческими рукописями Матенадарана, составила описание фрагментов славянских и греческих рукописей этого хранилища; в большинстве своем это — защитные листы, вплетенные в армянские рукописи для предохранения текста от соприкосновения с переплетом. Наибольший научный интерес представляют древнейший текст жития Саввы Освященного (XII в.), евангельские

²⁸⁸ В. И. М а л ы ш е в. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 471—479. Давая описание славяно-русских рукописей, автор вместе с тем указывает, что в музее хранится греческий сборник поучений и похвальных слов Иоанна Златоуста IX—X вв. (№ 342), имеющий несомненное палеографическое значение.

²⁸⁹ О. П. Б у г а е в а. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 424—431. В статье дано описание 70 славяно-русских рукописных книг XVI—XIX вв. и одной древней греческой рукописи, которая предположительно отнесена автором статьи к VII в.

²⁹⁰ И. Ф. Г о л у б е в. Рукописные и старопечатные книги в краеведческих музеях городов Калязина и Кашина Калининской области. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 570—572. Среди рукописей Калязинского краеведческого музея имеется русский перевод Слов Григория Богослова (вторая половина XV в.).

²⁹¹ Л. А. Д м и т р и е в. Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. ТОДРЛ, XVI, 1960, стр. 554—560.

²⁹² М. Х. И ш т х а н я н. Матенадаран — сокровищница мировой культуры. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 6, стр. 107—127.

²⁹³ А. Г. А б р а м я н. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван, 1959. стр. 106.

²⁹⁴ А. А р ш а р у н и. Матенадаран — национальная сокровищница Армении. «Современный Восток», 1959, № 7, стр. 36 и сл.

чтения (XIV в.), отрывок Апостола, содержащий второе послание к Тимофею (XIV в.), октоих (ирмологий) (XIV в.), отрывки евангелия от Луки (XV в.)²⁹⁵.

Ценные дополнения к общему описанию уникального собрания рукописей Армянской ССР содержатся в статье Л. С. Хачикяна и К. Н. Юзбашяна о новых поступлениях Матенадарана²⁹⁶. Б. Т. Горянов дал описание одной из греческих рукописей Матенадарана (хронографа, переписанного, очевидно, в XVI в.), интересной, в частности, для изучения истории греческого языка²⁹⁷.

Немалую научную значимость имеет также и собрание средневековых греческих рукописей Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. Для истории греческой палеографии наиболее ценны два евангелия IX в.; остальные рукописи — более позднего происхождения (преимущественно богослужебные сборники и номоканоны). Одна рукопись является отрывком из лечебника (на новогреческом языке)²⁹⁸.

В 1958 г. в Грузинской ССР создан специальный Институт рукописей, являющийся республиканским центром научных исследований памятников древней письменности. Исследования в области палеографии ведутся также и в Азербайджанской ССР.

В 1960 г. по инициативе Археографической комиссии Академии наук СССР в Матенадаране была проведена научная сессия по вопросам палеографии.

С научными докладами выступили ученые Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Баку и других городов Советского Союза. Большинство докладов было посвящено изучению древних рукописей — славянских, греческих, латинских, арабских, армянских, грузинских, персидских, турецких, хранящихся в собраниях Советского Союза. Сессия в Матенадаране сыграла большую роль в дальнейшем развитии и координации научных исследований рукописных сокровищ СССР²⁹⁹.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что за последние годы намечился определенный прогресс в области палеографических исследований. Однако задачи, стоящие перед советскими палеографами, чрезвычайно сложны и велики, и сделать предстоит еще очень многое. Эти задачи намечены в статье академика М. Н. Тихомирова, опубликованной в «Вопросах истории» (1961, № 4).

Видное место среди рукописных сокровищ Советского Союза занимают сирийские рукописи. Составленный Н. В. Пигулевской каталог сирийских рукописей, находящихся в хранилищах Ленинграда, имеет большое значение для советского византиноведения³⁰⁰. Здесь дано описание свыше 80 рукописей (часть их ранее не была описана), в большинстве своем — религиозного содержания; имеются, однако, и рукописи светского характера. Значительный интерес представляют рукописи, в которых упоминаются названия областей, городов, сел, содержатся календарные записи,

²⁹⁵ Е. Э. Гранстрем. Отрывки славяно-русских пергаменных рукописей в собрании Матенадарана в Ереване. ТОДРЛ, XIV, 1958, стр. 619—623.

²⁹⁶ Л. С. Хачикян, К. Н. Юзбашян. Новые поступления государственного Матенадарана. ВИ, 1957, № 4, стр. 189—190. В статье содержится не только описание новых поступлений, но и сообщения о большой работе по описанию, хранению, реставрации и изданию рукописей, ведущейся в Матенадаране.

²⁹⁷ Б. Т. Горянов. Греческая рукопись № 25 фонда иноязычных памятников Матенадарана. ВВ, XVII, 1960, стр. 354—356.

²⁹⁸ Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. музея Грузии им. акад. Джанашиа, «Вестник Гос. музея Грузии», XX-V, 1959, стр. 191—194.

²⁹⁹ См. В. Б. Павлов-Сильванский. «Археографический ежегодник» за 1960 г., М., 1961.

³⁰⁰ Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. ПС, 6, 1960, 230 стр.

а также — астрономические, медицинские и другие научные рукописи. Весьма интересны учебные пособия, сборники амулетов и заклинаний. Ряд рукописей являются палимпсестами. Автор каталога уточняет датировку и происхождение некоторых, а также детально анализирует текст рукописей. В отдельных приложениях к каталогу специально исследуются филигранные сирийских рукописей (к исследованию приложен перечень рукописей с указанием филиграней). Каталог Н. В. Пигулевской является первым, дающим столь подробное описание сирийских рукописей Ленинграда, что позволяет не только ознакомиться с ними, но и привлечь их для научных исследований. Особое внимание Н. В. Пигулевской привлек сирийский сборник агиологических памятников и легенд, датированный VI в. Материалы этого сборника представляют важный источник для истории ранневизантийской церкви и церковной идеологии VI в.³⁰¹

ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА И СФРАГИСТИКА

Новые памятники греческой эпиграфики, обнаруженные за последние годы, главным образом на юге СССР — в Крыму, на южном побережье Черного моря и в Закавказье, сравнительно немногочисленны. В 1958 г. Е. Ч. Скржинская опубликовала неизвестные ранее памятники средневекового Крыма — одну греческую и три латинские надгробные надписи XIV—XV вв.³⁰² В работе Е. Ч. Скржинской дается подробный палеографический анализ и реконструкция всех четырех надгробных плит: одного надгробия из Алушты с греческой надписью, и трех — из Судака с латинскими надписями 1378, 1451 и 1469 гг. На основании палеографического анализа автор приходит к выводу, что алуштинское надгробие относится либо к самым последним годам XIII в., либо к началу XIV в. По мнению автора, и само надгробие, являющееся одним из многочисленных и типовых захоронений XIII—XIV вв., и греческие надписи на плитах свидетельствуют о распространении греческого языка среди части населения Крыма изучаемой эпохи.

Изучением эпиграфических памятников Грузии занимался в последние годы С. Г. Каухчишвили. Предметом его исследований послужили три греческие надписи, найденные в Грузии в начале 50-х годов. В 1955 г. С. Г. Каухчишвили опубликовал греческую заклинательную надпись, нанесенную на талисман, найденный в Цилкани и представляющий собой аметистовую гемму. По своему содержанию надпись христианская и на основании палеографических данных датируется автором III—IV вв.³⁰³ Анализируя греческую надпись мозаики знаменитого храма в Пицунде (Бичвинте, византийском Питиунте), С. Г. Каухчишвили пришел к выводу, что эта надпись является ктиторской и должна быть отнесена не к IV в., как полагал Л. А. Мацулевич³⁰⁴, а к V—VII вв.³⁰⁵ Третьей надписью, изученной С. Г. Каухчишвили, была греческая надпись на светильнике,

³⁰¹ Н. В. Пигулевская. Сирийский сборник агиологических памятников и легенд. «Труды Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», II (V), 1957, стр. 17—20.

³⁰² Е. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175.

³⁰³ С. Г. Каухчишвили. Греческая надпись найденной в Цилкани геммы. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I. Тбилиси, 1955, стр. 211—218 (на груз. языке с кратким русским резюме).

³⁰⁴ Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. ВДИ, 1956, № 4, стр. 148 сл.

³⁰⁵ С. Каухчишвили. Эпиграфические новости из Грузии. ВДИ, 1958, № 4, стр. 129—133.

найденном в Сухуми. На основании палеографического исследования автор датирует эту надпись I—IV вв. н. э.³⁰⁶

Отдельные сведения о памятниках греко-славянской эпиграфики на Северном Кавказе содержатся в статье Е. Г. Пчелиной³⁰⁷.

Если по греческой палеографии и эпиграфике за последние годы, как мы видели, было кое-что сделано, то исследования по византийской сфрагистике пока еще крайне немногочисленны, и одной из задач советских ученых является развитие этой сугубо специальной отрасли знания.

Можно лишь упомянуть публикацию Н. Г. Порфиридовым одного из древнейших памятников печатей новгородских епископов — печати Нифонта (1129—1156) с греческой надписью. Автор склоняется к тому, чтобы считать епископа Нифонта греком³⁰⁸.

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО

Одной из основных проблем, исследуемых советскими историками византийского искусства, по-прежнему оставалась проблема взаимоотношения искусства Древней Руси и Византии. Из работ последних лет, посвященных этой проблеме, следует прежде всего отметить цикл исследований В. Н. Лазарева — «Этюды о Феофане Греке»³⁰⁹. В этих трех «Этюдах» дана блестящая характеристика личности и творчества великого художника конца XIV — начала XV в. «Этюды» разработаны автором на широком историческом фоне; в них показано состояние современного Феофану русского искусства, а также выявлены тенденции его дальнейшего развития.

В двух первых «Этюдах» автором были изучены биография Феофана Грека, произведенная им роспись церкви Спаса Преображения в Новгороде и его деятельность в Москве. В третьем «Этюде» В. Н. Лазарев подверг анализу еще одно произведение художника — иконостас Благовещенского собора в Москве, выяснил значение творчества Феофана для московской школы живописи и определил его место в истории русского искусства. Автор отмечает две характерные черты исполнения благовещенских икон: с одной стороны — перенесение в иконопись приемов монументальной живописи, с другой, что является новым для творчества Феофана и чему он был обязан русским мастерам, — умение силуэтировать фигуры, более мягкий и плавный ритм линий. В работе дается развернутая картина художественной жизни Москвы конца XIV — начала XV в., ее связей с византийской и южнославянской культурой. В. Н. Лазарев приходит к заключению, что прямым учителем Андрея Рублева был не Феофан, а, по всей вероятности, старец Прохор с Городца, и что хотя Рублев использовал великий опыт Византии и уроки одного из ее наиболее выдающихся мастеров — Феофана Грека, однако это ни в коей мере не помешало ему стать на путь вполне самостоятельного творчества. То сильно византизирующее течение, которое было характерно для московской школы живописи конца XIV — начала XV в. и которое в немалой степени связано с деятельностью Феофана Грека, не имело на русской почве будущего и очень скоро растворилось в широком потоке русского искусства.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. «Археологический ежегодник за 1959 г.». М., 1960, стр. 298—302.

³⁰⁸ Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. «Новгородский исторический сборник», 9, 1959, стр. 81—91; см. его же. Именные владычные печати Новгорода. СА, 1958, № 3, стр. 222 сл. Там воспроизведен и экземпляр печати из Новгородского музея.

³⁰⁹ В. Н. Лазарев. Этюды о Феофане Греке. ВВ, VII, 1953, стр. 244—258; VIII, 1956, стр. 143—165; IX, 1956, стр. 193—210.

В творениях Феофана Грека отразились, как показывает автор, противоречия его века, века кризиса средневекового мировоззрения. Хотя искусство Феофана не ломает традиционных церковных рамок, любое его произведение все же содержит в себе здоровое и крепкое реалистическое ядро. Феофан Грек органически усвоил наиболее передовые идеи живописи Новгорода и Москвы. И поскольку он занес на Русь те свободные живописные традиции, которые сложились в начале XIV в. на константинопольской почве, когда неоэллинистическое течение находилось в полном расцвете, постольку искусство Феофана породило на Руси широчайший отклик.

Исследование М. А. Ильина посвящено вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Рублева³¹⁰. Автор рассматривает здесь, в частности, вопрос о характере художественных взаимоотношений между руководителями артелей иконописцев и остальными членами этих артелей.

Большое место в трудах советских искусствоведов занимало в последние годы изучение замечательных памятников искусства нашей страны (таких, например, как София Киевская). В связи с их обследованием был поставлен вопрос о степени влияния византийского искусства на искусство Древней Руси. Немалое значение для его решения имеет книга М. К. Каргера о древнем Киеве³¹¹. Ценным вкладом в выяснение проблемы взаимоотношения византийского и древнерусского искусства является работа В. Н. Лазарева «Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской»³¹², представляющая собой результат внимательнейшего обследования автором всей живописной поверхности росписи этого крупнейшего для XI в. монументального ансамбля. Изучение первоначальной росписи храма позволило автору не только уточнить дату возникновения мозаики основной группы фресок, но и восстановить первоначальный состав росписи как в центральной части храма, так и на хорах. Ряд новых данных сделал возможным также реконструировать дошедший до нас лишь частично групповой портрет семьи Ярослава, украшавший в свое время западную стену центрального корабля. Исследование В. Н. Лазарева в значительной мере помогло успешно распутать целый клубок проблем и загадок из истории Киевской Руси времени Ярослава, а равно и относящихся непосредственно к росписи Софии Киевской, над решением которых трудилось несколько поколений русских ученых. Выводы автора сводятся к следующему. Все мозаики и роспись центрального креста были закончены к 1046 г. Работы над росписями хоров и особенно приделов могли затянуться до начала 60-х годов. Христологический цикл Софии Киевской состоял из шестнадцати сцен, в подборе которых составители программы росписи поступили весьма самостоятельно, взяв из традиционного фонда евангельских сюжетов те, которые представляли особую актуальность для Киевской Руси, еще недавно только принявшей христианство. Комплекс фресок на хорах Софии Киевской — в северном и южном крыльях — представляет собою осуществление весьма своеобразного идейного замысла.

³¹⁰ М. А. И л ь и н. Изображение иерусалимского храма на иконе «Вход в Иерусалим» Благовещенского собора (К вопросу о художественных взаимоотношениях Феофана Грека и Андрея Рублева). ВВ, XVII, 1960, стр. 105—113; ср. его же. Из истории московской архитектуры времени Андрея Рублева. ВИ, 1960, № 12, стр. 89—98. Из последних статей, посвященных Андрею Рублеву, назовем: Н. Н. В о р о н и н. Андрей Рублев и его время. «История СССР», 1960, № 4, стр. 53—65; М. Н. Т и х о м и р о в. Андрей Рублев и его эпоха. ВИ, 1961, № 1, стр. 3—17; М. В. А л п а т о в. Андрей Рублев. М., 1959, 37 стр.

³¹¹ М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. II. М. — Л., 1961, стр. 98—206.

³¹² В. Н. Л а з а р е в. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. ВВ, X, 1956, стр. 161—177; XV, 1959, стр. 148—169.

Весь цикл фресок на хорах имел прямое отношение к тому священнодействию, которое совершалось здесь для великого князя и его приближенных. Групповой портрет семейства Ярослава состоял из тринадцати фигур. Ярослав был изображен подносящим модель храма Христу, а не византийскому императору, как считали некоторые ученые.

Таким образом, благодаря правильной реконструкции группового портрета семьи Ярослава отпало ошибочное мнение о том, что первоначальный вид этого портрета якобы являлся доказательством вассальной зависимости Киевской Руси от Византии (А. А. Васильев, А. Н. Грабар, Л. Брейе и др.). Групповой портрет семьи Ярослава, как показал В. Н. Лазарев, свидетельствует о силе и независимости киевского князя, приказавшего изобразить себя и свою супругу в коронах и роскошных великокняжеских облачениях, сходных с царскими. Все это в свою очередь говорит о силе и независимости Киевского государства, одной из могущественных держав Европы XI в.

Поставленный В. Н. Лазаревым еще в «Истории византийской живописи» вопрос о формах и методах сотрудничества византийских и местных мастеров получил углубленное развитие в его дальнейших исследованиях. В статье, опубликованной в датском журнале «Classica et mediaevalia», он рассматривает вопросы творческого сотрудничества древнерусских и византийских художников³¹³. Весьма важна по своим выводам статья В. Н. Лазарева, посвященная сопоставлению константинопольской и национальных (сицилийской, венецианской, древнерусской) школ живописи. Автор устанавливает, что примерно до первой половины XII в. греческие мастера играли руководящую роль в национальных школах, однако уже в этот период работавшие под руководством византийцев местные мастера приносили свои национальные особенности в декоративное убранство памятников, а со временем самобытные черты местных школ проявляются все более ярко и отчетливо³¹⁴.

В. Н. Лазаревым опубликована замечательная житийная икона богоматери, которую он приписывает флорентийской школе 70-х годов XIII в. В связи с публикацией этой иконы автор поднимает вопрос о путях проникновения византийских влияний в флорентийскую живопись³¹⁵.

Исследование так называемой Ковалевской росписи, разрушенной во время Великой Отечественной войны, позволило В. Н. Лазареву проследить связи древнерусского искусства с искусством южных славян³¹⁶.

Большой интерес представляет книга В. Н. Лазарева, посвященная фрескам Старой Ладogi³¹⁷. Здесь впервые опубликован большой ансамбль выдающегося произведения древнерусской монументальной живописи — фрески церкви св. Георгия в Старой Ладогe. Эти фрески являются наиболее грекофильскими: они среди новгородских росписей второй половины XII в. свидетельствуют о сильном влиянии Византии не только на станковую, но и на монументальную живопись Новгорода. Автор датирует ансамбль примерно 1167 г. и в связи с этим критически пересматривает

³¹³ V. L a z a r e v. La méthode de collaboration des maitres byzantines et russes. «Classica et mediaevalia», XVII, 1956, p. 75—90.

³¹⁴ В. Н. Л а з а р е в. Константинополь и национальные школы в свете новых исследований. ВВ, XVII, 1960, стр. 98—104.

³¹⁵ В. Н. Л а з а р е в. Неизвестный памятник флорентийской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII в. «Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР», 1956. М., 1957, стр. 383—459.

³¹⁶ В. Н. Л а з а р е в. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в ручной живописи. «Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР», 1957. М., 1958, стр. 233—278.

³¹⁷ В. Н. Л а з а р е в. Фрески Старой Ладogi. М., 1960, 215 стр.

вопрос о времени выполнения целого ряда византийских росписей, относимых ко второй половине XII в.

Следует отметить работу Н. П. Сычева, посвященную росписи Дмитриевского собора во Владимире. Автор усматривает в этой росписи значительное сходство с фресками из Фессалоники, что, по его мнению, свидетельствует о влиянии живописи этого византийского города на древнерусскую живопись³¹⁸.

Для изучения живописи Софии Киевской и техники производства мозаик большое значение имеют многолетние исследования В. И. Левицкой. Она рассматривает вопросы, которые раньше не привлекали внимания ученых и которые имеют существенное значение не только для изучения Софии Киевской, но и для решения некоторых проблем общей истории искусства Древней Руси. Основываясь на данных реставрационных работ, проводившихся в Софии Киевской в 1953—1954 гг., используя различные методы подсчета площадей мозаичных композиций, привлекая литературные источники, производя, наконец, в необходимых случаях экспериментальные исследования, автор устанавливает общий объем мозаичных работ в Софии Киевской, количество занятых мозаичистов, выясняет общие условия и продолжительность их работы. Исследование, проведенное В. И. Левицкой, привело ее к следующим любопытным выводам: площадь мозаичного набора Софии Киевской первоначально составляла свыше 600 кв. м, всего было уложено 9 млн. кубиков в течение 120 человеко-месяцев, причем работа велась в три сезона (по шести месяцев, начиная с мая), из которых в первых двух работало по восьми мастеров, а в третьем — четыре³¹⁹.

Достижением советских искусствоведов-византинистов за последние годы следует признать усиленное изучение и всестороннее освещение ими памятников византийского искусства, хранящихся в музеях СССР, особенно в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. В этом отношении большой научный интерес имеет работа А. В. Банк «Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа» (М., 1960)³²⁰. До настоящего времени памятники византийского искусства, хранящиеся в Эрмитаже, были известны специалистам по отдельным публикациям, разбросанным в специальных органах или сводах. Задачей работы А. В. Банк является объединение в одном издании наиболее выдающихся памятников различных жанров прикладного искусства и живописи. Впервые многие из них представлены как в общем виде, так и в деталях, что позволяет пользоваться репродукциями для исследовательских целей и одновременно дает широкой публике представление о высоком уровне художественного творчества византийских мастеров. Данное издание является первым этапом на пути к подготовке научного каталога византийского собрания Эрмитажа.

Кроме того, А. В. Банк опубликовала и всесторонне исследовала несколько памятников византийского искусства, хранящихся в Эрмитаже.

³¹⁸ Н. П. Сычев. К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире. «Памятники культуры. Исследование и реставрация». М., 1959, стр. 143—177.

³¹⁹ В. И. Левицкая. О некоторых вопросах производства набора мозаик Софии Киевской. ВВ, XV, 1959, стр. 170—184.

³²⁰ О собрании произведений византийского искусства в Эрмитаже см. А. В. Банк. Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже. ВВ, XI, 1956, стр. 340—348; е е ж е. Выставки памятников культуры и искусства Византии и стран Ближнего и Среднего Востока. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XI, 1957, стр. 16—19; «Государственный Эрмитаж. Культура и искусство Византии IV—XV вв., Ближнего и Среднего Востока III—XVIII вв.», М., 1957, 66 стр.; см. также путеводитель по выставке «Культура и искусство Византии» (автор — А. В. Банк), состоящий из двух частей: «Культура и искусство Византии IV—VII вв.» (стр. 5—14) и «Культура и искусство Византии XI—XV вв.» (стр. 14—21).

Особое внимание привлекают византийские серебряные изделия XI—XII вв., в том числе серебряные реликварий и ставротека. На основании сопоставления эрмитажного реликвария с подобными же памятниками — реликварием из скровищницы Сан-Джованни в Латеранском соборе, лимбургской ставротекой X в., так называемым энколпием Константина, небольшим серебряным складнем из Шемокмеди и др., автор приходит к выводу, что реликварий из Эрмитажа и латеранский реликварий являются изделиями, происходящими из одного художественного центра, а возможно, из одной мастерской, и были изготовлены в Константинополе. Время изготовления реликвария автор относит ко второй половине XI в.³²¹ Сопоставляя эрмитажную серебряную ставротеку с аналогичными памятниками, А. В. Банк датирует первую концом XI, быть может, началом XII в.; изготовлена она была, по мнению автора, не одним, а по меньшей мере двумя мастерами и является памятником константинопольского происхождения³²².

А. В. Банк была также сделана предварительная публикация нового поступления в Эрмитаж: крышки серебряного сосуда из Ненецкого округа с изображениями музыкантов, танцоров, акробатов, а также животных и птиц; техника и стиль исполнения говорят о сочетании элементов, характерных для прикладного искусства XII в. главным образом Восточной Европы, в том числе — Руси. Не исключена возможность изготовления крышки в византийском провинциальном центре³²³.

Государственный Эрмитаж располагает ценным собранием византийских камней, пять из которых недавно были опубликованы А. В. Банк. Путем сравнения с другими камнями, с изображениями на монетах, а также исходя из иконографических и стилистических данных, исследовательница датирует эти камни X—XI вв.³²⁴

А. В. Банк, кроме того, опубликовала гребень слоновой кости из недавних раскопок в Саркеле (Белая Вежа) с сюжетными изображениями (на одной стороне — павлин в фас, на другой — Самсон или Давид, разрывающий пасть льву). Автор датирует гребень XI в. и предполагает, что он был изготовлен византийским мастером, скорее всего, в восточных областях империи³²⁵.

За последнее пятилетие продолжалось изучение вновь открытых или уже известных науке, но недостаточно исследованных памятников византийского искусства, найденных в Херсонесе. Так, А. В. Банк в свете новых данных пересмотрела некоторые старые находки из Херсонеса. В этой работе исследовательница дала описание двух костяных пластинок, найденных в 1903 г. в Херсонесе. На одной из них изображена лань, на другой — орел; последняя имеет поразительно близкую аналогию в пластинке с изображением орла, найденной во время раскопок на ипподроме в Константинополе в 1928 г. (в слове, относящемся к XII в.). Сходство между херсонесской и константинопольской костяными пластинками представляется настолько близким, что А. В. Банк выдвигает предположение, что они были изготовлены если не одним мастером, то в одной и той же мастерской и относятся к XI—XII вв. На основании исследования этих

³²¹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. ВВ, XIII, 1958, стр. 211—221.

³²² А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. ВВ, XIV, 1958, стр. 234—242.

³²³ А. В. Банк. Крышка серебряного сосуда из Ненецкого округа. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XV, 1959, стр. 49—52.

³²⁴ А. В. Банк. Несколько византийских камней из собрания Государственного Эрмитажа. ВВ, XVI, 1959, стр. 206—215.

³²⁵ А. В. Банк. Гребень из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 333—339.

трех пластинок автор приходит к выводу, что в XI—XII вв. существовали тесные взаимоотношения между Херсонесом и Константинополем, что резные пластинки с изображением орла и животного привозились из Константинополя в Херсонес. Эти пластинки являлись произведениями народного искусства византийского средневековья.

В той же работе А. В. Банк публикует две бронзовые чаши из Херсонеса и Киева. Сходство этих чаш указывает на общий источник, а быть может, и единый центр производства обоих предметов. Херсонесская чаша по своей форме (миска) и характеру декорации, в частности надписи, отнесена автором к концу XIII или началу XIV в. Киевская чаша представляется своего рода копией херсонесской, однако техника исполнения киевского сосуда более грубая. Киевская чаша, по-видимому, была изготовлена несколько позднее, но в пределах того же XIV в. Таким образом, эти два родственных предмета проливают новый свет на взаимоотношения Руси и Херсонеса в XIII—XIV вв.³²⁶

Следует отметить статью А. В. Банк, посвященную рельефу с изображением Георгия из собрания Эрмитажа³²⁷. Особенности иконографии и художественных приемов в изображении Георгия позволяют автору поставить вопрос о воздействии Запада на этот памятник византийской скульптуры.

А. В. Банк опубликован также выдающийся памятник византийского искусства первой половины XIV в. — мозаичная икона из бывшего собрания Н. П. Лихачева³²⁸.

Исследование О. А. Белобровой, посвященное истории отображения статуи Юстиниана в русской иконографии, важно для изучения связей между византийским и древнерусским искусством³²⁹. Автор полагает, что подобные отображения в русской иконографии не случайны — они были тесно связаны с утверждением на Руси православия, ростом могущества церкви и укреплением идеи самодержавия, т. е. имели конкретный политический смысл.

Из новых открытий византийских памятников искусства в Херсонесе выделяется шиферная икона, найденная в 1956 г. и опубликованная впервые Г. Д. Беловым. Ее обнаружили при раскопках дома XIII—XIV вв., причем была установлена ее тождественность с другими иконами византийского происхождения. На этом основании Г. Д. Белов считает найденный памятник произведением византийского мастера и датирует его (по аналогии с остальными) XII в. На принадлежность произведения XII в. указывают и иконографические особенности изображенных здесь святых: Феодора Стратилата, Георгия и Дмитрия. Публикуемая икона является произведением зрелого мастерства; об этом красноречиво говорят и техническое совершенство ее исполнения, и высокая художественность изображений, и искусная композиция.

Большая серия икон византийского происхождения, найденных в Херсонесе, свидетельствует о том, что культурные и торговые связи Херсонеса с Византией в XII в. были еще достаточно оживленными³³⁰.

³²⁶ А. В. Банк. Старые находки из Херсонеса в свете некоторых новых данных. ВВ, IX, 1956, стр. 186—192.

³²⁷ А. В. Банк. Рельеф с изображением Георгия из собрания Эрмитажа. «Исследования по истории культуры народов Востока». Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, стр. 20—28.

³²⁸ А. В. Банк. Мозаичная икона из б. собрания Н. П. Лихачева. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 185—198.

³²⁹ О. А. Белоброва. Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. ВВ, XVII, 1960, стр. 114—123.

³³⁰ Г. Д. Белов. Шиферная икона из Херсонеса. СА, 1960, № 2, стр. 257—263.

Многие годы исследованиями в области византийского искусства занимался крупнейший советский искусствовед покойный Л. А. Мацулевич. В 1959 г. была опубликована его работа, касающаяся изучения византийских войсковых знаков. Предметом исследования Л. А. Мацулевича послужила серебряная статуэтка орла, обвитого змеей, найденная в Нескребовском городище близ Днепростроя в 1930 г. Она входила в состав комплекса предметов, которые автор определил как снаряжение воинского отряда на рубеже VII—VIII вв. Сама фигурка, судя по клеймам и стилистическим данным, была изготовлена на рубеже IV—V вв. в районе Подунавья и служила воинским знаменем. В VII или на рубеже VII—VIII вв. она была использована вторично: в это время была вырезана монограмма Петра³³¹.

Л. А. Мацулевич принимал деятельное участие в изучении материалов раскопок древнего Питиунта (совр. Пидунда в Грузии). Им, в частности, исследованы остатки древних мозаичных полов в питиунтской базилике, которые он датирует IV и V вв.³³² На сессии по проблемам византиноведения в Ленинграде в ноябре 1958 г. Л. А. Мацулевич прочитал доклад «Мозаики Бир аль-Кута и Пидунды». Анализируя результаты последних раскопок, он датировал мозаики обоих памятников V веком и пришел к выводу о наличии художественных связей Грузии со Средиземноморьем в IV—V вв.³³³

Советские историки византийской архитектуры одной из своих важнейших задач ставили изучение исторических связей византийской архитектуры и архитектуры славянских народов. Проблема взаимоотношения архитектуры восточных и южных славян и Византии ставится в работе Р. А. Кацнельсон³³⁴. В центре внимания автора находится вопрос об архитектурном типе храма с трехлопастным завершением фасадов, распространенном у восточных и южных славян XII—XIV вв. Автор исходит из положения, что в основу каменного культового зодчества в Древнерусском государстве был положен византийский крестовокупольный тип храма. Однако русские зодчие, в соответствии с местными художественными вкусами и потребностями, а также архитектурными традициями деревянного зодчества, создали новый художественный облик храма, видоизменив его план и конструктивную систему. Для русского храма рассматриваемого периода характерно трехлопастное завершение фасадов, которому соответствует специфическое сочетание сводов. Процесс переработки византийских архитектурных форм происходил и в архитектуре южных славян — в Болгарии, Сербии, Далмации, где он имел свои особенности. Деревянные постройки оказывали на развитие каменной архитектуры у южных славян меньшее влияние, чем на русскую каменную архитектуру. Архитектура южных славян в большей степени формировалась под влиянием античных памятников и ранневизантийских каменных сооружений. Южные славяне сами непосредственно участвовали в формировании византийского зодчества. Народные традиции искусства южных славян (во многом сходные с традициями восточных славян) определили в их архитектуре ряд черт, сближающих зодчество восточных и южных славян. На основании изучения южнославянских архитектурных памятников автор приходит к предварительному выводу, что трехлопастное завершение фасадов, характерное

³³¹ Л. А. Мацулевич. Войсковой знак V в. ВВ, XVI, 1959, стр. 183—205.

³³² Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. ВДИ, 1956, № 4, стр. 146—153.

³³³ Ср. Л. А. Мацулевич. *Bir el-Qutt*. Историко-художественное значение мозаики. Юбилейный сборник в честь академика В. В. Струве. М., 1959, стр. 312—318.

³³⁴ Р. А. Кацнельсон. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. ВВ, XII, стр. 242—262.

для русского зодчества, имеет аналогии в Болгарии и позднее в Далмации; в архитектуре Сербии оно не применялось.

Р. А. Кацнельсон принадлежит также обобщающий очерк истории византийской архитектуры в I томе «Всеобщей истории архитектуры» (М., 1958, гл. V).

Для изучения архитектуры Византии и ее связей с архитектурой Италии и Ближнего Востока представляют интерес исследования С. А. Кауфман. В одной из своих статей она пытается установить некоторые этапы в истории строительства Софии Константинопольской³³⁵. Автор подчеркивает, что, в отличие от римских куполов, купол Софии Константинопольской был кирпичным, т. е. тяжелым, а не легким, как обычно указывается в популярных работах. Очевидные просчеты проектировщиков и строителей, использование ими старых частей, спешка в ходе самого строительства не могли не привести уже в процессе работ к опасным для здания явлениям, о чем свидетельствуют письменные источники. Тот факт, что первый купол обрушился, расценивается автором не как случайное следствие землетрясения, а как неизбежный результат органических недочетов проекта. Некоторое улучшение конструкции купола при его восстановлении Исидором Младшим не могло исправить этих коренных ошибок, особенно в отношении формы главных пилонов; отсюда — последующие обрушения. Введение в купол металлических круговых связей при реставрации XIX в. также не обеспечило надежной устойчивости здания, которое остается в угрожающем состоянии.

Обрушением Софии и некоторых сходных зданий следует объяснить отказ в дальнейшем от сооружения зданий с большим внутренним подкупольным пространством и распространение в Византии различных вариантов крестовокупольной системы, чем определялся также характер культовой архитектуры на Руси.

В другой работе С. А. Кауфман касается датировки храма Сан-Лоренцо с его первоначальным четырехлопастным планом³³⁶. Она склоняется к датировке его третьей четвертью IV в. н. э. Независимо от времени создания этого храма он, по мнению исследовательницы, является крупнейшим из древних четырехлопастных сооружений. Несмотря на романскую реконструкцию, Сан-Лоренцо воспринят был ранними мастерами Возрождения как живой представитель античности, и ознакомление с ним послужило толчком к созданию центральных композиций Ренессанса.

В критической статье, написанной по поводу трехтомной монографии Г. Чаленко (*Villages antiques de la Syrie du Nord*, 1953—1958), С. А. Кауфман выдвигает ряд собственных предположений об исторических судьбах поселений, расположенных к югу от римской дороги из Антиохии в Берею³³⁷. По ее мнению, необходимым условием производства оливкового масла на ранее не заселенном нагорье следует считать рабовладельческое хозяйство — в отличие от других изучаемых районов, где непосредственными производителями могли во все периоды оставаться члены общин, работавшие на крупных светских и храмовых землевладельцев, а позднее — на монастыри. Именно эти последние становятся крупнейшими центрами производства масла, что и позволило монастырям субсидировать создание замечательных архитектурных комплексов.

³³⁵ С. А. Кауфман. К истории Софии Константинопольской. ВВ, XIV, 1958, стр. 200—223.

³³⁶ С. А. Кауфман. Миланский комплекс центральных зданий. ВВ, XV, 1959, стр. 278—294.

³³⁷ С. А. Кауфман. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии. ВДИ, 1960, № 5, стр. 170—183.

За последние годы значительных результатов достигло изучение средневекового искусства Грузии и Армении.

Итогом многолетних трудов является монография Г. Н. Чубинашвили о грузинском чеканном искусстве³³⁸, вышедшая вслед за роскошно изданным альбомом³³⁹. Автором собран и подвергнут тщательному анализу огромный материал, относящийся по преимуществу к средневековому периоду (VIII—XII вв.). Некоторые главы, посвященные отдельным памятникам, представляют собой как бы вполне законченные самостоятельные исследования, в других рассматривается эволюция тех или иных орнаментальных мотивов. Автор намечает мастерские и школы чеканки X—XII вв., в заключительной главе дает обзор развития грузинской средневековой чеканки с VIII по XVIII в.

Г. Н. Чубинашвили многократно обращается к сопоставлениям с византийским материалом, однако для этой книги, как и для других, характерно стремление прежде всего определить своеобразие грузинского искусства. Это тенденция получила свое отражение и в другой монографии того же автора, посвященной архитектуре Кахетии³⁴⁰.

Перу Г. Н. Чубинашвили принадлежит также исследование о грузинской средневековой резьбе по дереву³⁴¹. Изучая сравнительно небольшое число дошедших до нас памятников этого особенно сильно подвергающегося разрушительному действию времени вида искусства, автор убедительно выявляет его специфику и одновременно показывает общность с другими видами искусства (чеканкой, архитектурной декорировкой).

Для византинистов представляет определенный интерес обобщающая работа Ш. Я. Амиранашвили³⁴². Рассматривая процесс развития живописи на территории Грузии в VII—XII вв., автор дает характеристику отдельных памятников, сопровождая ее рядом наблюдений, касающихся связей с византийским и восточнохристианским искусством. Одновременно он пытается наметить возникновение национальной иконографии в грузинском искусстве и определить его различные течения. В 1956 г. тем же автором переиздана монография, посвященная творчеству золотователя XII—XIII вв. Бека Опизари³⁴³.

Помимо указанных работ, за последние годы вышел ряд исследований, посвященных отдельным памятникам архитектуры средневековой Грузии, их декоративному убранству, фресковой живописи.

В вышедшем в 1959 г. очередном томе «*Arts Georgica*» опубликована статья Т. Б. Вирсаладзе о фресковой росписи Гелатского храма³⁴⁴. Автор выявляет стилистическое своеобразие этих росписей 20-х годов XII в. по сравнению с византийскими памятниками XI—XII вв. и посвящает большой экскурс изображениям вселенских соборов, прослеживая историю этих изображений в Византии, на Балканах, в Древней Руси и Грузии. Особо подчеркнутое в росписи Гелати изображение Халкидонского собора Т. Б. Вирсаладзе связывает с реальным историческим значением этого собора для Закавказья.

³³⁸ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Исследовано по истории грузинского средневекового искусства, т. I—II. Тбилиси, 1959.

³³⁹ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII в. Альбом. Тбилиси, 1957.

³⁴⁰ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Исследование развития архитектуры в восточных провинциях Грузии в IV—XVIII вв. Тбилиси, 1959, 638 стр.

³⁴¹ Г. Н. Чубинашвили. Грузинская средневековая художественная резьба по дереву (переломы X—XI вв.). Тбилиси, 1958, 119 стр.

³⁴² Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи, т. I. Тбилиси, 1957, 185 стр.

³⁴³ Ш. Я. Амиранашвили. Бека Опизари. Тбилиси, 1956, 56 стр.

³⁴⁴ Т. Б. Вирсаладзе. Фрагменты древней фресковой росписи главного Гелатского храма. «*Arts Georgica*», 5. Тбилиси, 1959, стр. 163—205.

Вслед за прекрасно изданным в 1952 г. альбомом Л. А. Дурново «Древнеармянская миниатюра» тем же автором была опубликована небольшая работа по истории древнеармянской живописи³⁴⁵. Наряду с известными ранее великолепными образцами миниатюрной живописи Армении автор впервые вводит в научный оборот недавно открытые фрагменты монументальной живописи VII и X вв. Несмотря на свою краткость, книга Л. А. Дурново, впервые определяющая пути развития средневековой живописи Армении, имеет большое научное значение.

Армянской миниатюре посвящены исследования Л. Азаряна³⁴⁶ (занимающегося по преимуществу Киликийской школой) и Т. А. Измайловой³⁴⁷. Значительное число научных и научно-популярных изданий (на армянском и русском языках) связано с публикацией отдельных памятников архитектуры и декоративного убранства. Обобщающее исследование В. М. Арутюняна посвящено строительству мостов и караван-сараяв на территории Армении³⁴⁸.

Интересна публикация Р. М. Джанполадян фрагмента византийского стеклянного сосуда, найденного во время раскопок в Двине³⁴⁹.

ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И НУМИЗМАТИКА

Из византийских городов и поселений, расположенных на территории Советского Союза, основным объектом изучения археологов являлся древний Херсонес, на месте которого уже длительное время и с большим успехом ведутся систематические раскопки³⁵⁰. Выше мы уже подробно говорили о результатах многолетних разысканий советских ученых, в первую очередь А. Л. Якобсона, имеющих первостепенное значение для истории византийского города. Здесь необходимо лишь указать, что раскопки в Херсонесе столь же важны и для развития византийской археологии; они дают в руки ученых огромный и первоклассный археологический материал, позволяющий судить о материальной культуре, архитектуре и искусстве окраинных городов Византийского государства с IV по XIV в.

Наряду с изысканиями в Херсонесе советские археологи уделяют внимание изучению и других средневековых поселений Крыма, связанных в той или иной степени с Византийской империей. В частности, в нашей науке дискутировался вопрос о происхождении так называемых пещерных городов Крыма.

Е. В. Веймарн выдвинул новую теорию их возникновения³⁵¹. В отличие от М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона, которые считают «пещерные

³⁴⁵ Л. А. Дурново. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957, 58 стр.

³⁴⁶ См. Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII—XIII вв. Автореферат канд. дисс. Ереван, 1959, 23 стр.

³⁴⁷ См., например, Т. А. Измайлова. Декоративное убранство двух анийских памятников начала XIII века. «Труды Гос. Эрмитажа», 2, 1958, стр. 159—166; е е ж е. Культурное наследие в убранстве анийских памятников (X—XI вв.). «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки», 1959, № 10, стр. 67—82.

³⁴⁸ См. В. М. Арутюнян. Караван-сарай и мосты средневековой Армении. «Сборник научных трудов Ереванского политехнического ин-та им. К. Маркса», 17, 1958, стр. 135—145.

³⁴⁹ Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд из Двина. КСИИМК, 60, 1955, стр. 120—124; е е ж е. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. СА, 1958, № 1, стр. 201—213.

³⁵⁰ См., например, Г. Д. Белов. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. СА, XXIV, 1955, стр. 257—281.

³⁵¹ Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. СА, 1958, № 1, стр. 71—79; е г о ж е. Оборонительные сооружения Эски-Кермена. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 7—54; е г о ж е. О времени возникновения средневековой крепости Капамита.

города» Крыма, расположенные на второй гряде Крымских гор, цепью крепостей (названных Прокопием «длинными стенами»), созданных Византией в основном при Юстиниане I для обороны дальних подступов к Херсонесу со стороны степи и для защиты коренного земледельческого населения горных долин Юго-Западного Крыма от кочевников, Е. В. Веймарн, признавая значительную роль Византии в Крыму, полагает, однако, что нет никаких реальных оснований приписывать империи строительство в Юго-Западном Крыму целой оборонительной системы, звеньями которой якобы являлись так называемые пещерные города. По мнению автора, археологический материал приводит к заключению, что с конца IV или с самого начала V в. н. э. оседлое население предгорий Юго-Западного Крыма покинуло этот район и передвинулось в горные долины рек Альмы, Бодрака, Качи и Белобека. Пещерные города возникли в юго-западном нагорье после гуннского нашествия; частично это были маленькие крепости (будущие феодальные замки), частично — обширные городища с загонем для скота, способные в случае опасности укрыть окрестное население. Они лежали в стороне от основного торгового пути к Херсону. Во многих постройках чувствуется влияние фортификационного искусства Византии.

Иную точку зрения отстаивал В. В. Кропоткин, полагавший, что пещерные города первоначально являлись византийскими крепостями и наряду с Херсоном и Боспором были центрами византийского господства в Таврике³⁵². Некоторые из этих городов не сохранили своих средневековых наименований, поэтому их отождествление с известными нам по письменным источникам географическими центрами сопряжено с большими трудностями. Таков, например, вопрос о локализации города Фуллы. Как известно, В. Г. Васильевский и Ю. А. Кулаковский помещали Фуллы в восточной части Таврики, в области, смежной с владениями хотциров (или ходиров) и территорией Сугдейской епархии. В свою очередь А. Л. Бертъе-Делагард утверждал, что город Фуллы находился не в восточной, а в юго-западной части Таврики, на месте известного пещерного города Чуфут-Кале, расположенного в окрестностях Бахчисарая. Анализируя археологический материал, В. В. Кропоткин приходит к выводу, что совокупность известных фактов не позволяет локализовать город Фуллы — центр христианской епархии с конца IX в. — на месте Чуфут-Кале, поскольку там не обнаружено никаких христианских памятников IX—XII вв. и более позднего времени (христианское население Чуфут-Кале, по-видимому, было вытеснено караимами в период хазарского господства в Таврике). На основании разбора исторических и географических данных автор статьи заключает, что Фуллы были расположены в восточной части Таврики; их нужно разыскивать поблизости от Сугдеи и Кафы. Наиболее вероятным пунктом в области крымских предгорий, где находился этот город, является местность на холме Тепсень близ с. Планерское (б. Кожтебель, между Судаком и Феодосией).

Гипотеза В. В. Кропоткина в свою очередь вызвала возражения А. Л. Якобсона³⁵³, который считает невозможным локализовать город Фуллы в Восточной Таврике, в частности на холме Тепсень, поскольку восточнокрымские поселения к концу X в. либо сильно обезлюдели, либо стали по своему населению русскими.

Там же, стр. 55—62; е го же. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму. КСИА АН УССР, 10, 1960, стр. 109—110.

³⁵² В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 198—218.

³⁵³ А. Л. Якобсон. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108—113.

Хотя затронутые в указанных работах советских археологов вопросы остаются по-прежнему спорными, а их окончательное разрешение потребует еще немалых усилий, самая их постановка свидетельствует об огромном значении археологических изысканий для изучения проблемы взаимоотношений Византии со средневековым Крымом и истории его коренного населения. В этой связи следует также признать научную важность археологических исследований других средневековых поселений Крыма³⁵⁴.

За последние годы при раскопках античных поселений Крыма были раскрыты также средневековые слои, содержащие ценный материал и по византийской археологии. Так, при раскопках античных некрополей боспорских городов В. Ф. Гайдукевичем было обнаружено относящееся к византийскому периоду поселение на южном берегу Тобечикского озера: здесь найдена керамика VIII—XI вв., а также склепы из Китея с инвентарем, доходящим до IV, а возможно, и до V в.³⁵⁵ Среди работ, посвященных херсонесской керамике, следует отметить исследование Д. Л. Талиса³⁵⁶. Автор выделяет семь групп ранне-средневековой поливной и расписной керамики из Херсонеса и приходит к выводу, что она экспортировалась из Византии. Упомянем в этой связи монографию М. А. Безбородова, где, в частности, анализируется состав византийского и херсонесского стекла из южнокрымских раскопок³⁵⁷.

Археологические изыскания средневековых поселений ведутся и на Южном побережье Черного моря. Большие перспективы в этом отношении имеют раскопки в Абхазии, где наряду с античными и местными средневековыми поселениями встречаются и византийские памятники. Так, раскопками в Новом Афоне вскрыты остатки крепости Анакопия, относимые М. М. Трапшем к VII—XII вв. Храм Анакопийской крепости тот же автор датирует X—XI вв. При раскопках обнаружены бытовые предметы местного производства, печь для обжига извести, византийские монеты и монета грузинского царя Георгия II. Автор выделяет три культурных слоя, относящихся к средневековью, и датирует их VII, VIII—IX и X—XII вв.³⁵⁸

Необходимо признать, что изучение византийских памятников и средневековых поселений на Юге нашей страны все же ведется еще не в таких масштабах, какие соответствовали бы их научному значению. Отдельные находки византийских вещественных памятников делаются в ходе разысканий ученых, работающих в других областях археологии, но они в общем довольно незначительны³⁵⁹.

³⁵⁴ Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, 68, 1957, стр. 98—103.

³⁵⁵ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). МИА, 69, 1959, стр. 154—238; е го же. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, 85, 1958, стр. 149—218; е го же. Виноделие на Боспоре. Там же, стр. 352—457.

³⁵⁶ Д. Л. Талис. К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса. «Труды Гос. исторического музея», 37, 1960, стр. 125—140.

³⁵⁷ М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, 306 стр.

³⁵⁸ М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. «Труды Абхаз. ин-та языка, литературы и истории», XXX, 1959, стр. 121—157.

³⁵⁹ См. в этой связи: Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1955 г. СА, 1957, № 4, стр. 234—273. К византиноведению относятся разделы: «Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.» (стр. 247—249), «Древняя Русь и ее соседи» (стр. 243—255), «Кавказ» (стр. 255—256, 259—262), «Работы по археологии зарубежных стран» (стр. 267—268); Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1956 г. СА, 1958, № 4, стр. 258—299. К византиноведению относятся разделы: «Славяне и соседние племена в I тысячелетии н. э.» (стр. 273—275), «Древняя Русь и ее соседи» (стр. 275—280), «Кавказ» (стр. 280—282, 284—287), «Работы по археологии зарубежных стран» (стр. 298—299); Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская.

Вполне естественно, конечно, что среди византийских вещей, обнаруженных во время археологических раскопок, первое место в количественном отношении занимают византийские монеты, дающие значительный материал для нумизматических исследований. Советские нумизматы-византинисты занимаются как общетеоретическими вопросами, так и публикацией и анализом новых находок византийских монет, найденных преимущественно на территории нашей страны.

К числу работ первого рода относится статья И. В. Соколовой, в которой предпринята попытка определить значение кладов византийских монет как источника по истории Византии³⁶⁰. Автор использует материалы византийских монетных кладов, обнаруженных в разное время главным образом на территории СССР и Болгарии, а отчасти — Западной Европы. Новым в статье является постановка вопроса о кладе как о едином памятнике эпохи, а не случайном скоплении разновременного материала. По мнению автора, анализ топографии, хронологии и состава кладов византийских монет может привести к выводам, представляющим интерес не только для экономической, но и для политической истории Византии. В частности, отливы и приливы в зарытии кладов находятся, как показывает автор, в прямой зависимости от того, в какой степени населению этих областей угрожала военная опасность. Вместе с тем зарытие кладов византийских монет на территории империи в конце V—VII вв. связано главным образом с политическими кризисами, так что отсутствие кладов еще не свидетельствует об экономическом упадке того или иного района страны или резком сокращении, тем более почти полном прекращении, денежного обращения. Известная стабилизация внешнеполитического положения Византии, наступившая после крайне тяжелого кризиса второй половины VII в., привела к укреплению экономики Византийского государства и упорядочению денежного обращения в такой степени, что вся масса монет находилась в обращении и не было факторов, ведущих к его затуханию и созданию кладов. Сравнительно ограниченное количество монет иконоборческого времени и отсутствие их в более поздних кладах автор объясняет принудительным изъятием их из обращения по соображениям чисто идеологического, а не экономического характера.

Точка зрения И. В. Соколовой не является общепризнанной; в частности, она расходится с высказанным ранее мнением А. П. Каждана, согласно которому резкое сокращение находок кладов монет в Византии VII—IX вв. является прямым свидетельством экономического упадка империи, аграризации городов и сокращения денежного обращения.

В своем другом исследовании И. В. Соколова устанавливает применение в Византии в конце X — начале XI в. так называемого маточника, технического усовершенствования, прослеживающегося на серебряных монетах Василия II³⁶¹.

Большой научный интерес представляют публикации византийских монет, найденных за последние годы на территории СССР — в Херсонесе, Грузии, Абхазии, Азербайджане, на Украине, в Молдавии, Прикамье.

Общий обзор и подробная характеристика нумизматического собрания Херсонесского музея недавно были сделаны А. М. Гилевич. В этом богатейшем собрании насчитывается 4913 экземпляров монет средневекового

Советская археологическая литература за 1957 г. СА, 1959, № 4, стр. 282—327. Имеется отдельное издание: «Советская археологическая литература. Библиография, 1941—1957 гг.». М.—Л., 1959, 773 стр.

³⁶⁰ И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. ВВ, XV, 1959, стр. 50—63. См. выше, стр. 22.

³⁶¹ И. В. Соколова. О технике изготовления штемпелей для чеканки византийских монет. «Сообщения Гос. Эрмитажа», XV, 1959, стр. 46—49.

Херсонеса и Византии за период от V до XII в.³⁶² Значительная часть византийских монет Херсонеса уже изучена и опубликована.

А. М. Гилевич, основываясь на анализе нумизматических находок в Херсонесе, пришла к заключению, что с начала VII до середины IX в. Херсонес не имел собственного чекана, а византийские монеты этого времени здесь крайне редки. В связи с этим она ставит вопрос о возможности обращения в VII—VIII вв. позднеримских и ранневизантийских монет³⁶³. В другой своей статье тот же автор охарактеризовал новые находки в Херсонесе византийских золотых монет Анастасия I и Константина V. Они найдены в этом месте впервые. Интересно, что публикуемая монета Анастасия I чеканена в Италии (в Милане, между 479 и 493 гг.), в то время как почти все найденные в Херсонесе ранние византийские монеты, в том числе и бронзовые монеты Анастасия I, чеканились в восточной части империи³⁶⁴.

Ю. С. Крушкол принадлежит публикация и анализ византийских монет, найденных в Херсонесе в 1946 г.³⁶⁵ На основании изучения византийских и херсоно-византийских монет автор утверждает, что громадный монетный материал свидетельствует о развитом денежном хозяйстве и товарном производстве Херсонеса начиная с IV в. до н. э. по XII—XIII вв. н. э. С IV в. до н. э. и по II в. н. э. главную роль в обращении играли монеты самого Херсонеса, что указывает на его политическую и экономическую самостоятельность. В III—V вв. н. э. здесь обращается римская императорская монета, что говорит о политическом и экономическом упадке Херсонеса в это время. После разделения Римской империи на Западную и Восточную в Херсонесе обращаются монеты восточных римских императоров. При Юстиниане I город вновь приобретает значительную самостоятельность, как экономическую, так и политическую, чем обуславливает возобновление собственной чеканки в Херсонесе. Новые херсоно-византийские монеты становятся основным средством обращения в Херсонесе с VI по X—первую четверть XI в. В первой четверти XI в. собственная чеканка монет в Херсонесе прекращается. Главным денежным материалом снова становятся монеты Византии.

Весьма значительный вклад в изучение римских и византийских монет внесли нумизматы Грузии. Д. Г. Капанадзе в одной из своих статей дал описание монет, найденных при раскопках под руководством академика И. А. Джавахишвили в 1937—1940 гг. в районе Мцхета, древней столицы Грузии. На основании этих находок автор утверждает, что обращение в Грузии золотых монет римского времени было постоянным и повсеместным явлением; он предполагает, что найденные золотые монеты — грузинского происхождения³⁶⁶. Публикуя нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции, Д. Г. Капанадзе дал характеристику найденного нумизматического материала (48 золотых, 235 серебряных и 21 медная монета), в том числе византийских серебряных монет Льва I. В статье поставлен вопрос о территориальной локализации так называемых «варваризованных» римских ауреусов II—III вв. и серебряной монеты Льва I.

³⁶² А. М. Гилевич. Нумизматическое собрание Музея. «Сообщения Херсонесского музея», I, 1960, стр. 57—62.

³⁶³ А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году. «Херсонесский сборник», V, 1959, стр. 191—205. В основном это монеты IV—V вв. (69 шт.) и только одна — херсонесская монета Романа Лакаина (№ 7908).

³⁶⁴ А. М. Гилевич. Золотые византийские монеты из Херсонеса. СА, 1959, № 1, стр. 267—268.

³⁶⁵ Ю. С. Крушкол. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 году. «Труды Гос. исторического музея», XXVI. Нумизматический сборник, 2, 1957, стр. 61—69.

³⁶⁶ Д. Г. Капанадзе. Ауреусы Армазского некрополя. СА, 1957, № 3, стр. 159—175.

Любопытно, что все монеты Льва I пробиты и, следовательно, попали в погребение, где они были обнаружены, уже не как монеты, а как украшения³⁶⁷.

Д. Г. Капанадзе издал, кроме того, серебряную монету грузинского царя Георгия II, найденную в 1957 г. в Новом Афоне вместе с четырьмя византийскими анонимными монетами XI в.³⁶⁸

Статья Т. Я. Абрамишвили посвящена исследованию семи золотых византийских монет (шесть из которых принадлежат византийскому императору Алексею I, а одна — Иоанну II), найденных близ Гурджаани. По мнению автора, эти экземпляры монет составляют часть клада, зарытого в районе торговой магистрали (из этого же района поступил клад монет царицы Тамары и клад монгольских монет XIII—XIV вв.³⁶⁹). На основании собранных сведений автор приходит к выводу, что византийские монеты имели распространение как в Восточной, так и в Западной Грузии; поступаая в Грузию, они тут же оседали, следовательно, находились здесь в широком обращении.

Публикация клада серебряных монет из собрания Государственного кутаисского историко-этнографического музея была осуществлена К. В. Голенко³⁷⁰. В составе клада 27 западногрузинских монет (кирманеули) и 186 трапезундских монет (аспров) XIII в., преимущественно Иоанна II (1280—1297). По мнению автора, с точки зрения типологии трапезундские аспры чрезвычайно близки к византийским монетам, в метрологическом же отношении явно заметно влияние сельджукского дирхема. Отсутствие золотой монеты и массовая чеканка серебра в Трапезунде были обусловлены мусульманским окружением, при этом форма и размер трапезундского аспра ориентируются на сельджукский дирхем. Распространение аспров Трапезунда XIII в. в Западной Грузии было, конечно, обусловлено тесными историческими связями, существовавшими тогда между этими государствами.

Связи южного берега Черного моря с Византией естественно обусловили также распространение византийских монет и в этом районе, о чем свидетельствуют нумизматические находки в Абхазии. Так, в 1957 г. в селе Эшеры Сухумского района в одном глиняном горшке было найдено 39 эллинистических, римских и византийских монет, в том числе две — Констанция (337—361) и по одной — Анастасия I и Юстиниана I³⁷¹.

Ареал распространения византийских монет был настолько велик, что мы располагаем их кладами в самых различных областях нашей страны. В частности, интересны новые находки византийских монет в Азербайджане, где обнаружены монеты VI—XIII вв.³⁷²

³⁶⁷ Д. Г. Капанадзе. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1948 гг. и 1951 г. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I, 1955 (на груз. яз. с кратким резюме на русск. яз.). Тбилиси, стр. 79—88.

³⁶⁸ Д. Г. Капанадзе. Неизданный вариант грузинской монеты XI века. «Труды Абхаз. ин-та языка, литературы и истории», XXX, 1959, стр. 101—104; см. е го же. Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия. «Эпиграфика Востока», XII, 1958, стр. 39—47. Статья содержит некоторые замечания о грузино-византийских связях.

³⁶⁹ Т. Я. Абрамишвили. Находка византийских золотых монет в Гурджаани. ВВ, XIII, 1958, стр. 282—285; е е же. Западногрузинские монеты XIII—XIV вв. (кирманеули). Тбилиси, 1959, стр. 160 (на груз. яз. с русским резюме—стр. 139—151).

³⁷⁰ К. В. Голенко. Клад монет из села Тобаниери. ВВ, XVI, 1959, стр. 127—172.

³⁷¹ Г. К. Бокучава. Нумизматические приобретения Абхазского государственного музея за 1957 год. «Труды Абхазского гос. музея», III, 1958, стр. 109—118.

³⁷² Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. VII. Баку, 1957, 124 стр.; вып. VIII. Баку, 1959, стр. 129 (продолжение публикации, первый выпуск которой вышел в 1926 г.). В VIII выпуске, в частности, отмечен ряд находок византийских монет: медная монета Юсти-

Публикация М. Ю. Брайчевского учитывает римские монеты по V в. н. э., найденные в Украинской ССР³⁷³.

Летом 1955 г. у восточной окраины с. Стратиевки Ольгопольского района Винницкой обл. (Украинская ССР), на левом берегу р. Кодымы были найдены две серебряные римско-византийских монеты³⁷⁴. Одна из них, относящаяся к правлению императора Коммода, датируется 187—188 гг. н. э. Вторая монета, хорошей сохранности, представляет так называемый *argenteus minutulus* Константина II. П. О. Карышковский датирует эту монету 330—337 гг.

На Украине же, в Поднепровье, были найдены имитации византийских золотых солидов VII в., опубликованные в 1957 г. К. В. Голенко. В отличие от византийских солидов, изданные монеты изготовлены не из золота, а из серебра, но они густо вызолочены, техника их изготовления — литье, вес монет почти вдвое меньше оригинальных византийских солидов. Эти монеты были специально изготовлены в качестве украшений. Появление подобных отливок в районе Поднепровья могло быть обусловлено только распространением у населения данной территории оригинальных золотых византийских монет XII в.³⁷⁵

В Молдавии в начале 50-х годов были открыты два клада римско-византийских монет. Оргеевский клад, найденный в 1951 г., содержал 126 серебряных монет Констанция II и одно варварское подражание византийскому солиду. Кириленский клад, открытый в 1952 г., содержал золотые солиды Грациана, Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия и Гонория. Среди единичных находок были обнаружены серебряные и медные монеты IV в.³⁷⁶

В. В. Кропоткиным описан клад бронзовых монет, найденный у с. Лукашевка Молдавской ССР³⁷⁷.

Определенным успехом в изучении связей Византии в раннее средневековье с такими отдаленными областями, как Приуралье, является публикация Л. Н. Казамановой так называемого Бартымского клада, найденного в Прикамье. В кладе обнаружены 264 серебряные монеты Ираклия (двойные милиарисии — гексаграммы). На основании анализа найденных монет и других византийских вещей VII в. в Приуралье Л. Н. Казаманова приходит к выводу о росте торгового обмена между Византией и сасанидским Ираном — с одной стороны, и Прикамьем — с другой. Из Прикамья на юг шло большое количество ценной пушнины. На основании находок сасанидских вещей в этом же районе автор считает, что правление Ираклия было временем соперничества в Прикамье Византийской империи и Сасанидского государства. По мнению автора, серебряные вещи, попадав-

ниана I (№ 1946), 16 серебряных монет VII в. (№ 1947), серебряная монета Константа II (№ 1948), золотая монета Константина IV (№ 1949), медная монета VII в. (№ 1950), две золотые монеты первой половины VIII в. (№ 1951) медная монета Никифора Фоки (№ 1952), серебряная монета Иоанна Цимисхия (№ 1953), анонимные медные монеты (№ 1954—1957), 11 вогнутых монет XI в. (№ 1958—1960), медная монета XII—XIII вв. (№ 1961).

³⁷³ М. Ю. Брайчевский. Римська монета на території України. Київ, 1959, 245 стр.

³⁷⁴ П. О. Карышковский. Находка римских монет в бассейне р. Кодымы. СА, 1957, № 2, стр. 250—253.

³⁷⁵ К. В. Голенко. Имитация солида VII в. из Поднепровья. ВВ, XI, 1957, стр. 292—294.

³⁷⁶ А. А. Нудельман, Э. А. Рикман. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии. «Известия Молдавского филиала АН СССР», 1956, № 4 (31), стр. 143—152 (резюме на молдав. и франц. яз., стр. 153—154).

³⁷⁷ В. В. Кропоткин. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. «Нумизматика и эпиграфика», I, 1960, стр. 215—222.

шие в Приуралье из Византии и стран Востока, использовались местным населением не по прямому назначению, а являлись капиталом. Бартымское святилище, видимо, и являлось собственником найденных близ деревни Бартымы сокровищ³⁷⁸.

* * *

Появление ряда монографий, изучающих отдельные периоды истории и культуры Византии, а также большого количества статей по различным вопросам византийской истории и вспомогательным дисциплинам — палеографии, эпиграфике, нумизматике, и т. д. — позволило советским ученым уже в период после XX съезда КПСС приступить к созданию обобщающих трудов по истории Византии и ее отдельных периодов. Первым опытом написания такого обобщающего труда являются главы по истории Византии и южных славян в третьем томе «Всемирной истории», написанные З. В. Удальцовой (М., 1957), «Очерки по истории Византии и южных славян» А. П. Каждана и Г. Г. Литаврина, изданные Учпедгизом (М., 1958), а также небольшая популярная книжка Г. Л. Курбатова «Византия в VI в.» (Л., 1959).

В настоящее время советские византинисты приступили к созданию крупного обобщающего труда — «Истории Византии», в котором будут подведены итоги их исследований.

³⁷⁸ Л. Н. К а з а м а н о в а. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. «Труды Гос. исторического [музея], {XXVI. Нумизматический сборник, 2. М., 1957, стр. 70—76.